

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации»

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

**научный журнал
2018 г. № 4 (85)**

Научный журнал «Власть и управление на Востоке России» входит в Перечень ведущих научных изданий с 30.11.2006 г. Заключением Президиума ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации от 01.12.2015 г. № 13-6518 научный журнал «Власть и управление на Востоке России» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

By the presidium's conclusion of VAK by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation from 01.12.2015 № 13-6518 the scientific journal «Power and Administration in the East of Russia» is included in the List of the Russian reviewed scientific journals, in which the main scientific results of dissertations to submit the scientific degrees for Doctor and the Candidate of science in edition of 2012 should be published.

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
**«Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»**

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

**научный журнал
2018 г. № 4 (85)**

Научный журнал основан
в марте 1998 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

О. Г. Поливаева, к.э.н., доцент

Редакция:

Корректор – С. В. Очкасова
Технический редактор – Ю. А. Шишватова
Компьютерная верстка – Ю. А. Шишватова

Адрес редакции:

680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-
Амурского, 33. Дальневосточный институт
управления - филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Феде-
рации. Тел. (факс): (4212) 305-306. E-mail:
rio@dviu.ranepa.ru

Учредитель:

Федеральное государственное бюджет-
ное образовательное учреждение выс-
шего образования «Российская академия
народного хозяйства и государствен-
ной службы при Президенте Россий-
ской Федерации» (119606, г. Москва,
просп. Вернадского, 82)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по
надзору в сфере связи, информационных техноло-
гий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой
информации ПИ № ФС77-48935 от 12 марта 2012 г.

Редакционная коллегия:

Н. М. Байков, д.с.н., профессор (Россия)

Е. Н. Галичанин, д.э.н., профессор
(Россия)

В. К. Заусаев, д.э.н., профессор (Россия)

Ю. А. Зубок, д.с.н., профессор (Россия)

Е. А. Мотрич, д.э.н. (Россия)

А. В. Новокрещёнов, д.с.н., профессор
(Россия)

Е. С. Осипова, д.э.н., доцент (Россия)

О. М. Прокапало, д.э.н. (Россия)

О. М. Рензин, к.э.н., ст. науч. сотр.
(Россия)

А. М. Сергиенко, д.с.н., доцент (Россия)

Ю. А. Тюрина, д.с.н., профессор
(Россия)

Ан Е, д.э.н., профессор (Китай)

А. Кнорр, доктор, профессор (Германия)

З. Сугиура, профессор (Япония)

Ма Ю., доктор, главн. науч. сотр.
(Китай)

При перепечатке ссылка на журнал
«Власть и управление на Востоке России»
обязательна. Рукописи рецензируются.

Мнения, высказываемые авторами, могут
не совпадать с точкой зрения редакции

Авторы опубликованных материалов не-
сут ответственность за подбор и точность
приведённых фактов, цитат, экономико-
статистических данных, собственных
имен, географических названий.

The federal state budgetary educational institution
of the highest education
**"The Russian Academy of National Economy
and Public Service by the President
of the Russian Federation"**

**THE FAR-EASTERN
INSTITUTE OF MANAGEMENT**

**POWER AND
ADMINISTRATION
IN THE EAST
OF RUSSIA**

**scientific journal
2018, no. 4 (85)**

Scientific journal is founded
in March, 1998
Is issued 4 times a year

Editor-in-Chief

O. G. Polivaeva, Candidate of Economy,
Docent

Editorial Board:

S. V. Ochkasova – corrector
Yu. A. Shishvatova – technical editor
Yu. A. Shishvatova – computer layout

Address:

Russia, 680000, Khabarovsk, Muraviova-
Amurskogo St., 33. The Far-Eastern in-
stitute of management – branch of the
Academy of National Economy and Pub-
lic Administration by the President of the
Russian Federation. Tel. (fax): 305-306.
E-mail: rio@dviu.ranepa.ru

Founder:

The Federal state budgetary educational insti-
tution of the highest education "The Russian
Academy of National Economy and Civil Ser-
vice by the President of the Russian Federation"
(119606, Moscow, 82, Vernadskiy prospect)

The periodical is registered by the Federal Service for
supervision in the sphere of communication, information
technologies and mass communications (Roscomnadzor).
The certificate about the registration of the mass
information PI № FS77-48935 dated March 12, 2012.

Editorial Staff:

N. M. Baykov, Doctor of Sociology,
professor (Russia)

E. N. Galichanin, Doctor of Economy,
professor (Russia)

V. K. Zausaev, Doctor of Economy,
professor (Russia)

Yu. A. Zubok, Doctor of Sociology, professor
(Russia)

E. L. Motrich, Doctor of Economy (Russia)

A. V. Novokreshchenov, Doctor of Sociology,
professor (Russia)

E. S. Osipova Doctor of Economy, professor
(Russia)

O. M. Prokapalo, Doctor of Economy
(Russia)

O. M. Renzin, Candidate of Economy, chief
scientific researcher (Russia)

A. M. Sergienko, Doctor of Sociology
(Russia)

Yu. A. Tyurina, Doctor of Sociology,
professor (Russia)

An E, Doctor of Economy, professor
(China)

A. Knorr, Doctor, professor (Germany)

Z. Sugiura, professor (Japan)

Ma U., Doctor, Chief Researcher (China)

No part of any material may be reprinted
without the reference to the journal "Power
and Administration in the East of Russia".
Articles are subject to review.

The authors' opinions may not coincide with
those of the editorial board

The authors of the articles bear responsibility
for the selection and precision of the facts,
quotations, economic and statistical data,
proper and geographical names.

СОДЕРЖАНИЕ

Дальний Восток: новые стратегии и модели развития

Белоусова А. В. Грицко М. А. Найден С. Н.	Демографические перспективы развития Дальнего Востока и Хабаровского края: возможности достижения	8
Лада А. С.	Проблемы привлечения трудовых ресурсов в субъектах Дальнего Востока	21
Грицко М. А.	Особенности формирования человеческого капитала в крупных центрах концентрации населения Дальнего Востока России	32
Ефременко В. Ф. Габунув В. В.	Воспроизводственная структура Дальневосточного макрорегиона России – проблемы сбалансированности и развития	41
Иванченко О. Г. Иванченко Е. С. Титкова А. Ю.	Развитие инструментов промышленной политики: дальневосточный вектор	50
Блинова Т. Н.	Совершенствование управления территориальной доступностью	62

Теория и практика экономики и управления

Рензин О. М.	Тенденции структурных сдвигов в валютном инструментарии взаимодействия стран Северо-Восточной Азии	74
Зикунова И. В. Грейзик С. В.	Транспортно-логистический потенциал Хабаровского края в контексте развития внешнеторгового потока через северный морской путь	82
Резанов В. К. Резанов К. В. Зверева Ю. В. Тай Юйлян	Трансграничные зонтичные структуры как основа приграничного международного кластера	90

Мазанкова Т. В.	Трансформация рынка общественного питания в пореформенный период российского общества	100
Буланова М. А.	Оценка реализации демографической политики в Хабаровском крае	111
Поливаева О. Г.	Территориальные особенности формирования заработной платы: дальневосточный аспект	120
Халикова С. С.	Оценка уровня бедности населения Хабаровского края	127

Представляю к защите

Кулагина Ю. А.	Развитие программного обеспечения управления профилактикой здоровья населения г. Хабаровска	137
Андроняк И. А.	Муниципальная услуга и ее сущностные характеристики: нормативно-правовые аспекты	144

Научно-аналитические обзоры

Галичанин Е. Н.	Закрепление населения на Дальнем Востоке – ключевая задача Национальной программы развития региона	151
Вальковская В. В. Туркулец С. Е.	Создаем будущее сегодня: приоритеты научно-просветительской деятельности XXI в.	157
Попов Д. А.	Генезис российской торговли: от «Русской правды» до «Соборного уложения»	161
К сведению авторов		169

CONTENTS

The Far East: new strategies and development models

A. B. Belousova M. A. Gritsko S. N. Naiden	Demographic prospects for the development of the Far East and the Khabarovsk territory: possibilities of achieving	8
A. S. Lada	Problems of attracting labor resources to the constituent entities of the Far East	21
M. A. Gritsko	Features of the formation of human capital in large centers of concentration of the population of the Far East of Russia	32
V. F. Efremenko V. V. Gabunov	Reproduction structure of the Far-Eastern macro-region of Russia – the problems of balance and development	41
O. G. Ivanchenko E. S. Ivanchenk A. Yu. Titkova	Development of the instruments of industrial policy: the Far-Eastern vector	50
T. N. Blinova	Improving the management of territorial accessibility of higher education services in the Far Eastern Federal District	62

Theory and practice of economics and management

O. M. Renzin	Trends in the structural shifts in the currency instruments of interaction between the countries of the North-Eastern Asia	74
I. V. Zikunova S. V. Greyzik	Transport and logistics potential of the Khabarovsk territory in the context of the development of foreign trade through the north sea route	82
V. K. Rezanov K. V. Rezanov E. V. Zvereva Tai Yuylyan	Cross-border umbrella structures as the basis of a cross-border international cluster	90

T. V. Mazankova	Stages of development of public catering in the post-reform period	100
M. A. Bulanova	Assessment of implementation of demographic policy in the Khabarovsk territory	111
O. G. Polivaeva	Territorial features of formation of the salary: the Far-Eastern aspect	120
S. S. Khalikova	Assessment of the poverty level of the Khabarovsk territory population	127

Post-Graduate Research

Yu. A. Kulagina	Development of the software of prevention management of health of the population of Khabarovsk	137
I. A. Andronyak	Improvement of practice of regulation of municipal services	144

Research reviews

E. N. Galichanin	Fixing of the population in the Far East – the key task of the National program of development of the region	151
V. V. Valkovskaya S. E. Turkulets	We create the future today: priorities of scientific and educational activity of the 21st century	157
D. A. Popov	Genesis of Russian trade: from the “Russian Truth” to the “Cathedral Code”	161
From the Editorial Board		169

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: новые стратегии и модели развития

DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-8-20
УДК 338+332.1+314

А. В. Белоусова
М. А. Грицко
С. Н. Найден

Демографические перспективы развития Дальнего Востока и Хабаровского края: возможности достижения¹

В статье рассматриваются особенности, механизм и ограничения формирования демографических прогнозов, включая нормативный и сценарный подходы. Обосновывается необходимость поиска транзитивной связи между государственными намерениями и факторами, определяющими их реализацию. По итогам 2017 года выполнена оценка реализации Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года. Представлен сравнительный анализ индикаторов, заложенных в Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года, и параметров демографического прогноза, разработанного Федеральной службы государственной статистики. Выявлено, что показатели Концепции не только превышают параметры наиболее реалистичного сценария демографического развития (средний сценарий), но и находятся выше параметров высокого сценария, что в условиях длительного демографического спада и особенностей возрастной структуры населения Дальнего Востока обуславливает низкую вероятность достижения прогнозных параметров, заложенных в Концепции. Выполнена оценка расходов консолидированных бюджетов субъектов Дальневосточного федерального округа как факторов демографической динамики макрорегиона. Предложен инструментарий, позволяющий использовать динамические модели с распределенным лагом для оценки эффектов реализации демографической и бюджетной политики. Обоснованы финансовые приоритеты для достижения целевых индикаторов демографического развития Дальнего Востока и Хабаровского края.

Ключевые слова: демографический прогноз, численность населения, смертность, рождаемость, продолжительность жизни, расходы бюджета, Дальний Восток.

Введение. Опережающее развитие и создание комфортных условий для жизни и деятельности населения в самом крупном макрорегионе РФ, Дальнем Вос-

токе, отличающемся спецификой географического положения и стратегическим геополитическим значением, выступает приоритетным направлением государ-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства образования и науки Хабаровского края на реализацию проектов в области гуманитарных и общественных наук (2018 г.).

Анна Васильевна Белоусова – канд. экон. наук, старший научный сотрудник лаборатории ресурсной и отраслевой экономики, Институт экономических исследований ДВО РАН (680042, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153). E-mail: belousova@ecrin.ru

Мария Анатольевна Грицко – канд. экон. наук, ученый секретарь, Институт экономических исследований ДВО РАН (680042, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153). E-mail: gritsko@ecrin.ru

Светлана Николаевна Найден – д-р экон. наук, профессор РАН, главный научный сотрудник лаборатории региональных и межрегиональных социально-экономических исследований, Институт экономических исследований ДВО РАН (680042, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153). E-mail: nayden@ecrin.ru

ственной региональной политики на современном этапе.² Вместе с тем, решение поставленных амбициозных задач по ускоренному развитию территории, в том числе в ее наиболее благоприятных с географической и экономической точки зрения регионах южной зоны, включая Хабаровский край, сталкивается с рядом ограничений, сдерживающих темпы достижения экзогенно заданных параметров социально-экономического развития [Синтез, 2011; Минакир, 2017]. К числу наиболее значимых ограничений относятся демографические ресурсы, потребность в которых макрорегион испытывает перманентно. Существующая транзитивная связь между государственными намерениями и определяющими их реализацию факторами обуславливает актуальность исследования динамики демографического развития регионов Дальнего Востока в перспективе.

Теория вопроса. Научно обоснованное видение будущей демографической ситуации, прежде всего численности и структуры населения, а также основных параметров демографического движения (рождаемости, смертности и миграции), представляет собой демографический прогноз. Он является одним из важнейших этапов при разработке стратегий социально-экономического развития территорий на средне- и долгосрочную перспективу [Архангельский, 2017].

Прогнозирование численности населения может основываться на нормативном и вероятностном подходе. Первый был широко распространен в советское время, когда численность населения определялась исходя из заданных нормативов демографических параметров, и представлял собой единственный вариант развития демографической ситуации [Шубат, 2016]. С началом 1990-х годов в практике прогноза перспективной численности населения получили распространение вероятностные (сценарные) подходы, использование которых было обусловлено высокой неопределенностью демографических процессов в сложных социально-экономических условиях. [Никитина, 2007; Зайцева, 2013].

С точки зрения применяемых способов, оценка перспективной численности населения проводится с использованием методов передвижки возрастов (или когортно-компонентный метод) и/или методов математической статистики, к числу которых относятся экстраполяция прошлых темпов роста на прогнозный период методом скользящей средней, экспоненциального сглаживания, построения регрессионных зависимостей [Тарасова, 2015; Нифантова, 2013]. Суть первого подхода заключается в передвижке численности каждой возрастной группы на начало периода на следующий год с учетом числа родившихся, умерших, прибывших на данную территорию и числа уехавших [Назаров, 2009]. Суть второго – в подборе функции, наиболее точно описывающей изменения численности населения в базовом периоде, на основе которой осуществляются прогнозные расчеты будущих изменений [Пиль, 2011]. В числе недостатков: невозможность определения и учета половозрастной структуры населения, неизменность в прогнозном периоде демографических параметров и социально-экономических факторов, под воздействием которых они формируются. Таким образом, достоверность прогнозных оценок снижается с увеличением горизонта планирования, что значительно сужает область их применения [Карпова, 2014; Мясников, 2013].

Современные компьютерные программы позволяют использовать имитационное моделирование, которое отличается от традиционных моделей большей универсальностью, детальностью, возможностью моделирования сложных алгоритмов демографического поведения с учетом разнообразных социально-экономических факторов [Манаков, 2017]. И хотя данные модели широко используются ООН при прогнозировании численности населения мира на длительную перспективу, они не лишены недостатков, связанных с экстраполяционной методологией прогнозирования, привязкой к краткосрочной и конъюнктурной динамике демографических показателей [Медков, 2008].

Для преодоления возникающих пре-

² Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона»: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.03.2013 №466-р (ред. от 15.04.2014. №308)

пятствий и получения более достоверных оценок исследователи идут на расширение традиционных характеристик населения в прогнозах, учитывая пространственные, качественные и социально-экономические характеристики, что позволяет расширить точность прогноза и расширить его функциональные возможности [Смирнов, 2016].

Данные демографических прогнозов выступают основой для планирования будущего развития и размещения объектов социальной инфраструктуры и объемов жилищного строительства, определения потребностей населения в конкретных формах медицинского обслуживания, прогнозирования расходов по социальному обеспечению, определения потребностей различных социально-демографических групп населения в товарах и услугах, параметров развития пенсионной системы [Архангельский, 2017]. При этом прогнозы развития экономики, социальной сферы, динамики доходов, уровня и качества жизни выступают отправной точкой при формулировании гипотез относительно перспективного демографического движения [Архангельский, 2016]. Отдельным классом задач, связанных с прогнозированием демографических процессов становится выявление связи между масштабами расходов государства и демографическими параметрами [Nixon, 2006; Pranab, 2016; Васильева, 2012; Архангельский, 2017].

Таким образом, прогнозирование численности населения и развития социально-экономической системы являются взаимодополняющими прогнозами, составление одного из них не может происходить без учета влияния другого, в противном случае точность полученных перспективных оценок снижается.

В настоящее время демографические факторы оказывают тормозящее влияние на развитие экономики в масштабах всей страны [Аганбегян, 2017]. После периода увеличения численности россиян за счет миграционного притока, рост населения прекратился, продолжает сокращаться трудоспособное население,

возрастная структура деформируется в сторону увеличения удельного веса старшей возрастной группы, растет нагрузка на трудоспособное население [Вишневский, 2018].

При этом обозначенные проблемы на Дальнем Востоке стоят более остро. Если в целом по стране положительное сальдо миграции, покрывающее естественные потери населения, привело в 2009 году к смене отрицательного демографического тренда на положительный, что позволило несколько компенсировать демографические потери прошлых лет, то на Дальнем Востоке динамика численности населения стабильно отрицательная. Макрорегион длительное время занимает первенство среди регионов-аутсайдеров по показателям естественного и миграционного движения [Мотрич, 2017]. Несмотря на то, что уровень рождаемости превышает среднероссийские показатели, сальдо естественного движения остается отрицательным в силу более высокого уровня смертности населения. Количество покидающих регион человек стабильно превышает численность приезжающих на Дальний Восток. В результате макрорегион ежегодно теряет население, значительную часть которого составляют молодежь и высококвалифицированные лица трудоспособного возраста [Найден, 2017].

Перспективы демографического развития. С целью кардинального улучшения демографической ситуации в макрорегионе за счет снижения смертности, сокращения миграционного оттока, увеличения рождаемости и привлечения в регион молодых специалистов в 2017 году принята Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года (далее – Концепция)³. По каждому из направлений демографической политики сформулирован комплекс мероприятий, направленных на улучшение ситуации и достижение запланированных Концепцией показателей.

Реализация запланированных мероприятий будет происходить в два этапа. На первом (2017 – 2020 гг.) поставлена задача преодоления сложившихся

³ Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 г. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 20 июня 2017 г. № 1298-р. (ред. от 30.11.2017)

негативных демографических тенденций: снижение смертности населения от внешних причин и сердечно-сосудистых заболеваний, а также сокращение миграционного оттока населения. До 2020 года регионы Дальнего Востока должны будут разработать программы по улучшению демографической ситуации с учетом региональной специфики (географических и климатических особенностей, удельного веса сельского населения в общем количестве населения, сложившейся модели семьи, обычаев и традиций). На втором этапе предполагается фактическая реализация мероприятий Концепции, когда рост прогнозируемых индикаторов станет более интенсивным.

Стратегической целью демографической политики на Дальнем Востоке является стабилизация численности населения макрорегиона на уровне 6,2 млн. человек к 2020 г., а затем увеличение до 6,5 млн. человек к 2025 году, в Хабаровском крае 1365 и 1464 тыс. человек соответственно (табл. 1).

Итоги 2017 г. демонстрируют отклонение от целевых индикаторов, заложенных в Концепцию. Так, несмотря на принимаемые меры в области демографической политики, общая численность

населения продолжила сокращаться и составила в целом по Дальнему Востоку в среднем за 2017 год 6174 тыс. чел. (-10 тыс. чел. или -0,2% от индикатора 2017 г.), по Хабаровскому краю – 1330,8 тыс. чел. (-4,2 тыс. чел. или -0,3% от индикатора 2017 г.).

Увеличение численности населения предусматривается за счет роста рождаемости и снижения смертности. К 2020 году уровень рождаемости, измеряемый суммарным коэффициентом, должен увеличиться до 1,983 по макрорегиону (1,900 по краю), именно столько рождений будет приходиться на одну женщину репродуктивного возраста за всю её жизнь при сохранении существующих уровней рождаемости в каждом возрасте независимо от смертности и от изменений возрастного состава. Ожидается, что только к 2025 г. Дальний Восток вплотную приблизится к простому воспроизводству населения (значение суммарного коэффициента рождаемости равное 2,12), когда этот показатель увеличится до 2,073 (2,050 по краю).

При этом запланированный рост рождаемости должен произойти вопреки сложившемуся отрицательному тренду предшествующих лет. За 2016–2017 гг.

Таблица 1

Целевые индикаторы демографического развития Дальнего Востока и Хабаровского края до 2025 г.

Индикатор	2017	2018	2019	2020	2025	2025 г. к 2017 г.
Численность населения (тыс. чел.)	6184 1335	6198 1340	6222 1350	6253 1365	6499 1464	105,1 109,7
Суммарный коэффициент рождаемости (количество детей, рожденных женщиной репродуктивного возраста (15 – 49 лет))	1,916 1,800	1,938 1,850	1,959 1,870	1,983 1,900	2,073 2,050	108,2 113,9
Смертность от всех причин (случаев на 1 тыс. чел. населения)	12,1 12,7	11,8 12,3	11,6 11,9	11,4 11,5	10,5 10,2	86,8 80,3
Ожидаемая продолжительность жизни, лет	68,4 69,3	71,0 70,2	72,0 71,2	73,3 72,2	77,0 76,3	112,6 110,1

Примечание: в числителе – Дальний Восток, в знаменателе – Хабаровский край

Источник: Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 г. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 июня 2017 г. № 1298-р. (ред. от 30.11.2017).

суммарный коэффициент рождаемости на Дальнем Востоке сократился практически на 10%⁴. Хабаровский край вместо запланированных на 2017 г. 1,800 показал только 1,641, то есть -8,8%⁵. При таких темпах вряд ли стоит ожидать позитивной смены вектора рождаемости.

К 2020 г. планируется сократить общий коэффициент смертности до 11,4 (11,5 по краю) случаев на 1000 чел. населения, а к окончанию периода реализации Концепции до 10,5 (10,2) промилле. В течение пяти последних лет, предшествующих началу реализации Концепции, смертность населения от всех причин сократилась на Дальнем Востоке с 12,6 до 12,1, хотя еще в 2013 – 2015 гг. она стабильно держалась на уровне 12,6 промилле. Следует отметить, что если в целом по макрорегиону фактические данные за 2017 год совпали с прогнозируемыми, то в Хабаровском крае уровень смертности превысил планируемый порог на 0,3, составив 13,0 вместо 12,7 по Концепции. Тревожность последнего факта состоит в том, что краю необходимо за 8 лет снизить уровень смертности почти на 20%, и ежегодное отставание может свести на нет все усилия краевых властей по поддержке прироста населения.

В случае положительной реализации мероприятий Концепции уже к концу первого этапа ожидаемая продолжительность жизни для обоих полов составит 73,3 года (72,2 по краю). Это единственный среди параметров Концепции, по которому ожидания разработчиков оказались ниже, чем фактические данные за 2017 год: в целом по Дальнему Востоку ожидаемая продолжительность жизни превысила индикатор на +1,69 года, по краю +0,44. Если и в дальнейшем темпы останутся такими высокими, можно надеяться, что 10-12% прироста за 8 лет

будут обеспечены.

Таким образом, первые результаты реализации мероприятий, заложенных в Концепции, демонстрируют существенное отклонение от прогнозируемых индикаторов. Вполне понятно, что до получения ощутимого результата в демографии должно пройти определенное время с момента введения тех или иных мер, прежде чем появится существенная реакция.

Пока же, учитывая неблагоприятные демографические тенденции, сложившиеся на Дальнем Востоке на протяжении двух с половиной десятилетий, актуальным остается вопрос о перспективах достижения прогнозных показателей. В связи с этим определенным интерес представляет сравнительная оценка последних с параметрами альтернативных демографических прогнозов, к числу которых можно отнести прогноз Федеральной службой государственной статистики РФ на период до 2035 г.⁶ Учитывая период подготовки и публикации прогноза Росстата, можно считать, что его исходная база совпадает с базой Концепции.

Демографический прогноз Росстата представлен в трех вариантах в соответствии с тремя сценариями развития. Низкий сценарий развития предполагает экстраполяцию существующих демографических тенденций. Высокий вариант является нормативным и ориентирован на достижение целей, определенных в Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г.⁷ Средний вариант прогноза считается наиболее реалистичным, так как в нем учтены и сложившиеся демографические тенденции, и реализуемые меры демографической политики.

В соответствии с прогнозом Росстата численность населения Дальнего Востока

⁴ Показатели для мониторинга оценки эффективности деятельности субъектов Российской Федерации. 2013-2017. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ / [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: июнь 2018 г.)

⁵ Население в Хабаровском крае. Хабстат / [Электронный ресурс]. URL: http://habstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/habstat/ru/statistics/hab_stat/population/ (дата обращения 17 сентября 2018 г.)

⁶ Бюллетень «Предположительная численность населения Российской Федерации до 2035 года» // Федеральная служба государственной статистики. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095525812

⁷ Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента России от 9 октября 2007 года №1351 (ред. от 01.07.2014)

к 2025 г. может составить от 5,9 до 6,3 млн чел., что значительно ниже запланированных в Концепции. Разрыв между самым оптимистичным прогнозом Росстата и параметрами Концепции составляет около 200 тыс. чел. в целом по Дальнему Востоку.

Аналогичная ситуация складывается и по всем остальным параметрам.

Согласно демографическому прогнозу Росстата, суммарный коэффициент рождаемости по наиболее вероятному среднему варианту прогноза, продолжит снижаться вплоть до 2021 г. и только с 2022 г. начнется его постепенный рост, который к 2025 г. не достигнет даже уровня базового 2017 г. (1,916, см. табл.), составив всего 1,738 рождений в среднем на одну женщину к 2025 г. По низкому сценарию, предполагающему сохранение в перспективе инерции изменения основных демографических показателей, суммарный коэффициент рождаемости к 2020 г. снизится до 1,622, а к 2025 г. – до 1,595 в целом по Дальнему Востоку. Только по высокому сценарию прогноза Росстата параметры рождаемости превышают заложенные в Концепции. То есть только при условии реализации максимально всех предусмотренных направлений демографической политики практически все дальневосточные субъекты к 2025 г. смогут обеспечить простое воспроизводство населения, за исключением Приморского края и Сахалинской области, где потенциал роста слабее остальных.

В отношении общего коэффициента смертности прогноз Росстата оказывается гораздо более дифференцированным. Оптимистичные индикаторы Концепции превышают параметры и низкого и среднего вариантов прогноза Росстата, но при этом оказываются значительно ниже, чем в высоком сценарии. Если в Концепции указано, что ее реализация позволит к 2025 году снизить уровень смертности до 10,5 случаев на 1000 человек, то согласно высокому сценарию Росстата значение показателя составит 9,3 промилле.

Ожидаемая продолжительность жизни дальневосточников согласно высокому сценарию Росстата должна увеличиться до 77,25 лет, что чуть выше, чем запланировано в Концепции (77,0 лет).

Сопоставление различных прогнозов показывает, что индикаторы Концепции значительно выше аналогичных данных в среднем сценарии Росстата, который отражает реальные социально-демографические тенденции, и наиболее приближены к значениям самого высокого сценария Росстата, для которого характерно предположение о максимальной реализации мер демографической политики, причем интенсивными темпами и в сжатые сроки. Парадокс заключается в том, что согласно Концепции численность населения на Дальнем Востоке к 2025 году окажется выше, чем предусмотрено высоким сценарием демографического прогноза Росстата, но при более низких значениях показателей рождаемости, смертности и продолжительности жизни. Возникает вопрос: за счет чего? Возможно, разработчики Концепции предполагали, что в будущем сохранится положительное влияние миграционных процессов на рост численности дальневосточников, однако этому нет подтверждений, так как в тексте документа отсутствуют какие-либо численные значения, характеризующие миграционную ситуацию, кроме упоминания о желаемом притоке в регион высококвалифицированных молодых кадров.

Очевидно, для достижения поставленных Концепцией целей в области демографических индикаторов, которые, по сути, являются официальными нормативами, потребуется принятие экстраординарных мер по стимулированию рождаемости в регионе. Прогнозный период будет приходиться на период демографического спада, обусловленного снижением контингента женщин детородного возраста. В этой связи для увеличения числа рождений потребуется принятие мер, стимулирующих рост интенсивности рождений у ограниченного числа потенциальных матерей.

О низкой вероятности достижения индикаторов Концепции говорят представители Министерства здравоохранения РФ, по мнению которых прописанные в документе мероприятия не смогут привести к анонсированному росту продолжительности жизни и численности населения Дальнего Востока за столь короткий для демографического развития

период.⁸ С последним трудно не согласиться, поскольку первые результаты реализации Концепции показывают отставание от запланированных показателей. В результате текущий этап реализации Концепции уже требует корректировки в сторону повышения эффективности мер для преодоления негативных тенденций, которые бы учитывали слабую инерционность демографических процессов и особенности современной возрастной структуры населения.

К числу таких мер относятся расходы государства, направленные на поддержку и развитие объектов социальной сферы, а также социальную помощь соответствующим группам населения.

Оценка возможности достижения. Одна из возможных причин ориентации разработчиков Концепции на недостижимые (завышенные) целевые значения параметров демографического развития Дальнего Востока заключается в отсутствии универсального инструментария, позволяющего получить оценки перспективной социально-экономической динамики макрорегиона, исходя из сложившихся трендов и доступных объемов ресурсов. Недостаток формализованных зависимостей между демографическими параметрами и бюджетными расходами, выступающими основными средствами государственной политики, объясняет отсутствие в программном документе упоминаний о финансовом обеспечении мероприятий последнего. Иными словами, планируемые результаты Концепции прогнозируются «аксиоматически» и не подкрепляются алгоритмом их достижения с учетом времени.

В то же время все дальневосточные регионы ежегодно из своих консолидированных бюджетов направляют от 30% до 65% от общих расходов на развитие социальной сферы (образования, культуры, кинематографии, здравоохранения, социальной политики, физической культуры и спорта, средств массовой информации)⁹. Так называемые социальные расходы го-

сударства являются неотъемлемой частью реализации социально-демографической политики. Вопрос заключается в том, насколько финансовые ресурсы оказывают влияние на демографию.

В рамках настоящей статьи рассматриваются следующие задачи: 1) определение продолжительности и количественный анализ влияния консолидированного бюджета региона на демографическую динамику последнего; 2) оценка объемов государственных расходов, необходимых для достижения целевых значений демографических параметров; 3) идентификация оптимальной структуры распределения бюджетных средств по направлениям социальной сферы региона.

Внутреннее наполнение комплекса составляет совокупность эконометрических уравнений. Поскольку общеизвестно, что любые финансовые расходы создают экономические эффекты, отложенные во времени, то спецификации вышеуказанных уравнений предполагают присутствие в них значений факторных признаков, соответствующих последовательным равноудаленным моментам времени. Данное обстоятельство определило организацию расчетных конструкций в рамках динамических моделей, а именно моделей с распределенным лагом. Ограничения на максимальную длину лага не вводились.

Исходными данными исследования являются массивы следующих статистических показателей: численность населения, рождаемость, смертность, продолжительность жизни (результативные признаки); расходы консолидированного бюджета региона на развитие социальной сферы, скорректированные с учетом численности населения (факторный признак).

Ретроспективный период исследования, использующийся для численной идентификации коэффициентов в исследуемых зависимостях, составляет 18 лет: 2000 – 2017 гг. С целью обеспечения сопоставимости данных на указанном временном диапазоне все стоимостные по-

⁸ Чиновники не сошлись в прогнозах роста численности населения Дальнего Востока // Официальный сайт информационного портала «Life.ru». / [Электронный ресурс] URL: <https://life.ru> (дата обращения 19.07.2018).

⁹ Отчеты об исполнении консолидированных бюджетов субъектов РФ. Официальный сайт Федерального казначейства РФ. [Электронный ресурс] URL: <http://www.roskazna.ru/>. (дата обращения 21.09.2018)

казатели переведены в цены единого года – 2017 г. Прогнозный период составляет 8 лет: 2018 – 2025 гг.

Техническими средствами количественного анализа модельных конструкций выступили преобразование Койка [Коуск, 1954], основанное на предположении об убывании масштаба влияния государственных расходов на региональную демографическую динамику с течением времени, и обобщенный метод наименьших квадратов [Зарецкая, 2010].

Полученные оценки позволили идентифицировать следующие взаимосвязи между совокупными расходами всех бюджетов субъектов Дальневосточного федерального округа на развитие социальной сферы и демографическими параметрами: численностью населения (1), рождаемостью (2), смертностью (3), продолжительностью жизни (4).

Коэффициенты элементов (1)-(4) модельного комплекса предоставляют возможность оценки приростов демографических параметров Дальнего Востока в результате изменений объемов государственных расходов. Согласно этому, переход от моделей с бесконечным числом лагов к моделям с их конечным числом происходил следующим образом: при условии не превышения коэффициентами значения 0,01, последние рассматривались в качестве бесконечно малых величин, а переменные, их сопровождающие, исключались из анализа, как не оказывающие влияния на результат.

Как следует из (1)-(4), рост объема социальных расходов в целом обеспечивает позитивную демографическую динамику в макрорегионе. Так, увеличение объема расходов региональных бюджетов на

развитие социальной сферы в среднедушевом измерении на 1 тыс. руб. ведет к увеличению рождаемости в год выделения средств на 40 чел., а в последующие годы – в совокупности еще на 60 чел. Для параметра смертности соответствующие изменения составят снижение на 180 и 290 чел. соответственно. При этом эффект от выделения бюджетных средств с течением времени «затухает»: среднегодовая численность родившихся в последующий 3-х летний период составит 30, 20 и 10 чел. соответственно (см. (2)); число умерших в течение 5-ти последующих лет – 120, 80, 50, 30, 10 чел. (см.(3)).

Иная ситуация складывается в отношении численности населения: несмотря на сравнительно длинный период, в течение которого государственные расходы сохраняют свое влияние на соответствующий демографический параметр, рост социальных расходов сам по себе не способен остановить сокращение числа жителей макрорегиона, но способен его притормозить (см. (1)). Указанный выше прирост бюджетных средств в расчете на 1 жителя позволит в году выделения последних минимизировать потерю населения на уровне -2900 чел., а в последующие 8 лет в сумме составит -5610 чел. Данная ситуация в сопоставлении с оценками, полученными относительно рождаемости и смертности, свидетельствует о наличии внешнего фактора, регулирующего численность населения в макрорегионе – а именно миграционных потоков, которые оказывают значительное влияние на компенсирующие процессы. В настоящем исследовании параметры миграции не рассматриваются, поскольку они отсутствуют в Концепции.

$$y_t = 6821863,1 - 2,90x_t - 1,93x_{t-1} - 1,28x_{t-2} - 0,85x_{t-3} - 0,56x_{t-4} - 0,37x_{t-5} - 0,25x_{t-6} - 0,16x_{t-7} - 0,11x_{t-8} - 0,07x_{t-9} + 0,03x_{t-10} + 0,009x_{t-11} \quad (1)$$

$$y_t = 74675,06 + 0,04x_t + 0,03x_{t-1} + 0,02x_{t-2} + 0,01x_{t-3} + 0,005x_{t-4} \quad (2)$$

$$y_t = 115899,4 - 0,18x_t - 0,12x_{t-1} - 0,08x_{t-2} - 0,05x_{t-3} - 0,03x_{t-4} - 0,012x_{t-5} - 0,007x_{t-6} \quad (3)$$

$$y_t = 56,71 + 0,000042x_t + 0,000032x_{t-1} + 0,000024x_{t-2} \quad (4)$$

Количественный анализ коэффициентов в уравнении (4) свидетельствует о фактическом отсутствии влияния бюджетных расходов, направленных в социальную сферу, на изменение продолжительности жизни дальневосточников (значения всех коэффициентов не превышают порога в 0,01).

Оценка объемов государственных расходов на социальную сферу, необходимых для достижения целевых значений демографических параметров макрорегиона, является обратной процедурой прогнозирования, по отношению к традиционной (рассмотренной ранее): искомыми являются значения факторной переменной.

Получение указанных прогнозных оценок государственных расходов осуществляется путем трансформации построенных конструкций (1)-(4) и организации итеративного процесса рекурсивного счета: значения x_t при $t=2018...2025$ рассчитываются последовательно, выступая результативным признаком в зависимости, построенной для момента времени t , и становясь факторной переменной при переходе к зависимости, построенной для момента времени $t+1$.

Проведенные расчеты позволили сделать следующие выводы: для достижения к 2025 г. целевых значений коэффициентов рождаемости и смертности, обозначенных в Концепции в целом по Дальнему Востоку, требуется, в первом случае – увеличить среднедушевой объем государственных расходов на развитие социальной сферы в 47 раз относительно 2017 г.; во втором случае – в 1,6 раз.

Аналогичные вышеприведенным расчеты выполнены и для Хабаровского края. Результаты количественного анализа в отношении последнего представлены

в (5)-(8). Характер влияния социальных расходов консолидированного бюджета на демографическую динамику Хабаровского края идентичен случаю Дальнего Востока. Как следует из (5)-(8), рост объема социальных расходов обеспечивает позитивную динамику роста рождаемости и снижения смертности в регионе. Увеличение объема социальных расходов бюджета края на 1 тыс. руб. в среднем на душу населения в год выделения средств ведет к увеличению рождаемости на 35 чел., а в последующие годы в сумме на 30 чел. (см. (6)). В случае смертности соответствующие изменения составят снижение в первый год на 58 чел. и в последующие в сумме на 99 чел. (см.(7)).

Рост социальных расходов из бюджета края, как и в случае всего Дальнего Востока, не справляется с сокращением численности жителей, а точнее с их механическим оттоком. Каждая 1 тыс. руб., израсходованная по социальным статьям в расчете на душу населения, способна ограничить убыль числа жителей края (см. (5)) в году выделения средств на уровне -930 чел.; в последующие 7 лет в совокупности на -1350 чел.

Влияние бюджетных средств, направленных на развитие социальной сферы, на продолжительность жизни жителей Хабаровского края, как и в целом для Дальнего Востока, оказывается незначимым.

Для достижения целевых значений коэффициентов рождаемости и смертности в Хабаровском крае, закрепленных в Концепции, необходимо в первом случае – увеличить среднедушевой объем государственных расходов на социальную сферу в 18 раз относительно 2017 г.; во втором случае – в 1,8 раза.

$$y_t = 1482599,2 - 0,93x_t - 0,57x_{t-1} - 0,35x_{t-2} - 0,21x_{t-3} - 0,13x_{t-4} - 0,05x_{t-5} - 0,03x_{t-6} - 0,01x_{t-7} \quad (5)$$

$$y_t = 13478,18 + 0,035x_t + 0,019x_{t-1} + 0,011x_{t-2} + 0,006x_{t-3} \quad (6)$$

$$y_t = 28413,33 - 0,058x_t - 0,040x_{t-1} - 0,027x_{t-2} - 0,019x_{t-3} - 0,013x_{t-4} - 0,009x_{t-5} \quad (7)$$

$$y_t = 54,35 + 0,000050x_t + 0,000041x_{t-1} + 0,000033x_{t-2} \quad (8)$$

Выводы. Полученные оценки свидетельствуют о том, что целевые индикаторы, представленные в Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года, по своей сути являются нормативными параметрами, слабо связанными с реальными факторами и тенденциями социально-демографического развития макрорегиона. Как следствие, декларативный характер заявленных индикаторов обернулся вполне закономерным отставанием фактических показателей на начальном этапе реализации Концепции. Сравнительный анализ индикаторов Концепции с параметрами сценарных прогнозов Росстата выявил противоречие между завышенными ожиданиями стратегического роста численности населения на Дальнем Востоке и низкими параметрами естественного прироста, что может быть обусловлено наличием внешнего фактора – миграционного движения населения, который незаслуженно проигнорирован в Концепции. В результате выявления связи между государственными расходами и демографической динамикой установлено, что потенциал влияния финансовых ресурсов максимально сконцентрирован на параметрах рождаемости и смертности, и практически полностью отсутствует в случае ожидаемой продолжительности жизни. При этом государственные расходы на развитие социальной сферы не в состоянии преодолеть в рассматриваемом периоде отрицательную динамику численности населения, которая формируется под воздействием значительно более широкого круга факторов и показателей.

Список литературы:

1. Аганбегян А. Г. Демографическая драма на пути перспективного развития России // *Народонаселение*. 2017. № 3. С. 4–23. DOI: 10.26653/1561-7785-2017-3-1.
2. Архангельский В. Н., Данилова И. А., Дмитриев Р. В., Хасанова Р. Р. Перспективы демографического развития России до середины века // *Народонаселение*. 2017. № 3 (77). С. 24–36.
3. Архангельский В. Н., Елизаров В. В. Демографические прогнозы в современной России: анализ результатов и выбор гипотез // *Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН*. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 524–545.
4. Архангельский В. Н., Зинькина Ю. В., Коротаев А. В., Шульгин С. Г. Современные тенденции рождаемости в России и влияние мер государственной поддержки // *Социологические исследования*. 2017. № 3. С. 43–50.
5. Васильева А. В., Васильева Е. В., Тюлюкин В. А. Моделирование влияния бюджетного финансирования на социально-демографические процессы региона // *Экономика региона*. 2012. № 2 (30). С. 266–276.
6. Вишневский А. Г., Щербакова Е. М. Демографические тормоза экономики // *Вопросы экономики*. 2018. № 6. С. 48–70.
7. Зайцева Ю. В. Сценарное моделирование динамики демографических процессов (на примере Волгоградской области) // *Проблемы прогнозирования*. 2013. № 6 (141). С. 67–80.
8. Зарецкая В. Г., Осиневич Л. М. Оценка влияния инвестиций на размер валового регионального продукта (на примере Курской области) // *Региональная экономика: теория и практика*. 2010. № 46(181). С. 14–18.
9. Карпова В. М. Сравнительный анализ прогнозов демографических процессов в России на период до 2030 года // *Экономические стратегии*. 2014. № 5. С. 76–82.
10. Манаков А., Суворков П., Станайтис С. Имитационное моделирование миграций и прогноз численности населения в странах Балтии до 2096 г. // *География и образование*. 2017. № 5. С. 19–39.
11. Медков В. М. Демографические прогнозы ООН для мира и России // *Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология*. 2008. № 1. С. 135–151.
12. Минакир П. А. Ожидания и реалии политики «поворота на Восток» // *Экономика региона*. 2017. Т. 13. № 4. С. 1016–1029.
13. Мотрич Е. А. Дальневосточный регион в демографическом пространстве России: пореформенный тренд // *Пространственная экономика*. 2017. № 3. С. 133–153.
14. Мясников А. К., Черногорский С.

А., Швецов К. В. Моделирование демографических процессов в регионах Северо-Западного федерального округа России // Научное мнение. 2013. № 4. С. 245–248.

15. Назаров А. А., Носова М. Г. Метод передвижки возрастных групп в демографии и его приложения // Вестник Томского государственного университета. Серия Управление, вычислительная техника и информатика. 2009. № 3(8). С. 67–74.

16. Найден С. Н., Грицко М. А. Социальный потенциал устойчивого развития Дальнего Востока: демографические и инфраструктурные ограничения // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2017. Т. 14. № 4. С. 104–111.

17. Никитина С. Ю., Щербов С. Я. Вероятностный прогноз численности населения России // Вопросы статистики. 2007. № 7. С. 6–9.

18. Нифантова Р. В. Методологические основы и современные методы демографических прогнозов // Экономика региона. 2013. № 2 (34).

19. Пиль Э. А. Прогнозирование численности населения для стран G7 // Альманах современной науки и образования. 2011. № 7. С. 142–144.

20. Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / под ред. П. А. Минакира, В. И. Сергиенко; Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток : Дальнаука, 2011. 912 с.

21. Смирнов А. В. Методологические вопросы демографического прогнозиро-

вания: характеристики населения и уровни прогноза // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. 2016. № 9 (230). С. 95–102.

22. Тарасова О. В. К вопросу о применении математических методов изучения демографических процессов // Теория и практика общественного развития. 2015. № 24. С. 186–188.

23. Шубат О. М. Сохранение простого воспроизводства населения: опыт нормативного прогнозирования // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ. Т. 2: Демографический потенциал регионов России и СНГ: динамика роста и инерционность изменений. Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2016. С. 208–214.

24. Nixon J, Ulmann P. The relationship between healthcare expenditure and health outcomes. Evidence and caveats for a causal link. The European Journal of Health Economics. March 2006, Volume 7, Issue 1, pp. 7–18. URL: <https://doi.org/10.1007/s10198-005-0336-8>

25. Pranab Kumar Das, Saibal Kar Public Expenditure, Demography and Growth: Theory and Evidence from India. Discussion Paper № 9721. 2016. February. 40 p. URL: <http://ftp.iza.org/dp9721.pdf>

26. Koyck L. M. Distributed Lags and Investment Analysis. Contributions to Economic Analysis, IV. Amsterdam: North Holland Publishing Company, 1954. 111 p.

Библиографическое описание статьи

Белоусова А. В., Грицко М. А., Найден С. Н. Демографические перспективы развития Дальнего Востока и Хабаровского края: возможности достижения // Власть и управление на Востоке России. 2018. № 4 (85). С. 8–20. DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-8-20

Anna V. Belousova – Candidate of Economics, senior research fellow, Laboratory of the regional and interregional social and economic researches, the Economic Research Institute of FEB RAS (153, Tikhookeanskaya str., Khabarovsk, 680042, the Russian Federation). *E-mail: belousova@ecrin.ru*

Mariya A. Gritsko – Candidate of Economics, scientific secretary, the Institute of economic researches of FEB RAS (153, Tikhookeanskaya str., Khabarovsk, 680042, Russian Federation). *E-mail: gritsko@ecrin.ru*

Svetlana N. Naiden – Doctor of Economics, Professor of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Laboratory of the regional and interregional social and economic researches, the Economic Research Institute of FEB RAS (153, Tikhookeanskaya str., Khabarovsk, 680042, Russian Federation). *E-mail: nayden@ecrin.ru*

Demographic prospects for the development of the Far East and the Khabarovsk territory: possibilities of achieving

The article discusses the features, mechanism and limitations of the formation of demographic forecasts, including regulatory and scenario approaches. The necessity of finding a transitive connection between state intentions and the factors determining their implementation is substantiated. At the end of 2017, the implementation of the Concept of the demographic policy of the Far East for the period up to 2025 was assessed. A comparative analysis of the indicators laid down in the Concept of the demographic policy of the Far East for the period up to 2025 and the parameters of the demographic forecast developed by the Federal State Statistics Service is presented. It was revealed that the indicators of the Concept not only exceed the parameters of the most realistic scenario of demographic development (medium scenario), but are higher than the parameters of the high scenario, which in the conditions of a long demographic decline and features of the age structure of the population of the Far East causes a low probability of achieving the forecast parameters embedded in the Concept. The assessment of the expenses of the consolidated budgets of the subjects of the Far-Eastern Federal District as factors of the demographic dynamics of the macro-region was made. A toolkit is proposed that allows the use of dynamic models with distributed lag evaluate the effects of the implementation of demographic and budgetary policies. The financial priorities for achieving the target indicators of the demographic development of the Far East and the Khabarovsk territory are substantiated.

Keywords: demographic projection, population size, mortality, fertility, life expectancy, budget expenditures, the Far East.

References:

1. Aganbegyan A. G. Demographic drama on the way of the perspective development of Russia *Narodonaseleniye* [Population], 2017, no. 3, pp. 4–23. DOI: 10.26653 / 1561-7785-2017-3-1. (In Russian).
2. Arkhangelsky V. N., Danilova I. A., Dmitriev R. V., Khasanova R. R. Prospects for Russia's demographic development until the middle of the century *Narodonaseleniye* [Population], 2017, no. 3 (77), pp. 24–36. (In Russian).
3. Arkhangelskiy V. N., Elizarov V. V. Demographic forecasts in modern Russia: Analysis of results and selection of hypotheses *Nauchnyye trudy: Institut narodnohozyaystvennogo prognozirovaniya RAN* [Scientific works: Institute of National Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences]. M.: MAKSS Press, 2016, pp. 524–545. (In Russian).
4. Arkhangelskiy V. N., Zinkina Yu. V., Korotaev A. V., Shulgin S. G. Modern trends in fertility in Russia and the impact of government support measures *Sotsiologicheskkiye issledovaniya* [Sociological Studies], 2017, no. 3, pp. 43–50. (In Russian).
5. Vasilyeva A. V., Vasilyeva Ye. V., Tyulyukin V. A. Modeling the Impact of Budget Financing on the Socio-Demographic Processes of a Region *Ekonomika regiona* [Economy of a Region], 2012, no. 2 (30), pp. 266–276. (In Russian).
6. Vishnevsky A. G., Shcherbakova E. M. Demographic Brakes of the Economy *Voprosy ekonomiki* [Voprosy Ekonomiki], 2018, no 6, pp. 48–70. (In Russian).
7. Zaitseva Yu. V. Scenario modeling of the dynamics of demographic processes (on the example of the Volgograd region) *Problemy prognozirovaniya* [Problems of forecasting], 2013, no. 6 (141), pp. 67–80. (In Russian).
8. Zaretskaya V.G., Osinevich L.M. Assessment of the impact of investments on the size of the gross regional product (on the example of the Kursk region) *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice], 2010, no. 46 (181), pp. 14–18. (In Russian).
9. Karpova V. M. Comparative analysis of forecasts of demographic processes in Russia for the period up to 2030 *Ekonomicheskiye strategii* [Economic strategies], 2014, no. 5, pp. 76–82. (In Russian).
10. Manakov A., Suvorkov P., Stanaytis S. Simulation modeling of migration and population forecast in the Baltic countries until 2096 *Geografiya i obrazovaniye* [Geography and education], 2017, no. 5, pp. 19–39. (In Russian).
11. Medkov V. M. United Nations Demographic Projections for the World and Russia *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya*

18: *Sotsiologiya i politologiya* [Moscow University Bulletin. Series 18: Sociology and Political Science], 2008, no. 1, pp. 135–151. (In Russian).

12. Minakir P. A. Expectations and the realities of the policy of “turning to the East” *Ekonomika regiona* [Economy of the region], 2017, vol. 13, no. 4, pp. 1016–1029. (In Russian).

13. Motrich, E. L. Far Eastern Region in the Demographic Space of Russia: Post-reform Trend *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2017, no. 3, pp. 133–153. (In Russian).

14. Myasnikov A. K., Chernogorsky S. A., Shvetsov K. V. Modeling of demographic processes in the regions of the North-West Federal District of Russia *Nauchnoye mneniye* [Scientific Opinion], 2013, no. 4, pp. 245–248. (In Russian).

15. Nazarov A. A., Nosova M. G. Method of shifting age groups in demography and its applications *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Bulletin Management series, computing and information technology], 2009, no. 3 (8), pp. 67–74. (In Russian).

16. Found S. N., Gritsko M. A. Social Potential for Sustainable Development of the Far East: Demographic and Infrastructure Constraints *Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki na Dal'nem Vostoke* [Social and Human Sciences in the Far East], 2017, vol. 14, no. 4, pp. 104–111. (In Russian).

17. Nikitina S. Yu., Scherbov S. Ya. Probabilistic forecast of the population of Russia *Voprosy statistiki* [Questions of statistics], 2007, no. 7, pp. 6–9. (In Russian).

18. Nifantova R. V. Methodological foundations and modern methods of demographic forecasts *Ekonomika regiona* [Economy of the region], 2013, no. 2 (34). (In Russian).

19. E. E. Peel, Population Forecasting for G7 Countries. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Almanac of Modern Science and Education], 2011, no. 7, pp. 142–144. (In Russian).

20. Synthesis of scientific, technical and economic forecasts: Pacific Russia - 2050 / ed. P. A. Minakir, V. I. Sergienko; Economic Re-

search Institute of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences. Vladivostok: Dal'nauka, 2011, p. 912. (In Russian).

21. Smirnov A. V. Methodological issues of demographic forecasting: characteristics of the population and forecast levels *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Informatika* [Scientific Gazette of Belgorod State University. Series: Economy. Computer science], 2016, no. 9 (230), pp. 95–102. (In Russian).

22. Tarasova O. V. To the question of the application of mathematical methods for the study of demographic processes *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2015, no. 24, pp. 186–188. (In Russian).

23. Shubat O. M. Preservation of simple reproduction of the population: the experience of normative forecasting *Dinamika i inertsionnost' vosпроизводства naseleniya i zameshcheniya pokoleniy v Rossii i SNG. T. 2: Demograficheskiy potentsial regionov Rossii i SNG: dinamika rosta i inertsionnost' izmeneniy* [Dynamics and inertia of reproduction of the population and replacement of generations in Russia and the CIS. Vol. 2: The demographic potential of the regions of Russia and the CIS: the dynamics of growth and the inertia of changes]. Ekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2016, pp. 208–214. (In Russian).

24. Nixon J, Ulmann P. The relationship between healthcare expenditure and health outcomes. Evidence and caveats for a causal link. The European Journal of Health Economics. March 2006, Volume 7, Issue 1, pp 7–18 URL: <https://doi.org/10.1007/s10198-005-0336-8>.

25. Pranab Kumar Das, Saibal Kar Public Expenditure, Demography and Growth: Theory and Evidence from India. Discussion Paper № 9721. 2016. February. 40 p. URL: <http://ftp.iza.org/dp9721.pdf>

26. Koyck L. M. Distributed Lags and Investment Analysis. Contributions to Economic Analysis, IV. Amsterdam: North Holland Publishing Company, 1954. 111 p.

Reference to the article

Belousova A. B., Gritsko M. A., Naiden S. N. Demographic prospects for the development of the Far East and the Khabarovsk territory: possibilities of achieving // Power and Administration in the East of Russia. 2018. No. 4 (85). Pp. 8–20. DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-8-20

DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-21-31
УДК 331.556.4

А. С. Лада

Проблемы привлечения трудовых ресурсов в субъектах Дальнего Востока

В статье анализируются программы в области занятости населения, реализуемые на территории Дальнего Востока: повышение мобильности населения, трудовая миграция специалистов и квалифицированных рабочих из других регионов России, привлечение иностранных трудовых мигрантов и привлечение на постоянное место жительства соотечественников. Выявлен положительный опыт сотрудничества органов службы занятости с предприятиями по профессиональному обучению безработных граждан под гарантированные рабочие места, с частичным софинансированием затрат на обучение. Выявлены причины оттока трудовых ресурсов с Дальнего Востока и невыполнения программы привлечения квалифицированных рабочих из других регионов России. Такими причинами являются: низкий уровень заработной платы и плохие социальные условия жизни. На основании практики реализации программ на Дальнем Востоке делается вывод о том, что основным средством привлечения специалистов на предприятия Дальнего Востока должны быть достойная заработная плата и приемлемые социальные условия жизни на Востоке России.

Ключевые слова: трудовые ресурсы, миграционный потенциал, трудоустройство, занятость, безработица, трудовая мобильность, рынок труда.

На Дальнем Востоке существует проблема оттока населения, и, как следствие, отсутствие необходимых трудовых ресурсов. При этом уезжает в другой регион, в первую очередь, молодежь, миграционный потенциал которой направлен на переезд [Миграционные процессы..., 2013].

По данным Росстата, на 1 января 2015 г. в Дальневосточном федеральном округе проживали 6211021 чел., на 1 января 2016 г. – уже 6194969. За год – минус 16052 дальневосточника. На 1 января 2017 г.¹ в регионе проживали 6182689 чел. – минус еще 12290 человек, а на 1 января 2018 г. в Дальневосточном федеральном округе проживали 6,165 млн чел., что на 18 тыс. меньше, чем на 1 января 2017 г. По прогнозам Росстата, по итогам 2018 года отток населения с Дальнего Востока вырастет вдвое – до 30 тыс.

чел. При этом Амурская область, Приморский и Хабаровский края, предположительно, войдут в двадцатку антилидеров по этому показателю.

В настоящее время численность рабочей силы (экономически активного населения) в Дальневосточном федеральном округе составляет 3,34 млн чел. (54,0 % численности населения), численность занятых – 3,15 млн чел., что практически является предельным уровнем в условиях рыночной экономики. Потребность в привлечении работников, заявленная работодателями в службы занятости на Дальнем Востоке, на 1 мая 2017 г., составляет более 143 тыс. чел. (каждая десятая вакансия в России), при этом численность зарегистрированных безработных составляет 55,4 тыс. чел.²

По итогам статистического выбороч-

¹ Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2017 : стат. сб. // Росстат. М., 2017. С. 665. URL.: Росстат www.gks.ru

² Доклад о комплексном развитии регионов Дальнего Востока утв. Государственный совет Российской Федерации от 06.09.2017 г. С. 10. URL.: <https://minvr.ru>

Алексей Сергеевич Лада – канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры публичного и частного права, Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС (680000, Россия, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, д. 33). E-mail.: alexlada@inbox.ru

ного обследования населения численность экономически активного населения Хабаровского края в среднем за 2017 г. составила 733,2 тыс. чел. (за 2016 г. – 734,0 тыс. чел.), численность населения, занятого в экономике края, составила 697,5 тыс. чел. (за 2016 г. – 697,4 тыс. чел.), численность безработных граждан, классифицируемых в соответствии с критериями Международной организации труда (далее – МОТ), – 35,7 тыс. чел. (за 2016 г. – 36,6 тыс. чел.). Уровень безработицы в соответствии с критериями МОТ в Хабаровском крае составил за 2017 г. 4,9% (за 2016 г. – 5,0%). В среднем по России уровень общей безработицы за 2017 г. составил 5,2% (за 2016 г. – 5,6%), по Дальневосточному федеральному округу – 5,7% (за 2016 г. – 5,9%).³

По данным Приморскстата, численность рабочей силы в Приморском крае в возрасте 15 лет и старше в сентябре 2018 г. составила 1040,7 тыс. чел. (54,4% общей численности населения края). В их числе 990,6 тыс. чел. (95,2%) были заняты в экономике и 50,1 тыс. чел. не имели занятия, но активно его искали (в соответствии с методологией МОТ они классифицируются как безработные). Уровень безработицы по методологии МОТ в Приморском крае снизился по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 0,6 процентных пункта и составил 4,8% (в сентябре 2017 г. – 5,4%).⁴

Таким образом, в двух крупнейших субъектах Дальнего Востока (в Хабаровском и Приморском краях), как и в целом на Дальнем Востоке, за 2017 г. произошло очередное снижение численности рабочей силы.

В Камчатском крае численность трудовых ресурсов в 2017 г. также уменьшилась и составила 178,8 тыс. чел. (в 2016 г. – 183,0 тыс. чел.), что составляет 56,6 % от общей численности населения края. Уро-

вень безработицы в соответствии с критериями МОТ в Камчатском крае составил за 2017 г. 1,6%. При этом по состоянию на 1 января 2018 г. численность населения Камчатского края составила 315,5 тыс. человек, увеличившись по сравнению с 1 января 2017 г. более чем на 800 человек. По оперативным данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Камчатскому краю естественный прирост населения за 2017 г. составил 259 чел. Миграционная убыль сменилась миграционным приростом населения, который составил за 2017 г. 544 чел. (в 2016 г. убыль – 1 805 чел.). Число прибывших в результате всех видов миграционного обмена населением составило 13 645 чел. (108,6 % к 2016 г.). Число выбывших составило 13 101 чел. или 91,2% относительно 2016 г.⁵

По результатам проведенного анализа в целом по Российской Федерации в сентябре 2017 г. отмечается уровень социальной напряженности на рынке труда в размере 7,1%. При этом в отдельных субъектах Российской Федерации указанный уровень значительно превышает среднероссийский. Так, наиболее высокий уровень социальной напряженности на рынке труда отмечается в следующих субъектах Российской Федерации: Магаданская область – 14,9%, Сахалинская область – 14,6%, Еврейская автономная область – 12,8%.⁶

Чтобы переломить ситуацию на рынке труда, прекратить отток населения с Дальнего Востока и привлечь на Дальний Восток дополнительные трудовые ресурсы, была разработана Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 г., в которой планируется увеличить численность населения Дальнего Востока в 2017 г. до 6,184 млн. чел., в 2018 г. – 6,198 млн. чел., в 2019 г. – 6,222 млн. чел., в 2020 г.

³ Отчет Комитета по труду и занятости населения Правительства Хабаровского края «Об осуществлении полномочий в области содействия занятости населения в 2017 году». URL.: https://sz27.ru/content/доклады_o_результатах_i_основных_направлениях_деятельности

⁴ Информация о положении на рынке труда в Приморском крае (по состоянию на 1 ноября 2018 года). URL.: http://soctrud.primorsky.ru/content/рынок_труда_приморского_края

⁵ Отчет Министерства социального развития и труда Камчатского края о результатах работы за 2017 год. URL.: <https://mintrud.kamgov.ru/otcety-o-rabote-ministerstva>

⁶ Уточненный годовой отчет за 2017 год ГП 07 Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации «О выполнении государственной программы «Содействие занятости населения» С. 20. URL.: <https://rosmintrud.ru/ministry/programs/3/1>

– 6,253 млн. чел. и в 2025 г. – 6,499 млн. чел.⁷ и разработана Программа повышения мобильности трудовых ресурсов⁸.

В целях реализации выше указанных федеральных программ субъекты РФ разработали свои программы.

Согласно паспорту подпрограммы «Об оказании содействия добровольному переселению в Приморский край соотечественников, проживающих за рубежом» государственной программы Приморского края «Содействие занятости населения Приморского края на 2013 – 2020 гг.» стратегия развития Приморского края должна учитывать тенденцию депопуляции, старения и сокращения численности трудоспособного населения. В перспективе трудовые ресурсы Приморского края будут ограничивать возможности развития экономики, прежде всего, создание трудоемких производств⁹.

Проблема ограниченности трудовых ресурсов характерна не только для Приморского края, но и для всего Дальнего Востока.

Поэтому необходимы дополнительные источники рабочей силы. Таких источников на Дальнем Востоке четыре: повышение мобильности местного населения, трудовая миграция специалистов и квалифицированных рабочих из других регионов России, привлечение иностранных трудовых мигрантов, и привлечение на постоянное место жительства соотечественников.

Рассмотрим реализацию каждого из них.

Первый источник – повышение мобильности местного населения, что позволит снизить дисбаланс спроса и предложения, а также уровень безработицы на рынках труда периферийных терри-

торий региона и обеспечить дополнительными внутренними трудовыми ресурсами зоны экономического роста на территории региона.

В Сахалинской области в 2017 г. вне территории проживания в пределах Сахалинской области трудоустроено более 0,9 тыс. граждан, зарегистрированных в центрах занятости населения в целях поиска подходящей работы. Государственная услуга по содействию безработным гражданам в переезде в другую местность оказана 21 безработному гражданину¹⁰.

В Приморском крае в 2017 г. государственная услуга содействия безработным гражданам в переезде в другую местность для временного трудоустройства по имеющейся у них профессии (специальности) оказана 99 гражданам, что составляет 110% от годового задания (плановый показатель на 2017 г. – 90 чел.) и 267,6% к 2016 г.¹¹.

Представляется, что данное направление должно быть приоритетным в области привлечения трудовых ресурсов, поскольку помогает снизить напряженность на рынке труда в регионе, и вместе с программами профессиональной подготовки, переподготовки безработных граждан частично закрыть потребность в квалифицированной рабочей силе.

Так, в Хабаровском крае одним из примеров положительного опыта работы по профессиональному обучению безработных граждан является тесное сотрудничество органов службы занятости с предприятиями, для которых готовятся кадры из числа безработных граждан. Как правило, обучение для этих предприятий проводится под гарантированные рабочие места, с частичным софинансированием затрат на обучение. Такое положение на

⁷ Об утверждении Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 20.06.2017 №1298-р // Собрание законодательства РФ. 2017. №27. Ст. 4062.

⁸ Типовая региональная программа повышения мобильности трудовых ресурсов: приказ Минтруда России от 04.06.2015 №343н. URL.: <http://www.pravo.gov.ru> 24.07.2015.

⁹ Государственная программа Приморского края «Содействие занятости населения Приморского края на 2013 – 2020 годы». URL.: <https://www.primorsky.ru>

¹⁰ Доклад: О реализации мероприятий активной политики занятости населения в Сахалинской области за 2017 год и задачах на 2018 год. URL.: <http://tzn.sakhalin.gov.ru>

¹¹ Отчет о степени выполнения подпрограмм, принятых в соответствии с требованиями федерального законодательства в сфере реализации государственной программы, государственной программы Приморского края «Содействие занятости населения Приморского края на 2013-2020 годы» за 2017 г. URL.: http://soctrud.primorsky.ru/content/рынок_труда_приморского_края

рынке труда Хабаровского края, по мнению некоторых авторов, внушает определенный оптимизм. [Лукасевич, 2016]

Второй источник – трудовая миграция специалистов и квалифицированных рабочих из других регионов России для строительства крупных промышленных и инфраструктурных объектов, которую обеспечивают крупные российские компании.

В связи с этим практически во всех субъектах Дальнего Востока приняты программы повышения мобильности трудовых ресурсов.

В соответствии с планом мероприятий по повышению мобильности граждан Российской Федерации на 2014 – 2018 гг.¹² и программой Хабаровского края «Повышение мобильности трудовых ресурсов»¹³, в результате проведенной работы в 2017 г. фактически привлечено 96 работников (выполнение показателя по численности привлеченных работников составляет 64,0%), в том числе предприятиями:

- филиал ПАО «Компания «Сухой» «КНААЗ им. Ю.А. Гагарина» – 3 чел. (плановый показатель – 50 чел., выполнение – 6,0%);
- ООО «Амурская горно-металлургическая компания» – 6 чел. (плановый показатель – 5 чел., выполнение – 120,0%);
- ООО «Сахатранс» – 3 чел. (плановый показатель – 3 чел., выполнение – 100,0%);
- АО «Ургалуголь» – 35 чел. (плановый показатель – 25 чел., выполнение – 140,0%);
- ПАО «Амурский судостроительный завод» – 6 человек (плановый показатель – 18 чел., выполнение – 33,3%);
- ООО «Амурская лесопромышленная компания» – 7 чел. (плановый показатель – 13 чел., выполнение – 53,8%);
- АО «Многовершинное» – 15 чел. (плановый показатель – 15 чел., выполнение

– 100,0%);

- АО «ВаниноТрансУголь» – 15 чел. (плановый показатель – 15 чел., выполнение – 100,0%);

- АО «Прайм» – 2 чел. (плановый показатель – 2 чел., выполнение – 100,0%);

- ООО «СКИФАГРО-ДВ» – 4 чел. (плановый показатель – 4 чел., выполнение – 100,0%).

Работники привлечены из Кемеровской, Иркутской, Ростовской, Волгоградской областей, Краснодарского, Ставропольского, Алтайского краев, Республик Коми, Хакасии, Башкортостана, Саха (Якутия), Крым, городов Севастополь, Санкт-Петербург.

В 2017 г. работодателями в рамках Программы трудовой мобильности привлечены 96 работников, уволены 18 работников.

Таким образом, показатели результативности использования субсидии в 2017 г. выполнены в следующих объемах:

- доля привлеченных работников – 64,0% (выполнение 75,3%);

- доля продолжающих работать – 81,3% (выполнение 101,6%)

В Сахалинской области в 2017 г. в рамках ведомственной целевой программы Сахалинской области «Повышение мобильности трудовых ресурсов на 2017 – 2019 гг.» в регион прибыли 16 работников из Волгоградской, Томской, Московской, Свердловской, Ивановской областей, Ханты-Мансийского автономного округа и Республики Татарстан. 13 работникам оказаны меры поддержки по возмещению расходов на обустройство по приезду к месту работы и проезд¹⁴.

В Приморском крае Подпрограмма реализуется с 27 июля 2015 г. За период реализации подпрограммы привлечено 97 работников (из 674 ожидаемых). По состоянию на 31.12.2017 г. осуществляют трудовую деятельность в организаци-

¹² План мероприятий по повышению мобильности граждан Российской Федерации на 2014–2018 гг.: распоряжение Правительства Российской Федерации от 24.04.2014 № 663-р // Собрание законодательства РФ. 2014. №18 (часть IV). Ст. 2262.

¹³ О реализации мер по повышению мобильности трудовых ресурсов: постановление Правительства Хабаровского края от 14.07.2015 № 191-пр // Собрание законодательства Хабаровского края. 2015. №7 (часть II).

¹⁴ Доклад: О реализации мероприятий активной политики занятости населения в Сахалинской области за 2017 г. и задачах на 2018 г. URL.: <http://tzn.sakhalin.gov.ru>

ях, ставших участниками подпрограммы, 90 чел.¹⁵

В Магаданской области в 2017 г. участником региональной программы являлось АО «Рудник имени Матросова», реализующее инвестиционный проект «Строительство горнодобывающего и перерабатывающего предприятия на базе Наталкинского золоторудного месторождения». Целевой показатель эффективности реализации программы выполнен – привлечено 13 чел. (планировалось привлечь 12 работников). Работники привлекались из республик Башкортостан, Татарстан, Крым и Бурятия, Иркутской, Кемеровской, Челябинской, Белгородской и Московской областей, города Санкт-Петербурга¹⁶.

Невыполнение показателя доли привлеченных работников, по мнению Комитета по труду и занятости населения Правительства Хабаровского края, обусловлено следующими объективными причинами:

- отсутствием граждан, желающих переселиться в Хабаровский край для трудоустройства на предприятия, включенные в Программу трудовой мобильности (ввиду невысокого уровня заработной платы по предлагаемым вакансиям, отсутствия постоянного жилья, суровых климатических условий региона);

- нежеланием работников заключать срочные трудовые договоры на срок более 3 лет (обязательное условие участия в Программе трудовой мобильности);

- невозможностью в рамках Программы трудовой мобильности привлекать работников из приоритетных и близко расположенных субъектов Российской Федерации (за 2017 г. 201 работник привлечен из приоритетных субъектов Российской Федерации, таких как Приморский край, Амурская область, Крас-

ноярский край и др.);

- заполнением вакантных рабочих мест местными трудовыми ресурсами (в 2017 г. на предприятия, участвующие в Программе трудовой мобильности, привлечено 2 178 чел., проживающих в крае)¹⁷.

Представляется, что главной причиной увольнения работников, привлеченных по программе мобильности трудовых ресурсов, является низкий уровень заработной платы по предлагаемым вакансиям. На освободившиеся места предприятия снова по этой же программе привлекают трудовые ресурсы за счет финансирования из бюджетов. Такая ситуация приводит к бесконечной и бесполезной трате бюджетных средств.

Таким образом, основным средством привлечения специалистов на предприятия Дальнего Востока должны быть не государственные программы, а достойная заработная плата. Например, компания «Сахалин Энерджи» занимается освоением нефтегазовых месторождений на сахалинском шельфе с 1994 г. По данным компании, из 2274 сотрудников «Сахалин Энерджи» на конец 2016 г. приезжих было около половины. В программе трудовой мобильности «Сахалин Энерджи» не участвует. Компании это неинтересно, сообщил ее представитель¹⁸.

Третий источник – привлечение иностранных трудовых мигрантов, который уже существует в виде сезонной занятости в сельском хозяйстве и строительстве. Демографическая и экономическая ситуация на Дальнем Востоке ставит на повестку дня вопрос о расширении международной трудовой миграции, без которой смягчение количественных и структурных последствий сокращения численности трудовых ресурсов едва ли будет возможно.

¹⁵ Отчет о степени выполнения подпрограмм, принятых в соответствии с требованиями федерального законодательства в сфере реализации государственной программы, государственной программы Приморского края «Содействие занятости населения Приморского края на 2013-2020 годы» за 2017 г. URL.: http://soctrud.primorsky.ru/content/рынок_труда_приморского_края

¹⁶ Публичный отчет министерства труда и социальной политики Магаданской области за 2017 г. URL.: <https://mintrud.49gov.ru/activities/reports/>

¹⁷ Отчет Комитета по труду и занятости населения Правительства Хабаровского края «Об осуществлении полномочий в области содействия занятости населения в 2017 году». URL.: https://sz27.ru/content/доклады_о_результатах_и_основных_направлениях_деятельности

¹⁸ Шаповалова С. Почему не работает программа завоза кадров на Дальний Восток. URL.: Вedomosti: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2018/02/15/751037-kadrov-dalnii-vostok>

В литературе существуют различные точки зрения относительно привлечения иностранной рабочей силы в РФ. С одной стороны, это дает возможность улучшить демографическую ситуацию [Кислякова, 2014], с другой стороны, ухудшение качества продукции, рост преступности [Вишневская, Астапенко, 2010. С. 41 – 49]. Кроме того, ученые отмечают, что большое количество мигрантов из КНР может в будущем привести к межэтническим столкновениям [Рыбаковский, 2003] и даже к потере приграничных территорий [Гельбрас, 2010]. Другие авторы считают, что опасения излишни, а граждане КНР хотели только заработать в РФ [Дейкун, 2009. С. 112 – 115]. Это мнение подтверждается статистикой: после падения курса рубля количество иностранных работников из КНР существенно уменьшилось.

Квота Хабаровскому краю на привлечение иностранных работников на 2017 г. с учетом корректировок составила 8723 чел. Из общего числа иностранных работников получили возможность трудиться на территории края граждане Китайской Народной Республики – 58,2% (5173 чел.); Корейской Народно-Демократической Республики – 29,5% (2603 чел.); Сербии – 5,2% (458 чел.); Вьетнама – 5,1% (445 чел.); Малайзии – 1,2 % (107 чел.) и ряда других стран.

В Хабаровском крае в 2017 г. привлечение иностранных работников из «дальнего зарубежья» планировалось в основном в строительство (3219 чел), торговлю и общественное питание (1678 человек), лесное и сельское хозяйство (1468 чел), обрабатывающие производства (1035 человек) и др.¹⁹. Как показывает статистика, иностранные работники обладают низкой квалификацией и могут занимать в основном неквалифицированные рабочие места.

В Сахалинской области рассмотрены 171 заявка работодателей на привлече-

ние 13392 иностранных работников в 2018 г. При определении потребности 2018 года отклонено 89 заявок на общую численность 5869 чел. В 2017 г. в агентство по труду и занятости населения Сахалинской области поступил 271 запрос о выдаче заключений о привлечении и об использовании 3721 иностранных работников, выдано 264 заключения, содержащих решения о целесообразности привлечения и использования 3592 иностранных работников²⁰.

Согласно Уточненному годовому отчету за 2017 г. Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации «О выполнении государственной программы «Содействие занятости населения» в Магаданской области, Сахалинской области, Еврейской автономной области зафиксировано наибольшее превышение доли привлекаемых иностранных работников в численности экономически активного населения (рабочей силы) и доли привлекаемых иностранных работников в численности занятых по сравнению со среднероссийскими (соответственно 2,1% и 2,2%):

– доля привлекаемых иностранных работников в численности экономически активного населения (рабочей силы): Магаданская область – 10,4%, Сахалинская область – 9,1%, Камчатский край – 6%, Чукотский автономный округ – 5,5%;

– доля привлекаемых иностранных работников в численности занятых: Магаданская область – 10,9%, Сахалинская область – 9,3%, Камчатский край – 6,3%, Чукотский автономный округ – 5,7%.²¹

В связи с этим в Сахалинской области в 2017 г. разработана система мер, направленных на трудоустройство в приоритетном порядке российских граждан.

В целях поддержания оптимального баланса трудовых ресурсов Губернатором Сахалинской области в 2017 г. установлен запрет на привлечение иностранцев по патентам в отдельных видах экономической

¹⁹ Отчет Комитета по труду и занятости населения Правительства Хабаровского края «Об осуществлении полномочий в области содействия занятости населения в 2017 году». URL.: https://sz27.ru/content/доклады_o_результатах_i_основных_направлениях_деятельности

²⁰ Доклад: О реализации мероприятий активной политики занятости населения в Сахалинской области за 2017 год и задачах на 2018 г. URL.: <http://tzn.sakhalin.gov.ru>

²¹ Уточненный годовой отчет за 2017 год ГП 07 Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации «О выполнении государственной программы «Содействие занятости населения» С. 20. URL.: <https://rosmintrud.ru/ministry/programs/3/1>

деятельности. В сравнении с 2016 г. перечень «запрещенных» видов экономической деятельности расширен. Включены дополнительно отдельные виды экономической деятельности в сфере строительства. Следует отметить, что запреты и ограничения в отношении иностранных граждан вызваны не только соображениями безопасности государства, но в данном случае и ограничением конкурентноспособности иностранных граждан по сравнению с российскими гражданами, как правило, на низкоквалифицированных работах [Абрамова, 2007].

В рамках реализации мероприятий программы содействие занятости населения по замещению иностранной рабочей силы российскими гражданами в 2017 г. из числа российских граждан трудоустроен 601 чел. на рабочие места, предполагающие привлечение иностранных работников.

С 01 января 2018 г. установлена стоимость патента в размере 4653,4 рублей в месяц (119,5% к 2017 г., 146,4% к 2016 г.). Увеличение стоимости патента направлено на снижение давления иностранных работников на региональный рынок труда и демпинга российских граждан в части размера заработной платы²².

Таким образом, можно сделать вывод, что в связи с оттоком трудоспособного коренного населения Дальнего Востока доля привлекаемых низкоквалифицированных иностранных работников в численности занятых будет с каждым годом увеличиваться во всех регионах Дальнего Востока. Это будет являться тормозом экономического развития региона и увеличивать уровень социальной напряженности на рынке труда. Поэтому привлечение иностранных трудовых мигрантов должно являться второстепенным источником пополнения рабочей силы. В настоящее время по статистическим данным, к сожалению, на Дальнем Востоке привлечение иностранных трудовых мигрантов является основным источником пополнения рабочей силы, от которого регион не может отказаться.

Четвертый источник – привлечение на постоянное место жительства на Даль-

ний Восток соотечественников в рамках реализации Госпрограммы по переселению соотечественников.

В литературе существуют различные подходы к понятию соотечественник. Т. Н. Юдина понимает все русскоговорящее население, проживающее в ближнем зарубежье [Юдина, 2006].

В соответствии с государственной программой Хабаровского края «Оказание содействия добровольному переселению в Хабаровский край соотечественников, проживающих за рубежом» в 2017 году комитетом по труду и занятости населения Правительства Хабаровского края рассмотрено 1579 заявлений претендентов на участие в программе «Соотечественники». В результате по 1499 заявлениям вынесено положительное решение в отношении трудоустройства претендентов (94,9% в общем числе поступивших заявлений), по 80 заявлениям в трудоустройстве отказано. Основными причинами отказов являются отсутствие у соотечественника профессионального образования и документов, подтверждающих указанный в заявлении трудовой стаж.

В 2017 г. в Хабаровском крае из-за рубежа прибыли 359 участников программы «Соотечественники» и 516 членов их семей. Кроме того, 937 иностранных граждан, находящихся на законном основании на территории Российской Федерации, и 226 членов их семей вступили в программу «Соотечественники» на территории края.

Таким образом, основные целевые показатели программы «Соотечественники» выполнены в следующих объемах:

1) общее число соотечественников, ставших участниками программы «Соотечественники», и членов их семей – 2 038 чел. (138,6% от запланированных объемов);

2) количество участников программы «Соотечественники» – 1 296 чел. (144,0%);

3) количество членов семей участников программы «Соотечественники» – 742 чел. (130,2%).

По прибытии в Хабаровский край 410

²² Доклад: О реализации мероприятий активной политики занятости населения в Сахалинской области за 2017 год и задачах на 2018 г. URL.: <http://tzn.sakhalin.gov.ru>

участникам программы (46,9% от общего числа прибывших в 2017 г. соотечественников) предоставлены места для временного проживания в КГКУ «Центр временного размещения соотечественников, прибывших из-за рубежа».

В 2017 г. в Хабаровском крае трудоустроены 1168 участников программы «Соотечественники» и 101 член их семей (82,0% от числа соотечественников трудоспособного возраста).

Наибольшее число соотечественников в Хабаровском крае занято на предприятиях оптовой и розничной торговли, строительства, предоставления бытовых услуг, транспорта, а также в жилищно-коммунальном хозяйстве, в сфере медицины, образования, добычи полезных ископаемых и др.

Из числа соотечественников, занятых трудовой деятельностью, 90 являются индивидуальными предпринимателями в следующих сферах деятельности:

- оптовая и розничная торговля – 47 чел.;
- оказание услуг населению – 21 чел.;
- оказание транспортных услуг – 14 чел.;
- строительство – 6 чел.;
- общественное питание – 2 чел.²³.

В рамках региональной программы переселения соотечественников, проживающих за рубежом, в Сахалинскую область прибыли 368 чел., из них трудоустроены – 250 чел., что составляет 88% от общего количества прибывших трудоспособных соотечественников. Участникам программы предоставлены дополнительные гарантии, направленные на временное жилищное обустройство, содействие в трудоустройстве, по информированию и консультированию,

прохождению медицинского освидетельствования. По итогам 2017 г. закрепляемость участников программы и членов их семей в Сахалинской области составила 98,1% (убыло всего 52, прибыло 2701). В целом, реализация мер по регулированию привлечения иностранных работников под потребность рынка труда, содействию переселения соотечественников, развитию трудовой мобильности имеет положительный результат для социально-экономического и демографического развития Сахалинской области²⁴.

Согласно госпрограмме Приморского края за 2013 – 2020 гг. на данные территории вселения планируется переселить 11117 соотечественников, в том числе 7528 участников Госпрограммы по переселению соотечественников и 3589 членов их семей. В Приморском крае в 2017 г. стали участниками подпрограммы переселения 1556 чел. (100,5% от плана), из них 947 участников подпрограммы (80,5% от плана) и 609 членов их семей (163,3% от плана)²⁵.

В Амурской области в 2017 г. рассмотрено 309 заявлений, положительно согласовано 273 заявления, отклонено – 36. Основанием для отказа в согласовании заявлений на переселение является преимущественно отсутствие профессионального образования и подтвержденного опыта работы по специальностям, востребованным на рынке труда области. Численность соотечественников по положительно согласованным заявлениям составила 631 чел., в том числе – 273 участника Государственной программы и 358 членов их семей, из них трудоспособного возраста 425 чел. (270 участников Государственной программы и 155 членов их семей)²⁶.

²³ Отчет Комитета по труду и занятости населения Правительства Хабаровского края «Об осуществлении полномочий в области содействия занятости населения в 2017 году» // https://sz27.ru/content/доклады_о_результатах_и_основных_направлениях_деятельности

²⁴ Доклад: О реализации мероприятий активной политики занятости населения в Сахалинской области за 2017 год и задачах на 2018 год // <http://tzn.sakhalin.gov.ru>

²⁵ Отчет о степени выполнения подпрограмм, принятых в соответствии с требованиями федерального законодательства в сфере реализации государственной программы, государственной программы Приморского края «Содействие занятости населения Приморского края на 2013-2020 годы» за 2017 год // http://soctrud.primorsky.ru/content/рынок_труда_приморского_края

²⁶ Мониторинг реализации подпрограммы «Оказание содействия добровольному переселению в Амурскую область соотечественников, проживающих за рубежом» в 2017 году // <https://www.amurobl.ru/pages/deyatelnost/pereselenie-sootechestvennikov-v-amurskuyu-oblast/monitoring-realizatsii-programmy/monitoring-2017/>

В Магаданской области для решения проблем нехватки собственных трудовых ресурсов реализуется с 2014 г. подпрограмма «Оказание содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом, в Магаданскую область», в рамках которой в отчетном году область приняла 326 соотечественников, из которых более 60% трудоустроено на предприятиях области²⁷.

Показатели эффективности государственной программы «Соотечественник» выше, чем у программы мобильности трудовых ресурсов. Это объясняется тем, что уровень жизни в странах, из которых прибывают соотечественники ниже, чем на Дальнем Востоке России.

Таким образом, можно сделать вывод, что численность рабочей силы на Дальнем Востоке с каждым годом уменьшается, что в свою очередь, влияет на уровень безработицы, который в этом регионе ниже общероссийских показателей. Уменьшение численности рабочей силы на Дальнем Востоке вызвано общим уменьшением численности населения в данном регионе. Кроме того, на Дальнем Востоке низкий процент численности трудовых ресурсов от общей численности населения – 54,0%. Это свидетельствует о «старении» населения Дальнего Востока.

В связи с этим особенностью демографической политики Дальнего Востока, является направление усилий, прежде всего, на привлечение рабочей силы из других регионов России, в т. ч. из-за границы, а не на удержание коренного населения.

В новой Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 – 2025 гг.²⁸, в отличие от предшествующей, уже нет цели приостановить миграционный отток населения из районов Сибири и Дальнего Востока и обеспечить миграционный приток населения в указанные районы.

Как показал социологический опрос,

проведенный ВЦИОМ в 2016 г., основными факторами, формирующими негативные миграционные настроения жителей Дальнего Востока, являются дороговизна жизни (28%), низкий уровень развития инфраструктуры (27%), уровень доходов (27%), неблагоприятный климат (26%), недостаточные возможности для образования детей (23%), отсутствие возможностей для приобретения жилья (13%), недостаточность мест для отдыха и развлечений (13 %).²⁹

Таким образом, следует согласиться с В. Ф. Ефременко, что опережающий экономический рост не становится фактором, повышающим привлекательность территории для проживания [Ефременко, 2017]. Как правильно отметил В. В. Зубков, в первую очередь на отток населения с Дальнего Востока оказывают влияние объективные условия жизни, которые его окружают [Зубков, 2014].

Представляется, что для сохранения численности населения и развития человеческого потенциала на Дальнем Востоке усилия государства должны быть, в первую очередь, направлены не на привлечение трудовых ресурсов из других регионов, в т. ч. из-за границы, а на повышение заработных плат и улучшение социальных условий на Востоке России.

В качестве одной из таких мер в целях уменьшения темпов оттока населения с Дальнего Востока можно предложить внести изменения в ФЗ РФ «О страховых пенсиях», установить стаж работы, необходимый для выхода на пенсию в 20 лет при работе в Дальневосточном федеральном округе и при наличии указанного стажа уменьшить пенсионный возраст до 55 лет у мужчин и 50 лет для женщин.

Список литературы:

1. Абрамова О. В. Правовое регулирование труда иностранных граждан в Российской Федерации // Трудовое пра-

²⁷ Публичный отчет министерства труда и социальной политики Магаданской области за 2017 год // <https://mintrud.49gov.ru/activities/reports/>

²⁸ Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 - 2025 годы: Указ Президента РФ от 31.10.2018 №622// Собрание законодательства РФ. 2018. №45. Ст. 6917.

²⁹ Доклад о комплексном развитии регионов Дальнего Востока утв. Государственный совет Российской Федерации от 06.09.2017г. С.8 // <https://minvr.ru>

во. 2007. № 2. С. 12, 13.

2. Вишневская В. С., Астапенко С. С. Международная миграция рабочей силы: проблемы и перспективы // Современные аспекты экономики. 2010. № 2. С. 41 – 49.

3. Гельбрас В. Перспективы китайской миграции на Дальнем Востоке. М., 2010. С. 5.

4. Дейкун С.В. Анализ китайской миграции. М. Вологодские чтения, 2009. Вып. 74. С.112 – 115.

5. Ефременко Е. Ф. Реализация права на привлекательный труд, как фактор закрепления молодежи на Дальнем Востоке России // Актуальные вопросы обеспечения прав и свобод человека и гражданина: региональное измерение: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Хабаровск, ДВИУ-филиал РАНХиГС, 2017. С. 412.

6. Зубков В. В. Миграционный потенциал: проблемы интерпретации и человеческого измерения // Экономика, управление, общество: история и современность: материалы XII Всероссийской научно-практической конференции (с

международным участием). Хабаровск, ДВИУ-филиал РАНХиГС, 2014. С. 370.

7. Кислякова К. В. Иностранная рабочая сила на российском рынке труда : тенденции и проблемы // Экономика, управление, общество: история и современность: материалы XII Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Хабаровск, ДВИУ-филиал РАНХиГС, 2014. С. 370.

8. Лукасевич Т. А. Регулирование рынка труда региона: состояние и эффекты / Экономика, управление, общество: история и современность: материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции Хабаровск, ДВИУ-филиал РАНХиГС, 2016. С. 352.

9. Миграционные процессы в Дальневосточном регионе России: опыт комплексного анализа: монография / под общ. ред. Н. М. Байкова. Хабаровск, ДВИУ-филиал РАНХиГС, 2013. С. 293.

10. Рыбаковский Л. Миграция населения (вопросы теории). М., 2003. С. 240.

11. Юдина Т. Н. Социология миграции: Учебное пособие для вузов. М., 2006. С. 272.

Библиографическое описание статьи

Лада А. С. Проблемы привлечения трудовых ресурсов в субъектах Дальнего Востока // Власть и управление на Востоке России. 2018. № 4 (85). С. 21–31. DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-21-31

Aleksey S. Lada – Candidate of Jurisprudence, Associate Professor of the public and private law chair, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPa (33, Str. Muravyev-Amurskiy, Khabarovsk, 680000, Russian Federation). E-mail: alexlada@inbox.ru

Problems of attracting labor resources to the constituent entities of the Far East

The article analyzes the programs in the field of employment implemented in the Far East. There are four such programs in the Far East: increasing the mobility of the population, labor migration of specialists and skilled workers from other regions of Russia, attracting foreign labor migrants and attracting compatriots to permanent residence. Positive experience of cooperation of bodies of employment service with the enterprises on professional training of unemployed citizens under the guaranteed workplaces, with partial co-financing of expenses on training is revealed. The reasons for the outflow of labor resources from the Far East and the failure of the program to attract skilled workers from other regions of Russia are revealed. These reasons are: low wages and poor social conditions. Based on the practice of implementing programs in the Far East, it is concluded that the main means of attracting specialists to the enterprises of the Far East should be a decent salary and acceptable social conditions of life in the East of Russia.

Keywords: labor resources, migration potential, employment, unemployment, labor mobility, labor market.

References:

1. Abramova, O. V. Legal regulation of labor of foreign citizens in the Russian Federation. *Trudovoe pravo* [Labor Law], 2007, no. 2, pp. 12, 13. (In Russian).
2. Vishnevskaya V. S., Astapenko S. S. International labor migration: problems and prospects. *Sovremennye aspekty ehkonomiki* [Modern Aspects of Economics], 2010, no. 2. P. 41 – 49. (In Russian).
3. Gelbras V. Perspectives of Chinese Migration in the Far East. *Perspektivy kitajskoj migracii na Dal'nem Vostoke*. M., 2010, p. 5. (In Russian).
4. Deikun S. V. Analysis of Chinese migration. *Analiz kitajskoj migracii*. M. Vologda Readings, 2009, vol. 74, pp. 112 –115. (In Russian).
5. Efremenko E. F. Realization of the right to attractive work as a factor in securing young people in the Far East of Russia. *Aktual'nye voprosy obespecheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina: regional'noe izmerenie* [Actual issues of ensuring the rights and freedoms of man and citizen: the regional dimension: materials of the II All-Russian initial-practical conference]. Khabarovsk, DVIU-branch of RANEPa, 2017, p. 412. (In Russian).
6. Zubkov V. V. Migration Potential: Problems of Interpretation and the Human Dimension. *EHkonomika, upravlenie, obshchestvo: istoriya i sovremennost'* [Economy, Management, Society: Past and Present: Materials of the XII All-Russian Scientific and Practical Conference (with international participation)]. Khabarovsk, DVIU-Branch of RANEPa, 2014, p. 370. (In Russian).
7. Kislyakova K. V. Foreign labor in the Russian labor market: trends and problems. *EHkonomika, upravlenie, obshchestvo: istoriya i sovremennost'* [Economy, management, society: history and modernity: materials of the XII All-Russian Scientific and Practical Conference (with international participation)]. Khabarovsk, DVIU-Branch of RANEPa, 2014, p. 370. (In Russian).
8. Lukasevich T. A. Regulation of the region's labor market: state and effects. *EHkonomika, upravlenie, obshchestvo: istoriya i sovremennost'* [Economics, management, society: history and modernity: materials of the XIV All-Russian Scientific and Practical Conference]. Khabarovsk, DVIU-branch of RANEPa, 2016, p. 352 (In Russian).
9. Migration processes in the Far Eastern region of Russia: the experience of complex analysis *Migracionnye processy v Dal'nevostochnom regione Rossii: opyt kompleksnogo analiza*: a monograph / under total. ed. N. M. Baykova. Khabarovsk, DVI-Branch of RANEPa, 2013, 293 p. (In Russian).
10. Rybakovsky L. Migration of the population (theory questions). *Migraciya naseleeniya (voprosy teorii)*. M., 2003. p. 240. (In Russian).
11. Yudina T.N. Sociology of Migration *Sociologiya migracii*: Textbook for universities. M., 2006. p. 272. (In Russian).

Reference to the article

Lada A. S. Problems of attracting labor resources to the constituent entities of the Far East // Power and Administration in the East of Russia. 2018. No. 4 (85). Pp. 21 – 31. DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-21-31

DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-32-40

УДК 331 + 332

М. А. Грицко

Особенности формирования человеческого капитала в крупных центрах концентрации населения Дальнего Востока России

В статье представлена оценка условий формирования человеческого капитала на примере городов Хабаровска и Владивостока как двух крупных центров концентрации населения на Дальнем Востоке. Проанализирована динамика основных демографических показателей за период 2012 – 2017 гг. Показано, что Хабаровск в анализируемый период демонстрировал устойчивые темпы прироста населения, тогда как столица Приморья отличалась волнообразной динамикой, а в последние два года население в городе стало сокращаться. Исходя из исследовательской гипотезы о наличии взаимосвязи между ростом количественных параметров человеческого капитала и условиями его формирования, дана оценка доступности базовых социальных благ и услуг (жилья, медицинских услуг, продуктов питания, жилищно-коммунальных услуг). Показано, что Хабаровск, демонстрирующий устойчивую тенденцию увеличения численности населения, обладает сравнительными преимуществами в области доступности жилья. По остальным исследуемым параметрам Хабаровск и Владивосток находятся на сопоставимом уровне с небольшим перевесом Хабаровска в области доступности медицины, а Владивостока – в сфере доступности продуктов питания и жилищно-коммунальных услуг. Сделан вывод о том, что более высокая доступность приобретения жилья как одно из важнейших условий для формирования и развития человеческого капитала в Хабаровске положительно влияет на увеличение численности населения в городе.

Ключевые слова: человеческий капитал, естественный прирост, миграционный прирост, доступность социальных благ и услуг, Хабаровск, Владивосток, Дальний Восток.

Одним из существующих в настоящее время направлений исследований пространственного развития является подход, ориентированный на первостепенную роль городов как центров концентрации экономической активности в регионе с более развитой социальной, транспортной и энергетической инфраструктурой. Считается, что имеющиеся преимущества создают более благоприятные условия для формирования и развития человеческого потенциала и его последующей трансформации в приносящий высокую отдачу человеческий капитал [Зубаревич, 2010 ; Зубаревич, 2017; Станишевская, Якупова, 2013]. В силу пространственных особенностей Дальнего Востока, обусловленных огромной по масштабам территорией, значительными

различиями в природно-климатических условиях, спецификой хозяйственного освоения, разреженностью мест проживания, различия в условиях формирования человеческого капитала достаточно дифференцированы [Антонов, 2016 ; Человеческий капитал... ; Найден, Белоусова, 2018 ; Найден, Грицко, 2016]. В условиях неизбежного сокращения численности населения по объективным причинам влияния возрастной структуры населения, огромное значение приобретает создание необходимых условий для эффективного использования имеющихся человеческих ресурсов и повышения их качества.

Выделяют две теоретические концепции, объясняющие неравномерность пространственного развития [Зубаревич, 2010; Зубаревич, 2017].

Мария Анатольевна Грицко – канд. экон. наук, ученый секретарь, Институт экономических исследований ДВО РАН (680042, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153). E-mail: gritsko@ecrin.ru

Согласно центрально-периферийной теории концентрация стянутых с периферии ресурсов (человеческих, материальных, финансовых и др.) в центре создают условия для инновационных изменений в них, которые затем с определенным временным лагом транслируются на периферию. Данная модель показывает огромную роль городов в развитии страны. Они не только «опорный каркас» расселения, но и главные «моторы» трансляции импульсов модернизации на окружающую периферию. В то же время слаборазвитые и ограниченные в ресурсах города неизбежно становятся тормозом диффузии инноваций¹.

В соответствии с подходом, разрабатываемым в рамках «новой экономической географии», первопричиной экономического неравенства являются сравнительные преимущества территорий концентрации экономической активности, приводящие к снижению издержек ведения хозяйственной деятельности. Человеческий капитал, наряду с агломерационными эффектами, институтами, согласно данному подходу, относится к конкурентным преимуществам «второй природы», связанным с деятельностью как государства и его управленческих импульсов, так и общества. Именно эти факторы в настоящее время играют ключевую роль в процессах модернизации российского пространства, тогда как использование в качестве опоры факторов «первой природы» (природные ресурсы, географическое положение) замедляет региональное развитие¹ [Зубаревич, 2010; Зубаревич, 2017].

Дальний Восток является показательным примером неравномерности пространственного развития. Разреженность мест проживания и ведения экономической деятельности, недостаточное развитие транспортной социальной и энергетической инфраструктур обуславливают более яркое проявление концентрации населения в городах.

Самыми крупными городами на Дальнем Востоке являются Хабаровск и Владивосток, расположенные в наиболее освоенной и экономически развитой

южной зоне Дальневосточного федерального округа. Города имеют статус региональных столиц и являются административными центрами Хабаровского и Приморского краев. Только в этих двух дальневосточных субъектах проживает более 50% населения всего округа, при этом в их столицах концентрируется пятая часть дальневосточников.

Таким образом, на Дальнем Востоке имеются два крупных центра сосредоточения населения, каждый из которых обладает определенными условиями для формирования и развития человеческого потенциала. Основываясь на данных официальной статистики, которая в случае муниципального уровня до сих пор остается неполной по многим показателям, в данной работе предпринята попытка проведения сравнительной оценки условий для развития человеческого капитала в двух указанных центрах. При этом в основу было положено предположение о том, что характер изменения основных демографических показателей является индикатором наличия в том или ином территориальном образовании сравнительных преимуществ, определяющих условия для формирования и развития человеческого потенциала.

Хабаровск и Владивосток входят в число крупных городов с численностью населения от 500 тыс. чел. до 1 млн чел. и занимают среди 22 аналогичных городов в списке 9-ую и 11-ую строчки соответственно. По состоянию на 1 января 2018 г. в г. Хабаровске проживало 618150 чел. Во Владивостоке численность населения на 1 января 2018 г. составила 604901 чел.

Исходными данными для сравнительных оценок послужила база данных муниципальной статистики, размещенная на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики, а также официальные статистические сборники. При этом не теряющие актуальности в течение длительного времени проблемы муниципальной статистики, связанные с отсутствием информации по ряду важнейших показателей, прерывистостью статистических рядов

¹ Зубаревич, Н. В. Государственное управление в пространстве Российской Федерации: коридор возможностей. URL: <https://iphras.ru/uplfile/philec/gou/zubarevich.pdf> (дата обращения: сентябрь-октябрь 2018 г.).

и т. д., усугубились проблемами сопоставимости имеющихся статистических данных с новым административно-территориальным делением. После принятия в 2003 г. федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», устанавливающего двухуровневую систему местного самоуправления – городские и сельские поселения и городские округа и муниципальные районы, города Хабаровск и Владивосток получили статус городских округов. Трудности в сопоставлении статистических данных о социально-экономическом развитии городов заключаются в том, что в состав городского округа «Город Хабаровск» входит единственное территориальное образование – город Хабаровск, а границы Владивостокского городского округа вышли за пределы г. Владивостока. В состав округа, помимо города, вошли еще пять территориальных образований: 4 поселка (Попова, Рейнеки, Русский, Трудовое) и село Береговое. В результате муниципальная статистика, собираемая на уровне городских округов, в одном случае показывает данные только по одному городу, а в случае с Владивостокским городским округом – в совокупности по шести населенным пунктам, приводя к увеличению показателей. Поэтому в рамках данного исследования сравнительные оценки проводились по городам, а не по городским округам.

Наиболее общим индикатором для оценки условий формирования и развития человеческого потенциала является динамика численности населения. Территории, демонстрирующие устойчивый

рост численности населения за счет естественного и миграционного движения, при прочих равных условиях могут рассматриваться как более благополучные с точки зрения условий для формирования и развития человеческого капитала.

Рассматриваемые дальневосточные города за период 2012 – 2017 гг. характеризовались разнонаправленными тенденциями. В Хабаровске наблюдался пусть и небольшой, но стабильный ежегодный прирост населения, тогда как Владивосток отличался волнообразной динамикой, а в последние два года численность населения в городе сокращается (рис. 1).

В Хабаровске на протяжении всего анализируемого периода рождаемость стабильно превышала смертность, а миграционное сальдо, несмотря на сокращение, оставалось стабильно положительным и превышало уровень естественного прироста. Результатом однонаправленного изменения основных демографических параметров стал рост численности населения города, которое с начала 2012 г. возросло на 32,5 тыс. человек.

Во Владивостоке в период с 2013 г. по 2015 г. прирост численности населения обеспечивался положительным сальдо миграционного и естественного движения. В 2016 г. сальдо миграции было отрицательным, но потери населения были компенсированы естественным приростом, что в результате привело к росту численности населения на 247 чел. В 2017 г. смертность населения Владивостока превысила рождаемость на 433 чел., но сложившийся за этот год миграционный прирост не позволил ее компенсировать (табл. 1). Таким образом, два

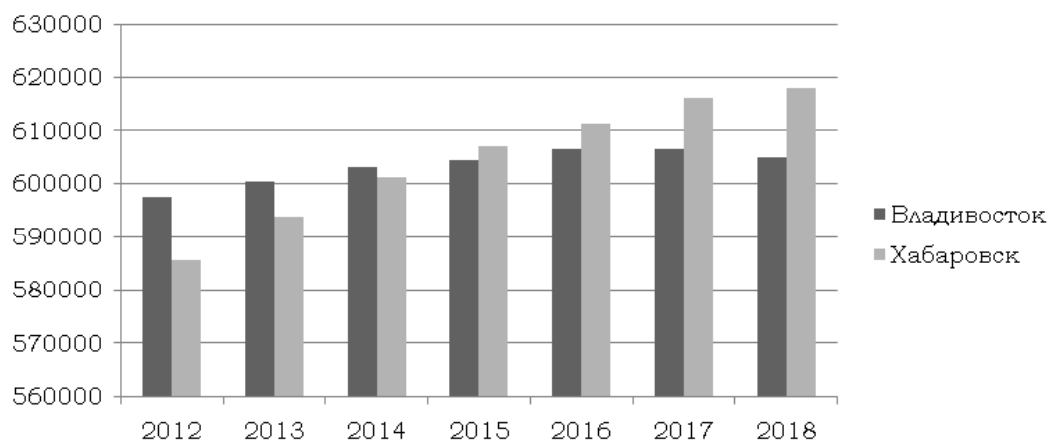

Рисунок 1 Численность населения на начало года, чел.

крупных города Дальнего Востока демонстрируют противоположные тенденции: Хабаровск – устойчивую положительную динамику роста численности населения, Владивосток же проигрывает как по динамике численности населения, так и по объемным показателям естественного и миграционного движения, которые значительно уступают аналогичным параметрам Хабаровска.

В отношении динамики параметров естественного движения населения Хабаровск и Владивосток имеют схожие тенденции. До 2015 г. отмечался рост рождаемости, а в последующие годы – сокращение. Снижение рождаемости – объективный процесс, на который оказывают влияние неблагоприятные факторы сложившейся в настоящее время возрастной структуры населения. В наиболее активном репродуктивном возрасте находятся женщины, рожденные в последнее десятилетие прошлого века, когда под влиянием глубокого социально-экономического кризиса произошел рез-

кий спад числа рождений. Сейчас малочисленное поколение тех лет как раз вступает в репродуктивный возраст, что неизбежно приводит к сокращению рождаемости. Вместе с тем Хабаровск опережает своего ближайшего соседа как по абсолютным показателям рождаемости, так и по относительным (табл. 2)

Динамика уровня смертности в городах также имеет схожие тенденции. При этом по абсолютному показателю Хабаровск опережает Владивосток, но в расчете на 1000 чел. населения уровень смертности населения Хабаровска ниже (табл. 3).

С точки зрения создания условий для формирования и развития человеческого капитала первостепенное значение имеет доступность основных базовых товаров и услуг, определяющих комфортность проживания, прежде всего, относящихся к удовлетворению физиологических потребностей человека: в пище, жилье, поддержании здоровья, тому, что позволяет индивиду продвигаться дальше в процессе повышения своего качественного

Таблица 1

Динамика естественного и миграционного движения Хабаровска и Владивостока, человек

Территория	Показатель	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Хабаровск	естественный прирост	693	907	980	1449	951	162
	миграционный прирост	7387	6500	5193	2495	4131	1746
Владивосток	естественный прирост	-328	67	208	727	404	-433
	миграционный прирост	3503	4092	1152	1053	-157	121

Источник: Данные Федеральной службы государственной статистики // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: сентябрь 2018 г.)

Таблица 2

Динамика показателей рождаемости в Хабаровске и Владивостоке

Территория	Показатель	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Хабаровск	человек	8039	8201	8381	8802	8247	7440
	промилле	13,6	13,7	13,9	14,4	13,4	12,1
Владивосток	человек	6752	6987	7013	7634	7402	6494
	промилле	11,3	11,6	11,6	12,6	12,2	10,7

Источник: Данные Федеральной службы государственной статистики // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: сентябрь 2018 г.)

Таблица 3

Динамика показателей смертности в Хабаровске и Владивостоке

Территория	Показатель	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Хабаровск	человек	7346	7294	7401	7353	7296	7278
	промилле	12,5	12,2	12,3	12,1	11,9	11,8
Владивосток	человек	7080	6920	6805	6907	6998	6927
	промилле	11,8	11,5	11,3	11,4	11,5	11,4

Источник: Данные Федеральной службы государственной статистики. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: сентябрь 2018 г.)

потенциала. Таким образом, в рамках исследования доступность жилья, медицинских и жилищно-коммунальных услуг, продуктов питания рассматривалась как необходимый набор социальных благ, создающих фундамент для формирования и развития человеческого капитала.

Доступность жилья на Дальнем Востоке традиционно является одной из самых низких в стране. Ежегодно субъекты Дальневосточного федерального округа входят в топ-регионов с самыми высокими ценами на недвижимость.

Доля семей, имеющих возможность приобрести жилье, соответствующее стандартам обеспечения жилыми помещениями, с помощью собственных и заемных средств, в Хабаровском крае значительно выше среднероссийского уровня

и аналогичного показателя по Приморскому краю². По итогам 2016 г. приобрести жилье могли 56,1% семей, тогда как в Приморском крае только 38,6% могли позволить себе покупку жилья. За десятилетний период удельный вес таких семей увеличился в Хабаровском крае с 26,6% до 56,1%, в Приморском крае рост составил 23,9 п.п. (рис. 2).

Динамика коэффициента доступности жилья свидетельствует о существенном сокращении времени, требующегося для накопления средств на покупку жилья. В 2000 г. коэффициент доступности в Приморском крае составлял 7,3 года при среднероссийском показателе 5 лет. К 2016 г. показатель сократился до 3,2 лет. В Хабаровском крае показатели доступности на всем анализируемом периоде

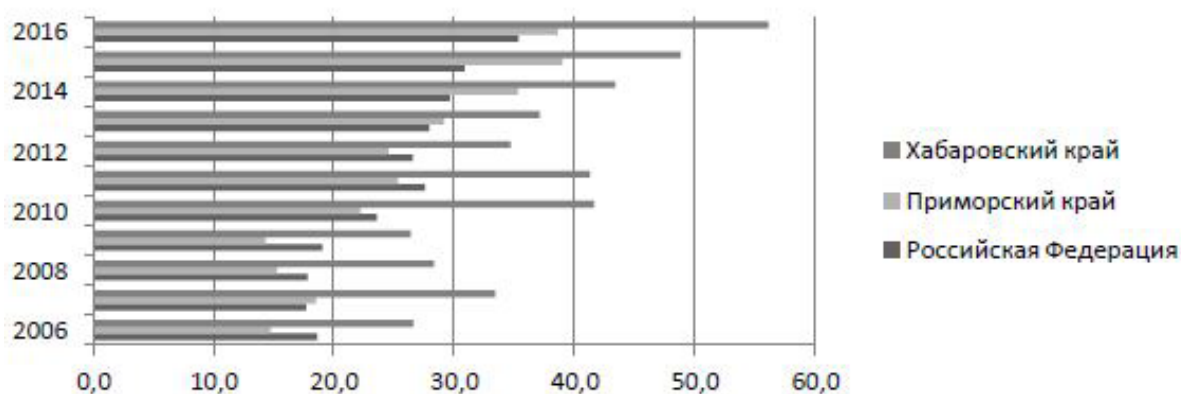

Рисунок 2. Доля семей, имеющих возможность приобрести жилье, %

были ниже, чем в соседнем регионе. В 2016 г. жители Хабаровского края могли приобрести квартиру раньше на 1,6 года по сравнению с 2000 г. (рис. 3).

Индекс доступности приобретения жи-

лья, показывающий соотношение доходов среднестатистического домохозяйства с доходами, необходимыми для приобретения стандартной квартиры с помощью ипотечного кредита, выдаваемого

² Полиди Т. Д. Показатели доступности жилья в субъектах Российской Федерации с 1998 г. по 2016 г. включительно / Официальный сайт Института экономики города. URL: http://www.urbanecomics.ru/research/analytics/dostup_zhilya_1998_2016_IUE (дата обращения: октябрь 2018 г.)

на стандартных условиях, является еще одним показателем, характеризующим возможности домохозяйств по приобретению жилья. В двух рассматриваемых субъектах общероссийские тенденции повторяются – растет соотношение между доходами населения и стоимостью жилья. В 2000 г. доходы домохозяйств Приморья составляли только 18% от суммы средств, необходимых для приобретения жилья, аналогичный показатель в Хабаровском крае составлял 34%. За шестнадцатилетний период ситуация кардинально изменилась, доходы домохозяйств в настоящее время не только соответствуют стоимости жилья, но и превышают ее, иными словами, домохозяйство может приобрести жилье, и еще останутся в распоряжении денежные средства. При общей положительной динамике Хабаровский край выделяется более высокими показателями и тем, что в регионе доходы превысили стоимость жилья на два года раньше, чем в Приморском крае. Так, после снижения показателя в 2008 – 2009 гг., обусловленного последствиями финансового кризиса, в 2010 г. соотношение превысило 100%-ую отметку и составило 125%, увеличившись относительно предшествующего года на 46 п.п. В Приморье увеличение показателя было менее интенсивным, и только в 2012 г. его значение составило 101%. К 2016 г. соотношение доходов домохозяйств с доходами, необходимыми для приобретения жилья, составляло в Хабаровском крае 169%, в Приморском – 124% (рис. 4).

Несмотря на то, что данные о доступности приведены в целом по субъектам, столицами которых являются рассматриваемые города, что обусловлено обозначенными ранее проблемами муниципальной статистики, они позволяют сделать определенные выводы, главный из которых – доступность жилья в Хабаровском крае более высокая.

Столичный статус городов Хабаровска и Владивостока обуславливает более высокую стоимость квадратного метра, чем в среднем по региону. В результате, например, Владивосток занимает третью строчку после федерального центра и северной столицы по стоимости квадратного метра жилья. В 2017 г. индекс доступности жилья на первичном рынке города Владивостока составил 3,5, на вторичном – 4,3 года. В Хабаровске приобрести жилье на первичном рынке можно на 0,8 г. раньше по сравнению с Владивостоком, на вторичном рынке – на 1,1 года.³

Таким образом, Хабаровский край и его столица обладают неоспоримыми преимуществами по сравнению с Приморским краем.

В дополнение к данным о доступности жилья было проведено сопоставление данных о покупательной способности доходов населения в виде заработной платы. Для сравнения условий, необходимых для формирования и развития человеческого капитала, была проведена оценка количества условно принятого набора товаров и услуг, который может приобрести житель города на свою

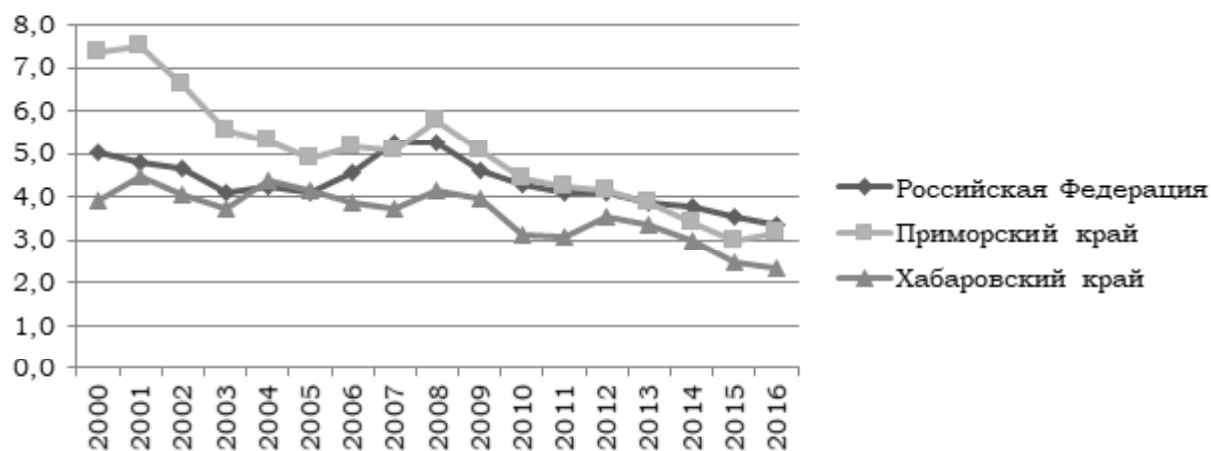

Рисунок 3 Коэффициент доступности жилья, лет

³ Рейтинг крупнейших городов России по доступности жилья. URL: <https://www.cian.ru/stati-rejting-krupnejshih-gorodov-rossii-po-dostupnosti-zhilja-278286/>

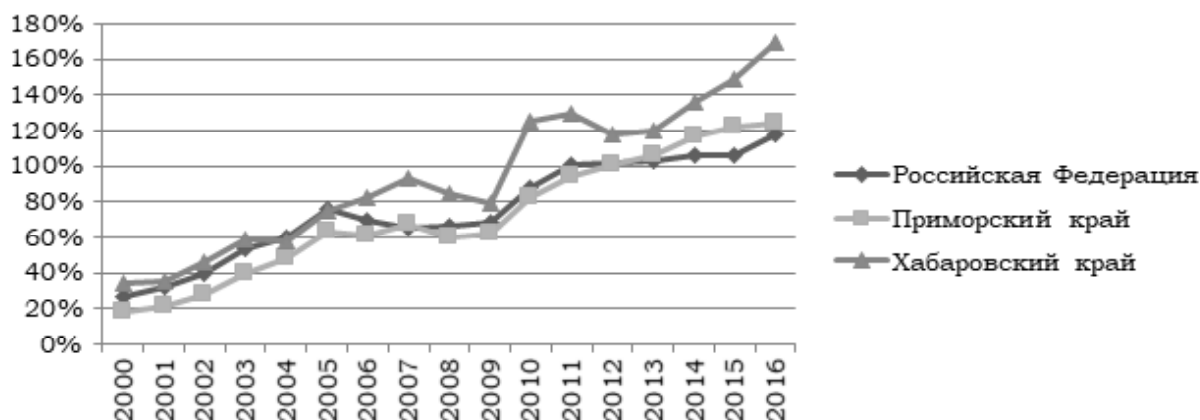

Рисунок 4. Индекс доступности приобретения жилья, %

заработную плату. Общий набор включал три составляющих: продуктовый набор, состоящий из минимального набора продуктов, входящих в состав потребительской корзины исходя из установленных месячных потребностей человека; набор медицинских услуг – первичный прием врача и общий анализ крови; набор жилищно-коммунальных услуг – стоимость услуг исходя из социальной нормы площади жилья на человека и установленной месячной потребности в услугах горячего и холодного водоснабжения, отопления, газоснабжения и электричества. Для расчетов использовались данные Федеральной службы государственной статистики о средних потребительских ценах на продукты и услуги, а также установленные минимальные объемы потребления продуктов питания и жилищно-коммунальных услуг, используемые для определения прожиточного минимума. Состав набора медицинских услуг определялся исходя из предположения о том, что каждый человек должен ежегодно проходить медицинский осмотр, а первичный осмотр врача и сдача общего

анализа крови являются наиболее общим индикатором оценки состояния здоровья. Соотношение стоимости наборов и величины среднемесячной номинальной начисленной заработной платы показывает, сколько товаров и услуг в месяц может приобрести человек исходя из имеющихся доходов. Полученные оценки представлены в таблице 4.

Полученные оценки показали приблизительно равную покупательную способность заработной платы жителей Владивостока и Хабаровска с небольшим перевесом в пользу столицы Приморья. В каждом из городов месячная заработная плата позволяет приобрести более 5 условно принятых наборов, включающих продукты питания, жилищно-коммунальные услуги, а также медицинское обслуживание. В разрезе отдельных составляющих набора Хабаровск опережает Владивосток по количеству наборов медицинских услуг – 45,2 против 37,5 единиц в 2017 г. Стоимость продуктового набора и жилищно-коммунальных услуг ниже во Владивостоке, что позволяет его жителям, несмотря на меньший размер среднемесячной но-

Таблица 4

Покупательная способность заработной платы, количество наборов, шт.

Показатель	Владивосток		Хабаровск	
	2013 г.	2017 г.	2013 г.	2017 г.
Набор медицинских услуг	33,6	37,5	53,1	45,2
Продуктовый набор	9,1	11,3	9,5	10,0
Набор жилищно-коммунальных услуг	13,2	11,7	15,2	10,7
Общий набор	5,3	5,7	5,8	5,1

Источник: рассчитано автором по данным Федеральной службы государственной статистики // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: сентябрь 2018 г.)

минальной заработной платы, приобретать их большее количество. В качестве отрицательной тенденции необходимо отметить снижение покупательной способности заработной платы хабаровчан. По двум из трех составляющих происходит снижение доступного для приобретения количества наборов.

Полученные оценки характеризуют доступность только очень ограниченного набора благ и услуг, удовлетворяющего минимум потребностей человека. Безусловно, на увеличение количественных и качественных параметров человеческого капитала оказывают влияние огромное число параметров, и выбранный в данном случае набор индикаторов охватывает только их небольшое число. Вместе с тем оценки по выбранным показателям позволили сопоставить базовые условия формирования и развития человеческого капитала в крупных центрах концентрации населения на Дальнем Востоке. Полученные данные подтвердили исходную гипотезу о наличии сравнительных преимуществ, способствующих наращиванию человеческого капитала. К их числу, прежде всего, относится доступность жилья, по показателям которой Хабаровск существенно опережает Владивосток. Доступность других товаров и услуг в городах характеризуется сопоставимыми показателями при небольшом перевесе в пользу Владивостока по двум из трех составляющих. Таким образом, имеющиеся у Хабаровска преимущества в части обеспечения базовых условий для формирования и развития конкурентоспособного человеческого капитала генерируют положительные эффекты в виде увеличения его количественных параметров. Вместе с тем в условиях существующих демографических рисков, обусловленных возрастной структурой населения, положительный тренд в скором времени может изменить свою траекторию на противоположную. Принятие мер, направленных на улучшение качественных характеристик, позволит несколько сгладить негативные последствия его количественного сокращения и будет способствовать кон-

центрации в Хабаровске высокоэффективного человеческого капитала.

Список литературы:

1. Антонов Е. В. Демографическая и экономическая асимметрия развития городов Урала, Сибири и Дальнего Востока в 1991–2014 гг. // *The Journal of Siberian and Far Eastern Studies*. 2016. № 2 (15). С. 8–53.
2. Зубаревич Н. В. Города как центры модернизации экономики и человеческого капитала // *Общественные науки и современность*. 2010. № 5. С. 5–19.
3. Зубаревич Н. В. Развитие и конкуренция крупнейших городов России в периоды экономического роста и кризиса // *Региональные исследования*. 2010. № 1 (27). С. 45–54.
4. Зубаревич Н. В. Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики // *Мир новой экономики*. 2017. № 2. С. 46–57.
5. Найден С. Н., Белоусова А. В. Методический инструментарий оценки благосостояния населения: межрегиональное сопоставление // *Экономика региона*. 2018. Т. 14, вып. 1. С. 53–68.
6. Найден С. Н., Грицко М. А. Реакция региональной социальной системы на институциональные и инвестиционные шоки // *Регионалистика*. 2016. Т. 3. № 6. С. 6–22.
7. Станишевская С. П., Якупова И. Н. Взаимосвязь человеческого потенциала и инвестиционной привлекательности территории (на примере крупных городов) // *Вестник Пермского университета. Серия Экономика*. 2013. Вып. 4 (19). С. 32–40.
8. Человеческий капитал как фактор социально-экономического развития. Краткая версия доклада [Текст]: докл. К XVII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 19–22 апр. 2016 г. / отв. Ред. Я. И. Кузьминов, Л. Н. Овчарова, А. И. Яковсон; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2016. – 76 с.

Библиографическое описание статьи

Грицко М. А. Особенности формирования человеческого капитала в крупных центрах концентрации населения Дальнего Востока России // *Власть и управление на Востоке России*. 2018. № 4 (85). С. 32–40. DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-32-40

Mariya A. Gritsko – Candidate of Economics, scientific secretary, the Institute of economic researches of FEB RAS (153 Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, 680042, Russian Federation) E-mail: gritsko@ecrin.ru

Assessment of conditions for the formation of human capital in the large population concentration centers in the Far East

The article presents an assessment of the conditions for the formation of human capital in the two largest population concentration centers in the Far East. The dynamics of the main demographic indicators for the period 2012-2017 is analyzed. It is shown that Khabarovsk in the analyzed period showed steady population growth rates, while the capital of Primorye was characterized by a wave-like dynamics, and in the last two years the population in the city began to decline. Based on the research hypothesis about the presence of the relationship between the growth of the quantitative parameters of human capital and the conditions of its formation, an assessment was made of the availability of basic social goods and services. It is shown that Khabarovsk, which demonstrates a steady trend of increasing population, has comparative advantages in the field of housing affordability. For the rest of the studied parameters, Khabarovsk and Vladivostok are at a comparable level with a small margin of Khabarovsk in the field of access to medicine and Vladivostok in the area of access to food and housing and communal services. It is concluded that the higher availability of housing as one of the most important conditions for the formation and development of human capital in Khabarovsk has a positive effect on an increase in the population in the city.

Keywords: human capital, natural growth, migration growth, availability of social benefits and services, Khabarovsk, Vladivostok, the Far East.

References:

1. Antonov Ye. V. Demographic and economic asymmetry of the development of the cities of the Urals, Siberia and the Far East in 1991–2014. *The Journal of Siberian and Far Eastern Studies*, 2016, no. 2 (15), pp. 8–53. (In Russian).
2. Zubarevich N. V. Cities as centers of modernization of the economy and human capital. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 2010, no. 5, pp. 5–19. (In Russian).
3. Zubarevich N. V. Development and competition of the largest cities of Russia in periods of economic growth and crisis. *Regional'nye issledovaniya* [Regional Studies], 2010, no. 1 (27), pp. 45–54. (In Russian).
4. Zubarevich N. V. Development of the Russian space: barriers and possibilities of regional policy. *Mir novoj ehkonomiki* [World of New Economy], 2017, no. 2, pp. 46–57. (In Russian).
5. Nayden. N., Belousova A. V. Methodological tools for assessing the welfare of the population: inter-regional comparison. *EHkonomika regiona* [Economy of the region], 2018, vol. 14, no. 1. pp. 53–68. (In Russian).
6. Nayden N., Gritsko A. Reaction of the regional social system to institutional and investment shocks. *Regionalistika* [Regionalistika], 2016, vol. 3, no. 6, pp. 6–22. (In Russian).
7. Stanishevskaya S. P., Yakupova N. Interrelation of human potential and investment attractiveness of the territory (on the example of large cities). *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya EHkonomika* [Perm University Bulletin. Economy series], 2013, vol. 4 (19), pp. 32–40. (In Russian).
8. Human capital as a factor of socio-economic development. Short version of the report [Text]: report. K XVII Apr. international scientific conf. on problems of economic and social development, Moscow, April 19–22. 2016 / otv. Ed. Ya.I. Kuzminov, L.N.Ovcharova, L.I. Yakobson; Nat researches University "Higher School of Economics". M.: Izd. House of the Higher School of Economics, 2016, p. 76. (In Russian).

Reference to the article

Gritsko M. A. Assessment of conditions for the formation of human capital in the large population concentration centers in the Far East // *Power and Administration in the East of Russia*. 2018. No. 4 (85). Pp. 32–40. DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-32-40

DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-41-49
УДК 338:91

В. Ф. Ефременко
В. В. Габунов

Воспроизводственная структура Дальневосточного макрорегиона России – проблемы сбалансированности и развития

Результатирующие показатели общественного воспроизводства в Дальневосточном макрорегионе характеризуют разнонаправленность составляющих его экономических и социально-демографических процессов. Выявление факторов, обусловивших нарушение сбалансированности воспроизводственных процессов, предполагает проведение специального анализа секторов хозяйства, обеспечивающих полный цикл общественного воспроизводства. Решение задачи возможно на основе методологии воспроизводственно-циклической макромоделли анализа и прогнозирования, основанной на группировке отраслей межотраслевого баланса по воспроизводственным секторам: потребительскому, инновационно-инвестиционному; энергосырьевому; инфраструктурному. Результаты исследования показывают, что основной проблемой, нарушающей баланс и подлежащей разрешению, является значительный экстенсивный рост энергосырьевого сектора. Преодоление складывающихся тенденций, ставящих под угрозу достижение государственных приоритетных целей по опережающему социально-экономическому развитию Дальнего Востока и росту численности проживающего здесь населения, возможно при переходе к инновационно-инвестиционному сценарию развития макрорегиона.

Ключевые слова: энергосырьевой и инновационно-инвестиционный секторы воспроизводства, Дальневосточный макрорегион России.

Опережающее социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа Российской Федерации (далее – ДФО) является одним из заявленных стратегических приоритетов проводимой государством социально-экономической политики¹. В то же время в его достижении наблюдается разнонаправленность экономических и социально-демографических процессов – опережающий среднероссийские показатели рост инвестиций и валового регионального продукта (далее – ВРП) сопровождается устойчивым миграционным оттоком населения [Ефре-

менко, 2017. С. 21 – 27], что указывает на отсутствие сбалансированности процессов общественного воспроизводства в Дальневосточном макрорегионе, а также требует более четкой формулировки критериев опережающего развития.

Согласно классической модели экономического роста, разработанной нобелевским лауреатом С. Кузнецом, «экономический рост страны может быть определен как долговременное увеличение возможностей удовлетворять все более разнообразные потребности населения в продуктах экономической деятельности. Эта

¹ Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона». Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 308 (в редакции постановления Правительства Российской Федерации от 30 марта 2017 г. № 365).

Владимир Филиппович Ефременко – канд. экон. наук, доцент кафедры экономики и финансового права, Дальневосточный институт управления – филиал РАН-ХиГС (680000, Россия, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, д. 33). E-mail: vladfilef@yandex.ru

Вадим Вадимович Габунов – менеджер, Центр кластерного развития АНО «Дальневосточное агентство содействия инновациям» (680000, Россия, г. Хабаровск, ул. Дзержинского, д. 52). E-mail: management@dviu.ranepa.ru

возрастающая способность основана на развитии техники и технологии и на необходимых изменениях в институциональной структуре и идеологии. Важны все три составные части определения» [Кузнец, 2003]. Результирующие социально-экономические показатели общественного воспроизводства в ДФО позволяют предположить, что это триединство, – рост ВРП, как способность удовлетворения все более широкого круга потребностей проживающего в макрорегионе населения, новые технологии и инновации, как основа экономического роста, проведение институциональных, поведенческих и идеологических изменений, – нарушается, что приводит нас к необходимости анализа динамики секторов, обеспечивающих воспроизводство социально-экономической системы макрорегиона.

В проведении комплексного анализа структуры общественного воспроизводства в ДФО применим методологические подходы воспроизводственно-циклической макромоделей анализа и прогнозирования, особенность которой состоит в том, что группировка отраслей межотраслевого баланса осуществляется по функциональному признаку – воспроизводственным секторам: потребительскому, ориентированному на удовлетворение потребностей населения в товарах, платных и бесплатных услугах (сельское хозяйство, пищевая и легкая промышленность, ЖКХ и бытовое обслуживание, социальный комплекс – здравоохранение, образование, социальное обеспечение, культура); инновационно-инвестиционному (наука, машиностроение, химия и нефтехимия, строительство); энергосырьевому (электроэнергетика, топливная промышленность, черная и цветная металлургия, лесные и строительные материалы); инфраструктурному (транспорт и связь, торговля, финансы, кредит, управление). Такая группировка отраслей позволяет характеризовать целевую направленность структурных сдвигов в экономике – служат ли они удовлетворению потребностей населения, инновационно-инвестиционному развитию, усиленной эксплуатации природного сырья и топлива, либо увеличению транзакционных издержек в результате разбухания сфер обращения и управления [Кузык, Кушлин, Яковец, 2009].

Несмотря на то, что межотраслевой баланс составляется Росстатом только на уровне Российской Федерации в целом, применение методологии воспроизводственно-циклической макромоделей возможно и на региональном уровне [Кузык, Кушлин, Яковец, 2009], что требует проведения специальных работ. В нашем случае, на первоначальном этапе анализа, располагая только данными по группам ОКВЭД, вполне возможно выявить складывающиеся пропорции и тенденции развития воспроизводственных секторов макрорегиона. Такой подход не противоречит теории предвидения Н. Д. Кондратьева, согласно которой «...третий тип предвидения состоит в предвидении развития тех или иных общих тенденций, например, тенденции хозяйственного роста или упадка той или другой страны, той или другой отрасли хозяйства, общих тенденций движения цен, движения различных категорий дохода, тенденций в изменении организационной структуры хозяйства, тенденций назревания революционных движений, международных осложнений и т. д.» [Кондратьев, 1993].

Сравнительный анализ динамики структуры инвестиций в основной капитал по Российской Федерации и её Дальневосточному макрорегиону показывает существенные расхождения в складывающихся тенденциях (рис. 1).

Наибольшая доля инвестиций осуществляется в транспорт и связь: от 18,6% до 27,7% РФ и от 20,2% до 49,8% в ДФО. Вторую-третью позицию в РФ занимают обрабатывающие производства (от 12,8% до 16,8%) и добыча полезных ископаемых (от 14,0% до 19,3%). В ДФО доля обрабатывающих производств (от 2,7% до 8,0%) в разы уступает добыче полезных ископаемых (от 19,6% до 39,4%).

В структуре инвестиций ДФО прослеживается отчетливая тенденция по увеличению доли инвестиций в добывающие отрасли – двукратный рост за рассматриваемый период. В абсолютном выражении инвестиции в добычу сырья выросли почти в 9 раз – с 42 млрд руб. в 2005 г. до 355 млрд руб. в 2016 г. В конце рассматриваемого периода около 40% инвестиций в основной капитал в ДФО приходилось на добычу полезных ископаемых, 25% на инвестиции в транспорт и связь и только 6,5% в обрабатывающие производства.

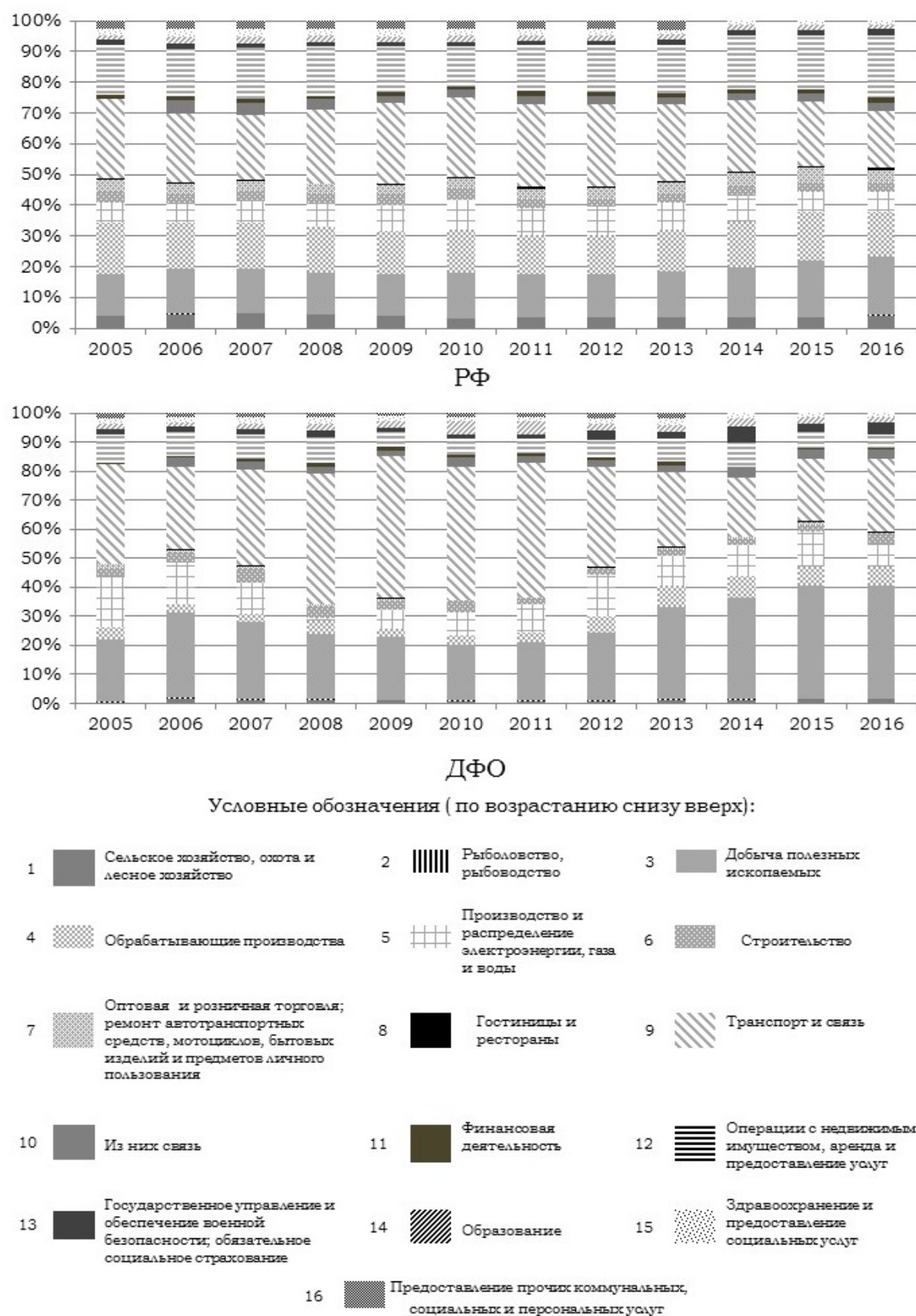

Рис. 1. Динамика инвестиций в основной капитал по видам экономической деятельности в РФ за период 2005 - 2016 гг., в %

Перекося в структуре инвестиций ДФО в сторону отраслей начальной стадии производственного цикла может быть объяснен более высокой инвестиционной привлекательностью этого вида деятельности.

Добывающие отрасли в ДФО характеризуются более высокими показателями эффективности краткосрочной финансовой деятельности, чем перерабатывающие. Рентабельность активов в добывающей отрасли ДФО более чем в 6 раз превосходит показатель обрабатывающих отраслей, а рентабельность продаж – в 9,4 раза, составив в 2016 г. 56,2%. Для сравнения в среднем по России этот разрыв составляет 1,6 по рентабельности активов и 2,6 по рентабельности продаж. Рентабельность обрабатывающих производств составляет: по активам – 6,3% в среднем по РФ и (вдвое меньше) 3,0% в ДФО; по продажам – 10,1 процентов в среднем по РФ и 6,0 в ДФО².

Таким образом, обрабатывающие производства в ДФО обладают меньшей инвестиционной привлекательностью по сравнению с сырьевыми добывающими и аналогичными обрабатывающими, но расположенными в других регионах страны.

Пониженная рентабельность обрабатывающих производств, расположенных в ДФО, объясняется воздействием всего комплекса негативных факторов, удорожающих ведение хозяйства в макрорегионе. И, если добывающие производства имеют возможность взимать природно-ресурсную ренту, то для обрабатывающих дополнительным источником финансовых ресурсов может стать инновационная, технологическая, интеллектуальная «квазирендита», представляющая собой сверхприбыль, устойчиво (но на ограниченный период) получаемая при использовании воспроизводимых, не связанных с эксплуатацией природных ресурсов, факторов воспроизводства: технологических; интеллектуальных; организационно-управленческих; образовательных, финансовых [Кузык, Яковец, 2005].

В то же время складывающиеся тенденции свидетельствуют о существенном отставании уровня технологического и

инновационного развития отраслей экономики в ДФО от среднероссийских показателей. Доля инвестиций, направленных на реконструкцию и модернизацию, в общем объеме инвестиций в основной капитал составляет в ДФО 10,6% при 16,3% в среднем по РФ. В свою очередь, в этих суммах доля инвестиций в машины, оборудование, транспортные средства составляет 22,4% и 29,2% соответственно³. Показатель инновационной активности организаций составляет в ДФО 6,4, тогда как в среднем по РФ – 8,4².

Отметим, что уже в 80-е годы XX века министерства и ведомства стремились всячески ограничить вложения средств в переработку сырья на Дальнем Востоке, вынося ее в западные районы страны, что позволяло получить экономию текущих затрат в данном плановом периоде. Аналогичный подход был и в отношении техперевооружения, модернизации предприятий. На Дальнем Востоке эффективность этих мероприятий в краткосрочном периоде была ниже, чем в европейской части страны. Стремление в достижении ведомствами краткосрочного финансового эффекта формировало условия для перманентного технологического отставания обрабатывающей отрасли макрорегиона.

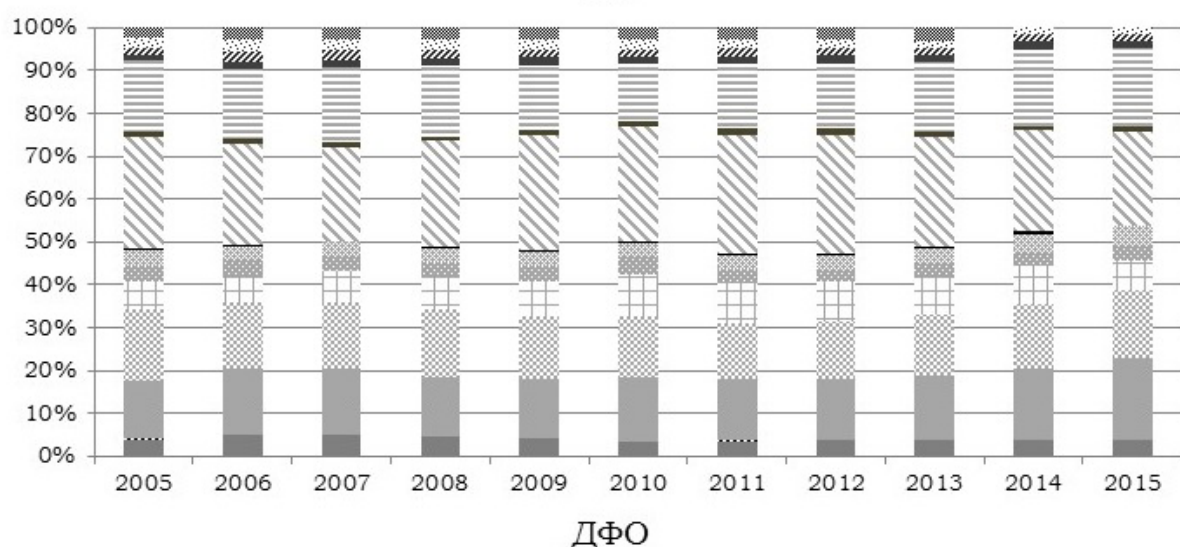
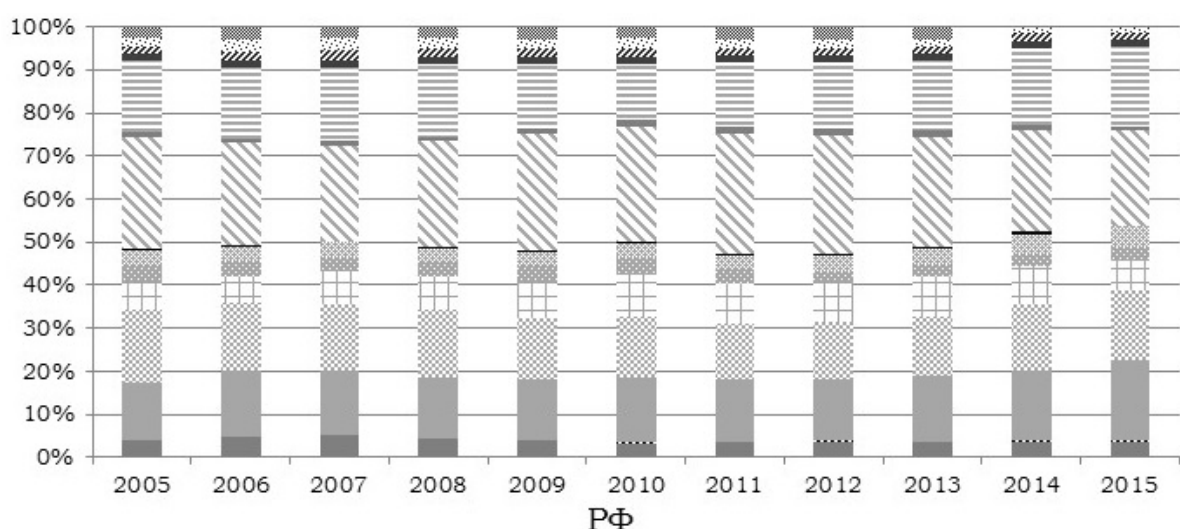
Количественные показатели роста ВРП обеспечиваются прежде всего увеличением добычи сырья, а не технологическими усовершенствованиями (рис. 2).

Соответственно, валовая добавленная стоимость, созданная в отрасли «добыча полезных ископаемых» составила 28,6 процентов в структуре ВРП ДФО, транспорт и связь – 12,7, обрабатывающие производства – 5,4. Доля сырьевых отраслей в структуре производимой добавленной стоимости выросла в ДФО почти в два раза, что существенно отличается от тенденций, наблюдаемых в РФ, где этот показатель даже сократился на 1,6 процентных пункта.

По нашим оценкам, процессы, происходящие в сфере создания и поддержания рабочих мест, являются определяющими факторами сокращения численности населения ДФО.

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2005 – 2017 гг. URL.: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm

³ Росстат. Технологическое развитие отраслей экономики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/economydevelopment/

Условные обозначения (по возрастанию снизу вверх):

1	Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	2	Рыболовство, рыбоводство	3	Добыча полезных ископаемых
4	Обрабатывающие производства	5	Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	6	Строительство
7	Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	8	Гостиницы и рестораны	9	Транспорт и связь
10	Финансовая деятельность	11	Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	12	Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное страхование
13	Образование	14	Здравоохранение и предоставление социальных услуг	15	Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг

Рис.2. Динамика структуры валовой добавленной стоимости в основных ценах по видам экономической деятельности РФ и ДФО за период 2005 – 2015 гг., в %

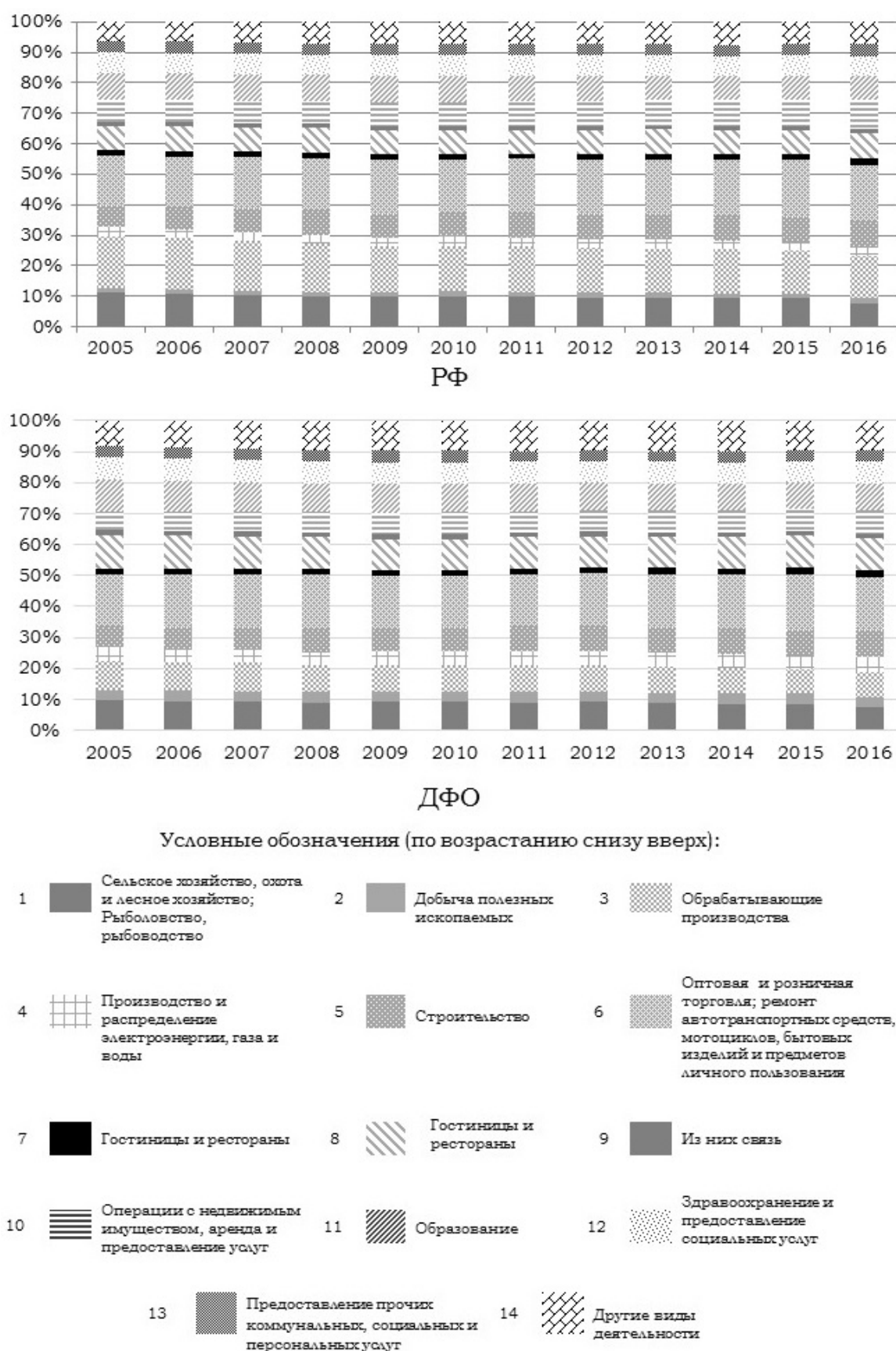

Рис. 3. Динамика распределения среднегодовой численности занятых по видам экономической деятельности в РФ и ДФО за период 2005 – 2015 гг., в %

Сокращение населения – около 90% убыли – происходило главным образом за счет миграционного оттока [Мотрич, 2012. С. 289 – 292]. Покидает Дальний Восток в основном трудоспособное население – более 73 процентов в структуре выбывающих. Преобладание экономически активного населения в демографических потерях макрорегиона позволяет предположить определяющее влияние экономических факторов на миграционное поведение. В первую очередь, мы должны оценить способность регионального хозяйства обеспечивать трудоспособное население рабочими местами, по качеству и уровню заработной платы соответствующими его потребностям.

При этом в добывающей промышленности ДФО, являющейся главным реципиентом инвестиций и осуществляющей производство самой значительной доли добавленной стоимости, обеспечиваются работой всего 3,5% занятого населения макрорегиона (в РФ – 1,6%) и не происходит создание дополнительных рабочих мест (рис. 3).

За период 2005 – 2015 гг. в добывающей отрасли ДФО наблюдается небольшое сокращение – с 115,9 тыс. чел. до 112,8 тыс. чел. При этом в обрабатывающих отраслях численность работающих сократилась на 56 тыс. чел. или 18%, в сельском и лесном хозяйстве, рыболовстве, рыбоводстве на 39,1 тыс. чел. или 12,3%, в транспорте и связи на 17 тыс. чел. или 4,8%.

Соответственно сокращениям в отраслях специализации, составляющих ядро экономической системы региона, происходит сокращение занятых в отраслях производственной и социальной инфраструктуры: в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды на 7,7%, в образовании на 15%, в здравоохранении, предоставлении социальных услуг на 5%, что, в свою очередь, приводит к дальнейшему снижению уровня потребления проживающим в макрорегионе населением благ и услуг.

За рассматриваемый период суммарный объем инвестиций в добывающие

производства превысил соответствующий показатель обрабатывающих производств в 6,5 раз. Инвестиции, вложенные в добывающие отрасли, дают максимальную отдачу на вложенный капитал, однако не создают дополнительных рабочих мест. В то же время, относительно значительно меньшие объемы инвестиций в обрабатывающие производства приводят к выводу производственных мощностей и сокращению рабочих мест.

Проведенный нами корреляционный анализ показывает, что связь между среднегодовой численностью занятых в обрабатывающих производствах и численностью населения статистически значима и положительна. Коэффициент линейной корреляции Пирсона для нашего случая равен 0,968. Сила связи очень высокая. Полученная прямо пропорциональная зависимость говорит о том, что чем ниже число занятых в отраслях обрабатывающей промышленности, тем ниже численность населения и наоборот [Ефременко, 2017. С. 23 – 39].

Динамика развития отраслей специализации в ДФО указывает на дальнейшее усиление сырьевой доминанты в структуре производства. При сохранении сложившихся тенденций представляется, что «стабилизация численности населения Дальнего Востока на уровне 6,2 млн. человек к 2020 году и ее увеличение до 6,5 млн. человек к 2025 году»⁴ могут стать труднодостижимыми целями.

Тенденции развития воспроизводственной структуры макрорегиона показывают сокращение инновационно-инвестиционного и потребительского воспроизводственных секторов. Происходит рост энергосырьевого сектора и инфраструктурного в части: торговля, финансы, кредит, управление. В целом, динамика развития воспроизводственных секторов, наблюдаемая в ДФО РФ, показывает, что происходит реализация нежелательного, угрожающего сценария развития Дальневосточного макрорегиона по его превращению в источник сырья и энергоносителей для высокотехнологичных стран Юго-Восточной Азии, показы-

⁴ Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 г. Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 июня 2017г. №1298-р.

вающих высокие темпы экономического роста. Противопоставить ему можно только особую стратегию перехода к сбалансированному воспроизводству экономики и социальной сферы на основе развития инновационных секторов экономики. Такой подход в состоянии обеспечить комплексное социально-экономическое развитие макрорегиона, действительно опережающего другие регионы РФ.

Однако для реализации сценария инновационного прорыва требуется радикально изменить воспроизводственную структуру регионального хозяйства, значительно повысив долю инновационно-инвестиционного и потребительского секторов.

Список литературы:

1. Ефременко В. Ф. Переход к инновационному типу воспроизводства на Дальнем Востоке России – объективная необходимость и реализация возможностей // Власть и управление на Востоке России. 2017. № 1. С. 21–27.
2. Кузнец С. Современный экономический рост: результаты исследований и размышлений // Нобелевские ла-

уреаты по экономике: взгляд из России / Ред. Ю. В. Яковец. СПб., Гуманистика, 2003. 966 с.

3. Кузык Б. Н., Кушлин В. И., Яковец Ю. В. Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование : учебник. М.: ЗАО «Издательство «Экономика». 2009. 591 с.

4. Кондратьев Н. Д. Избранные сочинения / Ред. колл. А. И. Абалкин и др. М.: Экономика. 1993. 543 с.

5. Кузык Б. Н., Яковец Ю. В. Россия 2050 – стратегия инновационного прорыва. М., ЗАО «Издательство «Экономика». 2005. 624 с.

6. Мотрич Е. А. Демографические перспективы Дальнего Востока России // Демографическое настоящее и будущее России и её регионов. Материалы Всероссийской научно-практической конференции 30 – 31 мая 2012 года. Выпуск 2, тезисы. С. 289–292.

7. Ефременко В. Ф., Бахарев С. М. Высокотехнологичная обрабатывающая промышленность, как фактор сохранения и развития населения на Дальнем Востоке России // Власть и управление на Востоке России. 2017. № 4. С. 23–29.

Библиографическое описание статьи

Ефременко В. Ф., Габунов В. В. Воспроизводственная структура Дальневосточного макрорегиона России – проблемы сбалансированности и развития // Власть и управление на Востоке России. 2018. № 4 (85). С. 41–49. DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-41-49

Vladimir F. Efremenko – Candidate of Economics, Associate Professor of the chair of economy and financial right, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPa (33, Str. Muravyev-Amurskiy, Khabarovsk, 680000, Russian Federation). E-mail: vladfilef@yandex.ru

Vadim V. Gabunov – manager of Cluster development center Non-for-profit organization «Far-Eastern Innovation Support Agency» (52, Str. Dzerzhinskiy, Khabarovsk, 680000, Russian Federation). E-mail: management@dviu.ranepa.ru

Reproduction structure of the Far-Eastern macro-region of Russia – the problems of balance and development

The resulting indicators of public reproduction in the Far-Eastern macro-region characterize the divergence of economic and social and demographic processes. Identification of the factors which caused violation of the balance of reproduction processes assumes carrying out the special analysis of the sectors of economy providing a full cycle of public reproduction. The solution of this task is possible on the basis of methodology of reproduction and cyclic macro-model of the analysis and forecasting based on the group of industries of inter-industry balance by the reproduction sectors: consumer, innovative investment; infrastructure. Results of the research show that the main problem which is breaking balance

and a subject to permission is significant extensive growth in the power raw sector. Overcoming the developing trends threatening achievement of the state priority purposes on the advancing social and economic development of the Far East and a growth of a number of the population living here is possible upon transition to the innovative investment scenario of development of the macro-region.

Keywords: power raw and innovative and investment sectors of reproduction, the Far-Eastern macro-region of Russia.

References:

1. Efremenko V. F. Transition to the innovative type of reproduction in the Far East of Russia - an objective necessity and realization of opportunities. *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], 2017, no. 1, pp. 21–27. (In Russian).
2. Kuznets S. Modern economic growth: results of research and reflection. *Nobel-evskiye laureaty po ekonomike* [Nobel laureates in economics: a view from Russia]. Ed. Yu. V. Yakovets. SPb., Humanistic, 2003, p. 966. (In Russian).
3. Kuzyk B. N., Kushlin V. I., Yakovets Yu. V. Prediction, strategic planning and national programming: a textbook. M.: CJSC "Publishing" Economy ". 2009. 591 p. (In Russian).
4. Kondratyev N. D. Selected Works. Ed. call L. I. Abalkin and others. M.: Economy. 1993. 543 p. (In Russian).
5. Kuzyk B. N., Yakovets Yu. V. Russia 2050 - an innovative breakthrough strategy. M., CJSC "Publishing House" Economics ". 2005. 624 p. (In Russian).
6. Motrich, E.L., Demographic Perspectives of the Russian Far East. The Demographic Present and the Future of Russia and its Regions. Materials of the All-Russian scientific-practical conference on May 30 - 31, 2012, Issue 2, theses, pp. 289–292. (In Russian).
7. Efremenko V. F., Bakharev S. M. High-tech manufacturing industry as a factor in the preservation and development of the population in the Far East of Russia. *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], 2017, no. 4, pp. 23–29. (In Russian).

Reference to the article

Efremenko V. F., Gabunov V. V. Reproduction structure of the Far-Eastern macro-region of Russia – the problems of balance and development // Power and Administration in the East of Russia. 2018. No. 4 (85). Pp. 41–49. DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-41-49

DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-50-61
УДК 338.1

О. Г. Иванченко
Е. С. Иванченко
А. Ю. Титкова

Развитие инструментов промышленной политики: дальневосточный вектор

На разных этапах развития и модернизации экономики эффективными оказывались различные инструменты промышленной политики. Внедрение новых инструментов промышленной политики и режимов поддержки инвестиционного развития направлено на увеличение экономического роста и расширение привлечения потенциальных инвесторов в дальневосточную экономику. Преференции экономических режимов территорий опережающего развития и восточного порта, современные инструменты промышленной политики основанные на реализации комплексного подхода, представляют собой совокупность традиционных и новых инструментов, мер финансовой поддержки и направлены не только на развитие отраслей промышленности, но также и на совершенствование обеспечивающей инфраструктуры, способствующей развитию промышленного комплекса.

Ключевые слова: инструменты промышленной политики, источники финансирования инвестиций, территории опережающего развития, Фабрика проектного финансирования, Специальный инвестиционный контракт, Инфраструктурная ипотека.

Промышленность – одна из важнейших базовых отраслей экономики, устойчивое развитие которой является основой экономического роста. На современном этапе формирования и развития экономики промышленная политика занимает одно из приоритетных направлений для устойчивого социально-экономического развития страны, позволяет регулировать и оптимизировать взаимоотношения между государством и бизнесом на всех уровнях.

Определение инструментов промышленной политики на протяжении продолжительного периода времени является предметом дискуссии в научной экономической литературе как за рубежом, так и среди российских экономистов.

Среди зарубежных ученых наиболь-

шее внимание исследованию современных инструментов промышленной политики уделяется в трудах: Santikian L., Müllner J. [Santikian, 2014; Müllner, 2017]. В отечественной науке данный вопрос рассматривался в исследованиях: А. Г. Аганбегяна, Е. С. Хесина, О. Г. Иванченко, П. А. Минакира, В. А. Тамбовцева, Ю. В. Симачева, С. Н. Леонова, М. А. Кулик, М. Г. Кузык [Тамбовцев, 2017; Симачев, Кузык. Погребняк, 2018; Минакир, 2018; Иванченко, Титкова, Улезлова, 2018; Аганбегян, 2017; Леонов, 2017; Кулик, Кулик, Мотовиц, 2018; Хесин, 2016; Иванченко, Иванченко, 2017].

В зарубежной практике применение механизмов государственно-частного партнерства получило широкое распространение. Общим для всех зарубежных

Ольга Григорьевна Иванченко – д-р экон. наук, профессор кафедры экономики и менеджмента, Тихоокеанский государственный университет (680035, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 136). *E-mail: sniog@mail.ru*

Евгений Сергеевич Иванченко – кандидат экономических наук, заместитель генерального директора Дальневосточная аудиторская фирма «Форест Аудит» (680000, Россия, г. Хабаровск, ул. Комсомольская, д. 104). *E-mail: ivanchenkoes@gmail.com*

Анна Юрьевна Титкова – аспирант, Тихоокеанский государственный университет (680035, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 136). *E-mail: a.u.dihtyarenko@gmail.com*

схем является участие государства как в предоставлении юридических гарантий деятельности субъектам инвестиционной сделки, так и предоставлении финансовой помощи.

Промышленный сектор экономики США основан на частном предпринимательстве, но данный сегмент находится в тесном сотрудничестве с государством и университетами в рамках моделей государственно-частного партнерства. Данные программы имеют широкое распространение в американской экономике и оказали серьезное влияние на формирование таких инструментов в других странах, в том числе и России (фабрика проектного финансирования, инфраструктурная ипотека). Самые известные программы в США – «7а» и «504», NNMI [Santikian, 2014]¹. Особенности программ государственно-частного партнерства в США являются: привлечение федерального финансирования на долгосрочной основе; усиленный акцент на массовое комплексное промышленное освоение всех передовых технологий; более половины инвестиций на конкурсной основе должны давать сами корпорации США; тесное взаимодействие отраслевого и межотраслевого менеджмента (государство – корпорации – университеты).

Немецкая модель государственно-частного партнерства интересна для российской практики, так как Россия и Германия имеют схожее государственное устройство и законодательство. Особенности программ государственно-частного партнерства в Германии являются: социальная ориентированность инвестиционных проектов; многоступенчатый механизм подготовки и реализации инвестиционных проектов; немецкая модель предполагает косвенное участие государства в кредитовании инвестиционных проектов при использовании средств коммерческих

кредитных организаций (т. е. банки выступают посредником в государственном кредитовании), предоставляется информационная поддержка инвестору через экономические и технические консультации [Müllner, 2017]².

Французский опыт для России может быть полезен при совершенствовании сферы консалтинга и образовательных услуг. Во Франции в этих сферах занимаются: разработкой методологии оценки проектов государственно-частного партнерства; оценкой инвестиционного проекта по всем требованиям и аспектам его реализации; оказанием консультативных услуг на любой стадии реализации проекта. Особенности программ государственно-частного партнерства во Франции являются: распределение рисков между всеми участниками инвестиционного проекта (государство – банки – инвестор); мониторинг показателей качества проекта, которые привязаны к вознаграждению частного инвестора; социальная значимость реализуемых проектов³.

Стратегическое развитие страны предусматривает в качестве приоритетных направлений развитие отраслей промышленности, внедрение инноваций, увеличение производительности труда. В связи с чем меняются нормативные условия, принимаются новые законодательные акты, что определяет современные приоритеты развития промышленности и формирует ее структуру. Выявляются направления, инструменты и механизмы поддержки реализации промышленной политики. Разработана программа по «повышению производительности труда и поддержки занятости», созданы и действуют десятки институтов развития, принимаются и реализуются федеральные, региональные программы поддержки отраслей промышленности, кроме того в рамках ведомств Российской Федерации действуют отраслевые

¹ Официальный сайт Национального совета по ГЧП США. URL: <http://ncppp.org> (дата обращения: 01.12.2018 г.).

² Исследования ВЭБ. Опыт реализации проектов государственно-частного партнерства в Германии. URL: http://www.fcprf.ru/upload/iblock/64c/PPP_in_Germany.pdf (дата обращения: 01.12.2018 г.).

³ Официальный сайт Центра развития ГЧП Франции. URL: <http://www.ceforppp.org> (дата обращения: 01.12.2018 г.).

программы поддержки.

Однако инструменты промышленной политики и реализации приоритетных направлений до конца не определены. Действующие инструменты сегодня не принесли ожидаемого результата и не обеспечили заметного успеха в промышленном секторе, что подтверждают исследования экономистов [Santikian, 2014; Müllner, 2017; Тамбовцев, 2017; Симачев, Кузык. Погребняк, 2018; Минакир, 2018; Иванченко, Титкова, Улезлова, 2018; Аганбегян, 2017; Леонов, 2017; Кулик, Кулик, Мотовиц, 2018] и динамика показателей промышленного сектора экономики (табл. 1).

Объем рынка промышленных товаров показывал стабильный рост с 2005 до 2008 г. включительно как в целом по стране, так и на территориях Дальнего Востока и Хабаровского края. В 2009 г. рост показателя сменился на отрицательную динамику по всем анализируемым территориям. С 2010 по 2017 гг. отмечался незначительный ежегодный рост объема рынка, в 0,5% ежегодно. За период с 2005 по 2017 г. сохранялся высокий уровень самофинансирования предприятий – свыше 60% по анализируемым территориям. Минимальные значения были достигнуты в 2009 г., 2012, 2013 гг., что было обусловлено влиянием финансового кризиса. Начиная с 2016 г., наблюдалось снижение показателя под влиянием внешних факторов (политических, экономических).

Роль привлеченных средств в качестве источника финансирования деятельности промышленных предприятий увеличивалась. Рост выручки предприятий промышленности наблюдался с 2005 до 2009 г. как в целом по стране, так и на территориях Дальнего Востока, в частности, Хабаровского края. В 2009 г. рост показателя сменился на отрицательную динамику по всем анализируемым территориям. Начиная с 2015 по 2017 гг. отмечались колебания значения выручки на анализируемых территориях. Инвестиционная деятельность предприятий промышленности, осуществляющих инвестиционную деятельность, характеризовалась ростом с 2005

до 2009 гг. С 2010 по 2013 гг. наблюдался рост инвестиционной активности. Однако, начиная с 2013 г., произошло замедление инвестиционных процессов в отрасли, что подтверждалось отрицательной динамикой инвестиций в основной капитал.

За три года (2015 – 2017 гг.) совокупный капитал промышленных предприятий поддерживался в основном собственными ресурсами, средний рост инвестиционных ресурсов в промышленности составлял 0,8% в год, объем рынка практически не изменялся (0,1% в год). Невысокие показатели развития рынка были обусловлены низким спросом, рост в среднем на 0,5% в год.

Это свидетельствует, что нормативные условия функционирования промышленного рынка и используемые инструменты регулирования не привели к прогнозируемому росту инвестиций, совокупного капитала отрасли и к расширению рынка. Поэтому как в научной дискуссии, так и в поиске решений, предлагаемых институтами как законодательной, так и исполнительной власти, не поставлена точка относительно определения инструментов поддержки промышленного сектора экономики. Этим и определяется высокая значимость исследования инструментов промышленной политики в условиях транзитивной экономики, а также динамики факторов, её определяющих.

На разных этапах развития и модернизации экономики эффективными оказывались различные инструменты промышленной политики. Эволюция общества и, как следствие, экономических отношений привела к трансформации инструментов промышленной политики от традиционных до комплексных инструментов развития промышленности.

На первом этапе развития страны (1991 – 2003 гг.) промышленная политика предполагала прямую поддержку промышленного производства и предоставление льгот независимо от отраслевой принадлежности. Основными инструментами промышленной политики выступали лизинг, неналоговые льготы (предварительно созданная и развива-

Таблица 1

**Темпы прироста основных показателей
промышленного сектора экономики, %**

Показатель	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Выручка												
Российская Федерация	0,8	0,9	0,7	-0,2	0,9	0,9	0,5	0,3	0,4	0,4	0,2	0,4
Дальний Восток	0,4	1,2	0,9	0,8	1,4	1,2	0,4	-0,1	1,2	0,4	0,2	0,1
Хабаровский край	0,5	0,5	0,7	-1,0	1,7	1,1	1,9	0,2	1,0	-0,4	0,0	-0,1
Инвестиции в основной капитал												
Российская Федерация	1,8	2,2	1,8	-0,4	0,8	1,3	1,1	0,6	0,3	0,1	0,3	0,2
Дальний Восток	4,4	0,6	-0,9	2,7	1,1	3,2	1,6	-1,8	1,4	1,0	-0,2	1,9
Хабаровский край	2,8	1,8	5,5	-4,2	5,1	2,9	4,2	0,4	-1,5	-1,5	-4,7	1,6
Собственный капитал												
Российская Федерация	1,0	0,6	1,1	-3,9	1,7	-19,1	21,2	7,3	3,8	0,3	-2,5	5,4
Дальний Восток	0,7	1,1	1,2	-5,2	7,1	-1,8	-5,2	-8,9	16,2	3,9	4,0	2,5
Хабаровский край	1,4	0,8	0,3	-8,2	10,5	2,5	-6,8	-19,8	37,0	4,7	-4,0	-4,1
Привлеченный капитал												
Российская Федерация	-2,2	-1,4	-2,6	9,4	-3,7	42,9	-26,9	-15,4	-10,2	-0,9	7,9	-15,3
Дальний Восток	-1,4	-2,2	-2,6	11,3	-13,2	4,1	11,3	16,5	-23,5	-8,6	-10,1	-7,2
Хабаровский край	-4,0	-2,4	-0,9	24,9	-23,5	-8,1	24,5	53,4	-52,3	-19,1	21,3	16,9

Источник: рассчитано по данным Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/

ющаяся инфраструктура, упрощённая процедура получения лицензий, низкая арендная плата), налоговые льготы; программы развития страны, региона, отрасли; государственные гарантии и механизмы финансовой поддержки. Был создан Росэксимбанк, основная цель которого заключалась в финансовой поддержке экспорта продукции несырьевых производителей.

Второй этап (2004 – 2007 гг.) характеризовался расширением применяемых инструментов государственно-частного

партнёрства. Происходило более эффективное распределение имеющихся ресурсов, повышалось качество выполненных работ и произведенной продукции. С целью привлечения новых инвесторов, создания комфортных условий для развития бизнеса, реализации инновационных программ, выпуска новых промышленных и высокотехнологичных продуктов создавались особые экономические зоны (далее – ОЭЗ)⁴. ОЭЗ имели особый юридический статус, который позволял их резидентам пользоваться

⁴ Федеральный закон "Об особых экономических зонах в Российской Федерации" от 22.07.2005 № 116-ФЗ.

налоговыми льготами, таможенными преференциями, инженерной, транспортной, деловой инфраструктурой. На втором этапе развития страны, помимо Росэксимбанка, были созданы новые институты развития и финансовой поддержки, к которым относились: АО «РВК» – государственный фонд и институт развития венчурного рынка Российской Федерации; РОСНАНО; Банк Развития. Их деятельность была направлена на поддержку промышленности в создании и продвижении инновационных продуктов и технологий, создании инфраструктуры.

На третьем этапе (2008 – 2013 гг.) происходило стимулирование внутреннего спроса на фоне усиления воздействия внешних факторов под влиянием мирового кризиса. В этот период для поддержки внутреннего спроса был внедрен новый инструмент – государственные закупки⁵, усилилось внимание к возвращению планирования как стратегического, так и текущего. Вследствие чего вновь получили распространение стратегии, планы среднесрочного, долгосрочного развития, и появились новые инструменты их исполнения – дорожные карты.

С целью стимулирования создания технологических производств были созданы новые институты развития и финансовой поддержки инвестиций и предпринимательства, такие как: инжиниринговые центры, институт бизнес-омбудсмена, многофункциональные центры (МФЦ), российский фонд прямых инвестиций, фонд развития Дальнего Востока и Байкальского региона, другие.

На современном этапе (2014 – по настоящее время) в условиях усиления конкуренции, тенденций монополизации мировыми компаниями рынков сбыта промышленной продукции, а также влияния внешних факторов в связи с применением санкций в отношении России, инструменты поддержки промышленного сектора экономики стали строиться на принципах синергии. Развитие форм

поддержки, механизмов, новых институтов повлекло за собой расширение перечня применяемых инструментов и начало применения новых подходов в их использовании, в том числе систематизацию формирования портфелей инструментов для реализации новых форм и механизмов поддержки, направленных не только на развитие промышленности, но и на развитие строительства и реконструкции объектов обеспечивающей инфраструктуры. Таким образом, задачи развития промышленности не могут быть реализованы за счет отдельных инструментов, как это было в период до 2003 г. Новые стратегические задачи, формируемые в условиях расширения взаимодействия отраслей экономики, реализации инновационных подходов в производстве, выхода на новые рынки, создания новых продуктов, конкурентоспособных на внутреннем и международном рынках, обуславливают поиск синергии традиционных инструментов и формирования нового типа инструментов, включающих эффекты как традиционных, так и формируемых под влиянием внешних и внутренних изменений в сфере экономики и в промышленности. Именно такой подход привёл к появлению новых инструментов на условиях закона синергии, согласно которому эффект от взаимодействия нескольких элементов превосходит суммарный эффект от каждого из них по отдельности.

Современные новые инструменты промышленной политики представляют собой сочетание традиционных инструментов, эффективность применения которых комплексно может иметь значительный синергический эффект. Именно этот эффект может быть достигнут путем сложения всех эффектов от применения традиционных инструментов при внедрении новых инструментов, в особенности в условиях усиления влияния государственных мер поддержки, в том числе государственных финансовых ресурсов, для привлечения инвестиций, инновационного развития

⁵ *Федеральный закон "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд" от 05.04.2013 N 44-ФЗ.*

промышленного сектора экономики. К таким инструментам сегодня можно отнести проектное финансирование, инфраструктурную ипотеку, специальный инвестиционный контракт (СПИК).

Проектное финансирование как один из способов привлечения инвестиций в мире стали применять с 70-х годов двадцатого века. История развития проектного финансирования в России начинается в середине 90-х гг. Для этих целей был создан Федеральный центр проектного финансирования, 100% акций которого принадлежали государству. Одними из первых проектов являлись космодром «Морской старт» (1995 год, участниками выступили Boeing, РКК «Энергия», норвежское судостроительное предприятие Kvaerner, украинские КБ «Южное» и ПО «Южмаш»), «Сахалин-2» (1994 год, ОАО «Газпром», «Шелл», «Мицуи», «Мицубиси»), газопровод «Голубой поток» (1997 год, ОАО «Газпром», итальянская нефтегазовая компания «ЭНИ»), «Северный поток» (1997 год, ОАО «Газпром», немецкие компании «Винтерсхалл», «Э. ОН Рургаз АГ», голландская компания «Газюни»). Данные проекты были направлены на развитие международных отношений и не затрагивали совершенствование инфраструктуры внутри страны.

С 2010 г. по 2016 г. были заключены соглашения по проектам с наибольшей капитализацией, направленные на развитие инфраструктуры внутри России и на проекты переработки природных ресурсов, в том числе нефти и газа. Наибольшее распространение они получили в сфере промышленности и транспорта. Высокий резонанс получило соглашение о государственно-частном партнерстве, о создании, реконструкции и эксплуатации «Аэропорт Пулково». Участниками сделки выступали ООО «Воздушные Ворота Северной Столицы», Правительство г. Санкт-Петербурга, ОАО «Аэропорт «Пулково». Ре-

ализация данного проекта способствовала экономическому росту Санкт-Петербурга как туристического, делового и промышленного центра Северо-Западного региона. Проект является уникальным примером государственно-частного партнерства в России, реализованного без привлечения государственных инвестиций⁶. Концессия по участку дороги Москва-Санкт-Петербург – одна из первых магистралей европейского качества в Российской Федерации, при строительстве и эксплуатации которой использовались современные европейские инновационные технологии⁷. Проект «Ямал СПГ» был направлен на развитие производства сжиженного природного газа. Уникальное месторасположение полуострова Ямал открыло возможность создать гибкую конкурентоспособную логистическую модель, обеспечивающую круглогодичные поставки сжиженного природного газа на рынки стран Азиатско-Тихоокеанского региона и Европы⁸.

Реализация этих и позже аналогичных проектов содействовала расширению условий и механизмов привлечения инструментов государственной поддержки. Так, Постановление Правительства РФ №1016 «Об утверждении Правил отбора инвестиционных проектов и принципов для предоставления государственных гарантий Российской Федерации по кредитам либо облигационным займам, привлекаемым на осуществление инвестиционных проектов»⁹ расширило возможности включения института государственных гарантий для обеспечения кредитов, для привлечения финансовых ресурсов с фондового рынка (облигационные займы) при осуществлении инвестиционных проектов.

Ориентация на импортозамещение в промышленности и реализация программного подхода поддержки инвестиционных проектов, реализуемых на

⁶ Соглашение о государственно-частном партнерстве. URL: <https://pulkovairport.ru/about/agreement/>

⁷ Компания ООО «Автодор-Инвест». URL: <http://avtodor-invest.com>

⁸ ЯМАЛ СПГ. О проекте. URL: <http://yamallng.ru/project/about/>

⁹ Постановление Правительства Российской Федерации от 14 декабря 2010 г. № 1016 «Об утверждении Правил отбора инвестиционных проектов и принципов для предоставления государственных гарантий Российской Федерации по кредитам либо облигационным займам, привлекаемым на осуществление инвестиционных проектов».

территории Российской Федерации на основе проектного финансирования¹⁰, также стали стимулом для поддержки инвесторов, сформировали мультипликативную форму финансирования инвестиционных проектов, при которой основным источником расчетов выступают будущие денежные потоки. В свою очередь, синергия государственных гарантий и льготное кредитование коммерческими банками (рефинансирование коммерческих банков Банком России) послужили основой для существенного снижения стоимости привлекаемых финансовых ресурсов (средневзвешенные процентные ставки по кредитам свыше трех лет (январь-октябрь 2018 г.), предоставленных кредитными организациями нефинансовым организациям составляли в рублях 8,97%¹¹, ставка Российского Банка поддержки малого и среднего предпринимательства 9,1%¹², ставка Фонда развития промышленности 5%¹³, ставка Фонда развития Дальнего Востока - 5%¹⁴).

Импульсом для роста и расширенного производства на территории субъектов Российской Федерации стали территории опережающего социально-экономического развития (далее – ТОСЭР)¹⁵, которые учитывают потенциал увеличения внутреннего спроса и экспорта, особенно в условиях развития приграничных территорий. Создание ТОСЭР способно придать определенный импульс развитию экономики дальневосточных регионов посредством реализации существенных налоговых льгот, финансирования инфраструктуры за счет бюджетных средств, таможенных преференций, миграционных преференций, а также воз-

можности тесного взаимодействия инвесторов с государством через институт управляющей компании.

Преимущества территории опережающего социально-экономического развития включают в себя синергию инструментов и мер поддержки бизнеса и инвестиций. В совокупности конкурентные преимущества для резидентов территорий опережающего развития (ТОР, ТОСЭР) заключаются в следующем: экономия платежей в бюджет до 70%, что составляет 20% от объема инвестиций; социальные права работников по формированию страховых накоплений; отсрочка по уплате по налогу на прибыль; предоставление земли без торгов). Это обеспечивает повышение инвестиционной привлекательности проектов, реализуемых на территориях с режимом опережающего развития; создает дополнительные условия для развития инноваций и повышения инновационной активности; обеспечивает ускоренное социально-экономическое развитие и создание комфортных условий жизнедеятельности населения.

Однако риски федеральных и региональных институтов власти при создании территорий опережающего развития остаются высокими. В первую очередь, они связаны с эффективностью расходов на инфраструктуру и регулированием деятельности управляющей компании. Во-вторых, остаются ограниченными возможности федерального бюджета по возмещению выпадающих доходов региональных и муниципальных бюджетов, что обуславливает отвлечение существенных средств из регионального бюджета. При этом веро-

¹⁰ Постановление Правительства Российской Федерации от 11 октября 2014 г. № 1044 «Об утверждении Программы поддержки инвестиционных проектов, реализуемых на территории Российской Федерации, на основе проектного финансирования».

¹¹ Центральный банк Российской Федерации. Статистика. Сведения по кредитам в рублях, долларах США и евро. URL: https://www.cbr.ru/statistics/?PrId=int_rat

¹² МСП Банк. Инвестиционное кредитование. URL: <https://www.mspsbank.ru/credit/invest-credit/>

¹³ Фонд Развития Промышленности. Программа проекты развития. URL: <http://frprf.ru/zaumy/proekty-razvitiya/>

¹⁴ Фонд развития Дальнего Востока. Доступное финансирование. URL: <https://www.fondvostok.ru/dostupnoe-finansirovanie/>

¹⁵ Федеральный закон "О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации" от 29.12.2014 N 473-ФЗ

Таблица 3

**Территории опережающего социально-экономического развития
Дальневосточного федерального округа**

Регион	ТОР	Инвесторы	Количество резидентов	Планируемая сумма инвестиций, млрд. руб.	Количество созданных рабочих мест, чел
Приморский край	Большой Камень	Россия, Сингапур	15	223,9	14302
	Надеждинская	Россия, Китай	39	33,5	6248
	Михайловский	Россия	11	77	3890
	Нефтехимический	Россия	1	939,2	8303
ЕАО	Амуро-Хинганская	Россия, Китай	4	15,5	1190
Хабаровский край	Хабаровск	Россия, Китай, Япония	29	44,7	3745
	Комсомольск	Россия	20	81,6	5504
	Николаевск	Россия	5	2,9	636
Амурская область	Свободный	Россия	3	948,4	2696
	Приамурский	Россия, Китай	6	124,4	1484
	Белогорск	Россия	5	4,5	572
РС(Я)	Южная Якутия	Россия	7	32,9	3747
	Кангалассы	Россия, Япония, Китай, Литва	12	92,6	489
Камчатский край	Камчатка	Россия, Корея	51	37,7	5256
Сахалинская область	Горный воздух	Россия	13	18,2	1249
	Южная	Россия	4	14,6	884
Курильские острова	Курилы	Россия	1	6,3	700
Чукотский АО	Беринговский	Россия	1	10,86	1260

Источник: составлено по данным Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока. URL: <https://minvr.ru/activity/territorii-operezhayushchego-razvitiya/>

ятность реализации этих и иных рисков возрастает из-за чрезвычайного режима разработки и редакции нормативных актов, технико-экономических обоснований проектов.

В дальневосточном регионе создано 18 территорий опережающего развития, из них наибольшее количество приходится на Приморский край (таблица 3).

По состоянию на декабрь 2018 г. в Хабаровском крае: подано 107 заявок

на осуществление деятельности в ТО-СЭР; общий объем заявленных инвестиций – 121,0 млрд рублей; 60 компаний получили статус резидента ТОСЭР; объем инвестиций по заключенным соглашениям – 71,9 млрд рублей; количество планируемых к созданию рабочих мест – 7 656. За период существования ТОСЭР резидентами фактически осуществлены инвестиции более 13,1 млрд рублей, создано более 1 900 новых рабочих мест¹⁶.

¹⁶ Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока. URL: <https://invest.khv.gov.ru/Biznes-predlozhenie/TOSER/2124> (дата обращения 24 декабря 2018).

С целью внедрения наилучших доступных технологий, стимулирования создания производств, не имеющих аналогов в России, в рамках курса импортозамещения в отраслях промышленности (металлургическая, химическая, фармацевтическая, биотехнологическая, медицинская, легкая, лесная, целлюлозно-бумажная и деревообрабатывающая, электронная, авиационная, судостроительная, радиоэлектронная промышленности, промышленности средств связи и машиностроения) вводится новый инструмент, в основе которого лежит синергия отраслевых льгот, гарантий, льготного налогового режима, а также мер стимулирования и поддержки инвестора¹⁷, получивший название. То есть создаются максимально благоприятные условия для инвестора без вложения бюджетных средств или имущества в объект инвестиций со стороны государства. В рамках реализации инструмента СПИК в России были заключены 25 инвестиционных проектов¹⁸.

С целью стимулирования экспорта и расширения круга возможных инвесторов, осуществлявших инвестиции в развитие отраслей промышленности, сферу услуг и создание интеллектуальной собственности, был разработан инструмент – специальный инвестиционный контракт. В 2018 году получил развитие специальный инвестиционный проект СПИК 2.0 (вступил в силу 12.11.2018 г.), который заменил существующий ранее СПИК¹⁹. В рамках реализации СПИК 2.0 изменились условия инвестиционного проекта и требования к инвесторам: расширена сфера применения СПИК на сферу услуг и создания интеллектуальной собственности, введены ограничения к сроку действия

контракта не 10 годами после выхода на операционную прибыль, а сроком окупаемости проекта; для инвесторов минимальный размер собственных инвестиций увеличен с 750 млн. руб. до 1 млрд. руб., при этом в соглашении могут участвовать не один, а нескольких инвесторов.

В свою очередь, фабрика проектного финансирования включает три блока. Первый блок – энергетическое машиностроение, станко- и авиапром, космос, производство двигателей и электротехники, медтехника и фармацевтика. Второй блок – развитие инфраструктуры и устранение инфраструктурных ограничений: транспортная, железнодорожная, энергетическая инфраструктура, инфраструктура промышленных площадок, высокотехнологичная инфраструктура здравоохранения. Третий блок – развитие связи и информационных технологий, электронная компонентная база, радиоэлектроника. Отдельные проекты фабрики проектного финансирования достигают стоимости свыше 900 млрд. рублей. Финансовое закрытие сделок, завершение оформления синдикатов по большинству проектов планируется в 2019 г. В Дальневосточном федеральном округе прогнозируется реализация трех больших проектов общей стоимостью свыше 700 млрд. рублей²⁰.

Одним из условий для развития страны и дальнейшего роста экономики является создание качественной и современной инфраструктуры. Применение новых инструментов государственно-частного партнерства позволяет привлечь частные инвестиции в инфраструктурные проекты²¹: строительство платных скоростных дорог, региональных автодорог; создание

¹⁷ Постановление Правительства РФ от 16 июля 2015 г. № 708 «О специальных инвестиционных контрактах для отдельных отраслей промышленности».

¹⁸ Минпромторг. URL: <http://minpromtorg.gov.ru/opendata/7705596339-investprojects/> (дата обращения 25.09.2018 г.).

¹⁹ Приказ Минпромторга России от 24 мая 2018 г. № 2000 «Об утверждении формы заявления о заключении специального инвестиционного контракта и о признании утратившим силу приказа Минпромторга России от 7 августа 2015 г. № 2288 «Об утверждении формы заявления о заключении специального инвестиционного контракта»

²⁰ ВЭБ РФ. URL: <https://veb.ru/biznesu/fabrika-proektnogo-finansirovaniya/> (дата обращения: 18.12.2018 г.).

²¹ План мероприятий («дорожная карта») по развитию инструментария государственно-частного партнерства 21 марта 2018.

производственно-логистических комплексов, а также инфраструктуры для программы «Цифровая экономика» и строительство плодо- и овощехранилищ²². Инфраструктурная ипотека объединяет инструменты частного инвестирования, долгового финансирования, гарантий возвратности и доходности инвестиционных вложений. Источником финансирования выступают государственные заимствования за счет выпуска облигаций под государственные гарантии. Инфраструктурная ипотека позволяет привлекать средства частных инвесторов для финансирования и строительства инфраструктурных проектов, для которых государственное финансирование в настоящее время невозможно либо затруднено. Возвратность вложенных средств инвесторам осуществляется за счет выгодоприобретателей объекта инфраструктуры либо государством за счет бюджетных средств.

Таким образом, новые инструменты промышленной политики представляют собой совокупность традиционных инструментов и мер финансовой поддержки, в основе использования которых лежит комплексный подход. Они позволяют развивать не только промышленность, но также совершенствовать отрасли обеспечивающей ее инфраструктуры. Таким образом, новые инструменты промышленной политики ориентированы на повышение заинтересованности потенциальных инвесторов в реализации взаимосвязанных проектов.

В совокупности синергия инструментов промышленной политики (предоставление государственных гарантий, субсидирование процентных ставок, выдача синдицированных кредитов, секьюритизация портфеля, другие), которые были вовлечены в процесс поддержки инвестиций в сферу развития промышленности в начале третьего этапа, а также современных инструментов промышленной политики, включая фабрику проектного финансирования, специальные инвестиционные проекты,

проектное финансирование, позволила выйти на новый уровень реализации проектов, расширить масштабы реализации проектов, направленных на развитие производства высоких переделов и производство продукции с высокой добавленной стоимостью. В итоге синергия инструментов промышленной политики обеспечивает положительный эффект по развитию промышленного производства и созданию новых продуктов, конкурентоспособных на внутреннем и международном рынках, выход на новые рынки и направлена на приращение промышленного капитала и расширение спроса на отечественную промышленную продукцию.

Список литературы:

1. Аганбегян А. Г. Что можно сделать в 2017 году, чтобы возобновить в России экономический рост? // Проблемы теории и практики управления. 2017. № 4. С 9–15.
2. Иванченко О. Г., Иванченко Е. С., Источники финансирования развития реальной экономики // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2017. № 3 (46). С.129–140.
3. Иванченко О. Г., Титкова А. Ю., Улезлова А. В. Инструменты промышленной политики / Молодая наука XXI века: проблемы, поиски, решения, г. Санкт-Петербург. СПб.: Изд-во «КультИнформПресс», 2018. С. 94–95 (Электронный ресурс: <http://www.spbcsa.ru/arkhiv-vypuskov/282-molodaya-nauka-xxi-veka-problemy-poiski-resheniya>)
4. Кулик М. А, Кулик И. В., Мотовиц Т. Г. Использование инструментов ТОСЭР для привлечения инвестиций в регионы Дальнего Востока // Вестник ТОГУ. 2018. № 2 (49). С. 73–82.
5. Леонов С. Н. Инструменты реализации государственной региональной политики в отношении дальнего востока России // Пространственная Экономика. 2017. №2. С. 41–67.
6. Минакир П. А., Прокапало О. М. Дальневосточный приоритет: инвестиционно-

²² Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: <http://economy.gov.ru/mines/activity/sections> (дата обращения 18.12.2018 г).

институциональные комбинации // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. № 2 (38). С. 146–155.

7. Симачев Ю. В., Кузык М. Г., Погребняк Е. Федеральная программная политика: основные модели и российская практика // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. № 3 (39). С. 146–154.

8. Тамбовцев В. А. Нуждается ли промышленная политика в теоретических оправданиях? // Вопросы экономики. 2017. № 5. С. 29–45.

9. Хесин Е. С. Современная мировая экономика: финансы и накопление капитала // Деньги и кредит. 2016. № 8. С. 31–36.

10. Müllner J. International project finance: review and implications for international finance and international business // Management Review Quarterly. 2017. Apr. P. 97–133.

11. Santikian L. The ties that bind: Bank relationships and small business lending // Journal of Financial Intermediation, 2014. № 23(2). P. 177–213.

Библиографическое описание статьи

Иванченко О. Г., Иванченко Е. С., Титкова А. Ю. Развитие инструментов промышленной политики: дальневосточный вектор // Власть и управление на Востоке России. 2018. № 4 (85). С. 50–61. DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-50-61

Olga G. Ivanchenko – Doctor of Economics, Professor of the chair of economy and management, The Pacific state university. (136, Tikhookeanskaya str., Khabarovsk, 680035, the Russian Federation). *E-mail: sniog@mail.ru*

Evgeniy S. Ivanchenko – Candidate of Economics, deputy director, the Far-Eastern auditor company (104, Komsomolskaya str., Khabarovsk, 680000, the Russian Federation). *E-mail: ivanchenkoes@gmail.com*

Anna Yu. Titkova – graduate student, The Pacific state university» (136, Tikhookeanskaya str., Khabarovsk, 680035, the Russian Federation). *E-mail: a.u.dihtyarenko@gmail.com*

Development of the instruments of industrial policy: the Far-Eastern vector

At different stages of development and modernization of the economy, various instruments of industrial policy turned out to be effective. The introduction of new instruments of industrial policy and the investment development support regimes is aimed at increasing the economic growth and expanding the attraction of potential investors to the Far-Eastern economy. Modern industrial policy instruments are based on the implementation of an integrated approach, are a combination of traditional and new instruments, financial support measures and are aimed not only at the development of industries, but also at improving the supporting infrastructure that promotes the development of the industrial complex.

Keywords: industrial policy instruments, sources of investment financing, priority development areas, Project Finance Factory, Special Investment Contract, Infrastructure Mortgage.

References:

1. A. Aganbegyan. What can be done in 2017 to resume economic growth in Russia? *Problemy teorii i praktiki upravleniya* [Problems of theory and practice of management], 2017, no. 4, from 9–15. (In Russian).

2. Ivanchenko O. G., Ivanchenko E. S., Sources of financing the development of the real economy *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of

the Pacific State University], 2017, no. 3 (46), pp.129–140. (In Russian).

3. Ivanchenko O. G., Titkova A. Yu., Ulezlova L. V. Instruments of Industrial Policy / Young Science of the 21st Century: Problems, Searches, Solutions, St. Petersburg. St. Petersburg: KultInformPress Publishing House, 2018, pp. 94–95 (Electronic resource: <http://www.spbcsa.ru/arkhiv-vypuskov/282-molodaya-nauka-xxi-veka-problemy-poiski-resheniya>). (In Russian).

4. Kulik M. A, Kulik I. V., Motovits T. G.

Use of TOSED tools for attracting investments to the regions of the Far East *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Pacific State University], 2018, no. 2 (49), pp. 73–82. (In Russian).

5. Leonov S. N. Tools for implementing the state regional policy in relation to the Russian Far East *Prostranstvennaya Ekonomika* [Spatial Economics], 2017, №2. pp. 41–67. (In Russian).

6. Minakir P. A., Prokapalo O. M. Far Eastern Priority: Investment-Institutional Combinations *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* [New Economic Association Journal], 2018, no. 2 (38), pp. 146–155. (In Russian).

7. Simachev Yu. V., Kuzyk M. G., Pogrebnyak E. Federal program policy: basic models and Russian practice *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* [New

Economic Association Journal], 2018, no. 3 (39), pp. 146–154. (In Russian).

8. Tambovtsev V. L. Does industrial policy need theoretical justifications? *Voprosy ekonomiki* [Questions of economics], 2017, no. 5, pp. 29–45. (In Russian).

9. Khesin Ye. S. Modern world economy: finance and capital accumulation *Den'gi i kredit* [Money and Credit], 2016, no. 8, pp. 31–36. (In Russian).

10. Müllner J. International project: review and implications for international financing and international business *Yezhekvartal'nyy obzor upravleniya* [Management Review Quarterly], 2017, Apr., pp. 97–133.

11. Santikian L. The ties that bind: Bank relationships and small business lending *Zhurnal finansovogo posrednichestva* [Journal of Financial Intermediation], 2014, no. 23 (2), pp. 177–213.

Reference to the article

Ivanchenko O. G., Ivanchenk E. S., Titkova A. Yu. Development of the instruments of industrial policy: the Far-Eastern vector // *Power and Administration in the East of Russia*. 2018. No. 4 (85). Pp. 50–61. DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-50-61

DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-62-73

УДК 378.1(571.6)

Т. Н. Блинова

Совершенствование управления территориальной доступностью услуг высшего образования в Дальневосточном федеральном округе

В статье обоснованы рекомендации по повышению уровня территориальной доступности услуг высшего образования для населения, проживающего в отдельных регионах Дальневосточного федерального округа. Для этой цели использовался предлагаемый автором коэффициент территориальной доступности, учитывающий количество вузов, приходящихся на 1 тыс. км.², среднее расстояние от города до ближайшего населённого пункта, в котором дислоцирована образовательная организация высшего образования или филиал, а также долю сельского населения в общей численности населения региона. Расчёты показали, что данный коэффициент для Дальнего Востока значительно ниже среднероссийского значения. Кроме того, регионы в составе Дальневосточного федерального округа значительно отличаются между собой по оцениваемому показателю. Последний из названных фактов позволил сгруппировать субъекты анализируемого региона в три группы и обозначить меры по повышению данного показателя для регионов с низким и средним уровнем доступности услуг высшего образования. Предложены конкретные города Дальнего Востока, в которых целесообразно открыть филиалы образовательных организаций высшего образования, а также приведён расчёт изменения коэффициента территориальной доступности для Дальневосточного федерального округа в целом и отдельных субъектов Российской Федерации, входящих в его состав, вследствие увеличения числа филиалов образовательных организаций высшего образования.

Ключевые слова: территориальная доступность услуг высшего образования, размещение вузов по территории, отдалённость вузов от городов, размещение населения по территории, открытие филиалов образовательных организаций высшего образования.

Введение. Проблема доступности услуг высшего образования в российском научном сообществе стала подниматься относительно недавно – в конце 90-х гг. XX в. В течение 20-ти лет к проблеме доступности высшего образования учёные подходили с различных сторон, что привело к появлению множества точек зрения к трактовке данной дефиниции [Шишкин, 2004; Константиновский, 1999; Омельченко, 2002; Шишкин, 2005; Рощина, 2003; Беляков, 2009]. По нашему мнению, определение С. А. Белякова [Беляков, 2009] наиболее точно отражает сущность данной дефиниции. Автор утверждал, что доступность услуг высшего образования – это вероятность абитуриентам быть зачисленными в об-

разовательную организацию высшего образования.

Доступность услуг высшего образования – достаточно ёмкое понятие, складывающееся в совокупности из отдельных составляющих: экономической (финансовой), социальной, территориальной, интеллектуальной и медицинской доступностей.

Под территориальной доступностью услуг высшего образования в основном понимают расстояние, которое необходимо преодолеть людям по дороге от места проживания до места дислоцирования образовательной организации высшего образования.

Вопрос совершенствования управления территориальной доступностью

Татьяна Николаевна Блинова – доцент кафедры менеджмента и предпринимательского права, Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС (680000, Россия, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, д. 33). E-mail: blinova-82@rambler.ru

услуг высшего образования в Дальневосточном регионе на сегодняшний день актуален по двум причинам.

Во-первых, размещение вузов по территории Дальнего Востока, как и по России в целом, исторически сложившееся, продиктовано, главным образом, социально-экономическими причинами того времени. Соответственно, возникает необходимость критического пересмотра дислокации вузов по территории региона с учётом современных социально-экономических условий, а также приоритетов доступности услуг высшего образования для населения.

Первым высшим учебным заведением в данном регионе был Восточный институт, открытый в 1899 г. в г. Владивостоке с целью подготовки специалистов-востоковедов к службе в административных и торгово-промышленных органах Восточно-Азиатской России и близлежащих государств¹. В 1920 г. он вошёл в состав образуемого Государственного Дальневосточного университета. Начиная с 1930 г., высшие учебные заведения начинают появляться и в других регионах Дальнего Востока. Так, в 1930 г. были открыты Хабаровский медицинский институт, агропедагогический институт в Благовещенске. В 1935 г. в Дальневосточном крае функционировало уже 7 высших учебных заведений [Кузина, 2016]. В годы Великой Отечественной войны во Владивостоке был образован педагогический институт, в Хабаровском педагогическом институте было открыто Северное отделение для обучения малочисленных коренных народов Дальнего Востока, в Благовещенском педагогическом институте – географический и исторический факультеты. На пик расцвета высшего образования в стране пришлось открытие на Дальнем Востоке ряда медицинских (в Благовещенске в 1952 г., во Владивостоке в 1958 г.), педагогических (в Комсомольске-на-Амуре в 1954 г., в Петропавловске-Камчатском в

1958 г., в Магадане в 1961 г.), сельскохозяйственных (в Благовещенске в 1950 г., в Уссурийске в 1957 г.) и технических (в Комсомольске-на-Амуре в 1955 г., в Хабаровске в 1958 г.) вузов. К 1965 г. количество вузов на Дальнем Востоке составляло 22 организации, из них 10 было дислоцировано в Приморском крае. Открытие вузов на территории всего дальневосточного региона было обусловлено, в том числе, целью закрепления молодых специалистов на Дальнем Востоке. Уже в те годы государство решало проблему закрепления населения на определённой территории путём открытия в ней сети высших учебных заведений [Кузина, 2016]. Как свидетельствует статистика, в 1969 – 1970 уч. г. на территории Дальнего Востока функционировало 25 вузов. [Ковалева, 2002]. Как и в стране в целом, в первой половине 90-х гг. XX в. на Дальнем Востоке стали появляться негосударственные вузы и филиалы, причём их число с каждым годом значительно увеличивалось.

Во-вторых, в последние годы государством проводится политика по оптимизации числа образовательных организаций высшего образования и их филиалов. Так, в анализируемом регионе с 2010 г. был закрыт 51 филиал вуза, из которых 18 – в Приморском крае, 13 – в Республике Саха (Якутия), 5 – в Сахалинской области, по 4 – в Хабаровском крае и Амурской области, по 3 – в Камчатском крае, Магаданской и Еврейской автономной областях². Учитывая, что филиалы в основном закрывались в относительно небольших по численности населения территориальных образованиях, сокращение их числа отразилось на уровне территориальной доступности услуг высшего образования для населения региона.

Методика. К вопросу управления территориальной доступностью услуг высшего образования в том или ином регионе следует подходить с научной точки зрения. Необходима научно-

¹ Развитие системы образования на Дальнем Востоке. URL: <http://www.uchportal.ru/publ/22-1-0-1331> (дата обращения: 20.06.2018 г.).

² Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 10.09.2018).

обоснованная методика оценки данного показателя, применение которой способствовало бы принятию соответствующих управленческих решений.

К вопросу оценки территориальной доступности высшего образования обращались такие авторы, как В. И. Сухачев, А. Д. Громов, Д. П. Платонова, Д. С. Семенов, Т. А. Пырова [Громов и др., 2016]. На наш взгляд, предлагаемые ими методики имеют ряд недостатков, что даёт основания для их совершенствования.

Для того чтобы оценить территориальную доступность услуг высшего образования для жителей Дальневосточного федерального округа в современных условиях, последовательно проанализируем факторы, влияющие на неё. Предположим, что такими факторами могут выступать:

1) соотношение числа вузов и филиалов с площадью территории региона;

2) отдалённость образовательных организаций высшего образования от городов;

3) размещение населения по территории региона.

1. Соотнесение числа вузов и филиалов с площадью территории региона.

Регионы в составе Дальневосточного федерального округа, как и регионы России в целом, существенно отличаются друг от друга по площади территории. Неравномерно по территории распределены и вузы (табл. 1).

Например, самым большим по площади в составе анализируемого региона является Республика Саха (Якутия), площадь которой превышает 3000 км². Наибольшее число вузов сосредоточено в Приморском крае – регионе, занимающем лишь 7-е место по площади территории.

Оценку фактора «соотнесение числа вузов с площадью территории региона», влияющего, согласно выдвинутой гипотезы, на территориальную доступность услуг высшего образования, на наш взгляд, целесообразно осуществлять путём определения показателя «количество образовательных организаций высшего образования на 1 тыс. км.²» (табл. 2).

Таблица 1

Размещение образовательных организаций высшего образования на территории Дальневосточного федерального округа

Регионы	Площадь территории		Количество образовательных организаций высшего образования					
	тыс. км ²	место	всего	место	в том числе			
					головные организации		филиалы	
					всего	место	всего	место
Республика Саха (Якутия)	3083,5	1	17	2-3	7	3	10	2
Камчатский край	464,3	4	6	4-5	2	5-6	4	4
Приморский край	164,7	7	21	1	8	2	13	1
Хабаровский край	787,6	2	17	2-3	10	1	7	3
Амурская область	361,9	6	6	4-5	4	4	2	6-8
Магаданская область	462,5	5	4	6-7	1	7-8	3	5
Сахалинская область	87,1	8	4	6-7	2	5-6	2	6-8
Еврейская автономная область	36,3	9	2	8-9	1	7-8	1	9
Чукотский автономный округ	721,5	3	2	8-9	0	9	2	6-8
Всего ДФО	6169,3	-	79	-	35	-	44	-
Всего РФ	17125,2	-	1658	-	818	-	840	-

Источник: Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 10.09.2018).

Таблица 2

**Характеристика регионов Дальневосточного федерального округа
по показателю «количество образовательных организаций
высшего образования на 1 тыс. км²»**

Регионы	Количество образовательных организаций высшего образования на 1 тыс. км. ²					
	всего	место	в том числе			
			головные организации		филиалы	
			всего	место	всего	место
Республика Саха (Якутия)	0,006	8	0,002	7-8	0,003	8-9
Камчатский край	0,013	6	0,004	6	0,009	4-5
Приморский край	0,128	1	0,049	1	0,079	1
Хабаровский край	0,022	4	0,013	4	0,009	4-5
Амурская область	0,017	5	0,011	5	0,006	6-7
Магаданская область	0,009	7	0,002	7-8	0,006	6-7
Сахалинская область	0,046	3	0,023	3	0,023	3
Еврейская автономная область	0,055	2	0,028	2	0,028	2
Чукотский автономный округ	0,003	9	-	9	0,003	8-9
Всего ДФО	0,013	-	0,006	-	0,007	-
Всего РФ	0,097	-	0,048	-	0,049	-

Источник: Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 10.09.2018).

Как можно заметить по данным таблицы 2, регионы Дальнего Востока действительно отличаются друг от друга по показателю «количество образовательных организаций высшего образования на 1 тыс. км²».

Наибольшего значения данный показатель достигает в Приморском крае. При среднерегionalном значении 0,013 в данном субъекте он составляет 0,128 (почти в 10 раз превышает среднерегionalное значение). Это объясняется наибольшим количеством вузов, дислоцированных в регионе, и относительно небольшой площадью территории.

Таким образом, мы можем констатировать, что соотношение числа вузов с площадью территории региона является одним из факторов, влияющих на доступность услуг высшего образования. Оценку его влияния в регионе Российской Федерации можно производить путём вычисления показателя «количество образовательных организаций высшего образования на 1 тыс. км²».

2. Отдалённость образовательных организаций высшего образования от горо-

дов (в пределах федерального округа).

Данные о средних расстояниях от города до ближайшего населённого пункта, в котором дислоцирована образовательная организация высшего образования (или филиал), в разрезе каждого субъекта Дальневосточного федерального округа приведены в таблице 3.

Как можно заметить по данным таблицы 3, регионы Дальневосточного федерального округа значительно отличаются между собой по показателю средних расстояний от города до ближайшего населённого пункта, в котором дислоцирована образовательная организация высшего образования (или филиал). По данному показателю их можно сгруппировать в 2 группы (табл. 4).

Первую группу могут образовывать регионы, значение анализируемого показателя которых меньше либо равно среднероссийского уровня – 107 км. Во вторую группу могут входить субъекты Дальнего Востока, значение показателя которых превышает среднерегionalное значение – 216 км.

Таким образом, можно говорить о том,

Таблица 3

Средние расстояния от города до ближайшего населённого пункта, в котором дислоцирована образовательная организация высшего образования (или филиал), в разрезе каждого субъекта Дальневосточного федерального округа

Регионы	Среднее расстояние, км.
Республика Саха (Якутия)	307
Камчатский край	31
Приморский край	107
Хабаровский край	226
Амурская область	227
Магаданская область	292
Сахалинская область	242
Еврейская автономная область	96
Чукотский автономный округ	415
Всего ДФО	216
Всего РФ*	107

Примечание: * данные по среднему расстоянию взяты из Громова и др., 2016.

Источник: составлено по данным АвтоТрансИнфо. URL: <http://ati.su/TRACE/default.aspx?EntityType=Trace&City1=3073&City5=8807&FastWay=false> (дата обращения: 10.06.2018 г.).

Таблица 4

Группировка субъектов Дальневосточного федерального округа по показателю «среднее расстояние от города до ближайшего населённого пункта, в котором дислоцирована образовательная организация высшего образования (или филиал)»

Группа	Значение показателя для группы	Характеристика регионов ДФО по показателю	
		регион	значение показателя
1	≤ 107	Камчатский край	31
		Еврейская автономная область	96
		Приморский край	107
2	> 216	Хабаровский край	226
		Амурская область	227
		Сахалинская область	242
		Магаданская область	292
		Республика Саха (Якутия)	307
		Чукотский автономный округ	415

Источник: составлено автором.

что у большинства регионов Дальнего Востока (Хабаровского края, Амурской, Сахалинской и Магаданской областей, Республики Саха (Якутия), Чукотского автономного округа) показатель средних расстояний от города до ближайшего населённого пункта, в котором дислоцирована образовательная организация высшего образования (или филиал), зна-

чительно превышает среднероссийское значение. Соответственно, анализируемый фактор значительно снижает доступность услуг высшего образования для жителей Дальневосточного федерального округа, его следует учитывать при определении уровня доступности услуг высшего образования.

3. Размещение населения по террито-

рии региона.

Известно, что население по территории нашей страны распределено неравномерно: почти две трети людей проживают в городах, одну треть можно отнести к сельскому населению. Вузы и филиалы по понятным причинам расположены в городах (как правило, относительно крупных). Соответственно, для жителей городов, в которых дислоцированы образовательные организации высшего образования, услуги высшего образования будут более доступны в территориальном плане, нежели для жителей сельских поселений. В связи с этим при оценке территориальной доступности услуг высшего образования необходимо учитывать факт неравномерности размещения населения по территории.

Показатель «среднее расстояние от города до ближайшего населённого пункта, в котором дислоцирована образовательная организация высшего образования (или филиал)», позволяет учесть доступность услуг высшего образования для жителей городов. Понятно, что более точно оценку среднего расстояния до образовательной организации высшего образования можно было бы произвести при помощи показателя среднего расстояния от населённого пункта

(а не только от города) до ближайшего населённого пункта, в котором дислоцирована образовательная организация высшего образования (или филиал). Однако, расчёт такого показателя был бы достаточно трудоёмким. По этой причине автором он не использовался. Соответственно, второй оцениваемый нами показатель не позволяет учесть уровень доступности услуг высшего образования для сельского населения.

Произвести учёт неравномерности распределения населения по территории на доступность услуг высшего образования для сельского населения можно при помощи показателя «доля сельского населения в общей численности населения». Чем выше данный показатель, тем ниже доступность услуг высшего образования. Характеристика регионов Дальневосточного федерального округа по данному показателю приведена в таблице 5.

Данные таблицы 5 свидетельствуют о том, что наибольшая доля сельского населения наблюдается в Республике Саха (Якутия) (34,5%), Амурской (32,7%) и Еврейской автономной (31,4%) областях, Чукотском автономном округе, наименьшая – в Магаданской (4,3%), Сахалинской (18,2%) областях, Хабаровском

Таблица 5

Характеристика регионов Дальневосточного федерального округа по показателю «доля сельского населения в общей численности населения»

Регионы ДФО	Доля сельского населения в общей численности населения региона, %
Республика Саха (Якутия)	34,5
Камчатский край	22
Приморский край	22,9
Хабаровский край	17,9
Амурская область	32,7
Магаданская область	4,3
Сахалинская область	18,2
Еврейская автономная область	31,4
Чукотский автономный округ	30
Всего ДФО	24,3
Всего РФ	25,7

Источник: Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 10.09.2018).

крае (17,9%).

Интересно отметить, что показатель «среднее расстояние от города до ближайшего населённого пункта, в котором дислоцирована образовательная организация высшего образования (или филиал)» в Еврейской автономной области достаточно низкий (составляет всего 96 км.), что положительно влияет на уровень территориальной доступности услуг высшего образования в данном регионе. Доля сельского населения, проживающего в нём, относительно высока, что, напротив, отрицательно сказывается на доступности услуг высшего образования для населения региона в территориальном плане. Следовательно, размещение

населения по территории региона следует учитывать при определении уровня территориальной доступности услуг высшего образования.

Таким образом, при определении уровня территориальной доступности услуг высшего образования следует учитывать все рассмотренные факторы. Вектор их влияния отражён в таблице 6.

Оценка территориальной доступности услуг высшего образования может быть произведена при помощи коэффициента территориальной доступности услуг высшего образования, рассчитываемого по следующей формуле:

K – коэффициент территориальной доступности услуг высшего образования;

Таблица 6

Влияние факторов на территориальную доступность услуг высшего образования

Фактор	Показатель, оценивающий влияние фактора	Уровень доступности услуг высшего образования	
		высокий	низкий
Соотнесение числа вузов и филиалов с площадью территории региона	Количество образовательных организаций высшего образования на 1 тыс. км. ²	Высокое значение показателя	Низкое значение показателя
Отдалённость образовательных организаций высшего образования от городов	Среднее расстояние от города до ближайшего населённого пункта, в котором дислоцирована образовательная организация высшего образования (или филиал)	Низкое значение показателя	Высокое значение показателя
Размещение населения по территории региона	Доля сельского населения в общей численности населения	Низкое значение показателя	Высокое значение показателя

Источник: составлено автором

Q_i – количество образовательных организаций высшего образования на 1 тыс. км.²;

S_i – среднее расстояние от города до бли-

жайшего населённого пункта, в котором дислоцирована образовательная организация высшего образования (или филиал), км.;

$$K = Q_i / (S_i * D_{vp}) * 1000000, \text{ где}$$

D_{vp} – доля сельского населения в общей численности населения, %.

Значение коэффициентов территориальной доступности услуг высшего образования для каждого региона Дальневосточного федерального округа представлено в таблице 7.

Как можно заметить по данным табли-

цы 7, среднее значение коэффициента территориальной доступности услуг высшего образования для анализируемого региона составляет 2,48, что существенно ниже среднероссийского значения, равного 35,27. Следовательно, в территориальном аспекте уровень доступности услуг высшего образования для жителей

Дальнего Востока значительно ниже, нежели в среднем по стране.

Определение коэффициента террито-

риальной доступности услуг высшего образования позволяет сгруппировать регионы Дальневосточного федерального

Таблица 7

Характеристика регионов Дальневосточного федерального округа по коэффициенту территориальной доступности услуг высшего образования

Регионы	Количество образовательных организаций высшего образования на 1 тыс. км ²	Среднее расстояние от города до ближайшего населённого пункта, в котором дислоцирована образовательная организация высшего образования (или филиал), км.	Доля сельского населения в общей численности населения, %	Коэффициент территориальной доступности услуг высшего образования
Республика Саха (Якутия)	0,006	307	34,5	0,57
Камчатский край	0,013	31	22	19,06
Приморский край	0,128	107	22,9	52,24
Хабаровский край	0,022	226	17,9	5,44
Амурская область	0,017	227	32,7	2,29
Магаданская область	0,009	292	4,3	7,17
Сахалинская область	0,046	242	18,2	10,44
Еврейская автономная область	0,055	96	31,4	18,25
Чукотский автономный округ	0,003	415	30	0,24
Всего ДФО	0,013	216	24,3	2,48
Всего РФ	0,097	107	25,7	35,27

Источник: составлено автором

Таблица 8

Группировка субъектов Дальневосточного федерального округа по коэффициенту территориальной доступности услуг высшего образования

Группа	Уровень доступности услуг высшего образования	Значение показателя для группы	Характеристика регионов ДФО по показателю	
			регион	значение показателя
1	низкий	$K \leq 2,48$	Чукотский автономный округ	0,24
			Республика Саха (Якутия)	0,57
			Амурская область	2,29
2	средний	$2,48 > K \leq 35,27$	Хабаровский край	5,44
			Магаданская область	7,17
			Сахалинская область	10,44
			Еврейская автономная область	18,25
			Камчатский край	19,06
3	высокий	$K > 35,27$	Приморский край	52,24

Источник: составлено автором

округа в 3 группы (табл. 8).

Первую группу образовали регионы Дальнего Востока, значение коэффициента территориальной доступности услуг высшего образования которых меньше либо равно среднерегionalного значения – 2,48. Это Чукотский автономный округ, Республика Саха (Якутия), Амурская область.

Во вторую группу вошли Хабаровский и Камчатский края, Магаданская, Сахалинская и Еврейская автономные области. Анализируемый показатель для данной группы регионов находится в пределах от больше 2,48 до меньше либо равно 35,27.

В третью группу был отнесён только один регион – Приморский край, коэффициент территориальной доступности которого составляет 52,24 и превышает среднероссийское значение, равное 35,27.

Выводы. На наш взгляд, повышать территориальную доступность услуг высшего образования следует в регионах, которые были отнесены к первой и второй группе, характеризующейся низким и средним уровнем территориальной доступности услуг высшего образования. Учитывая, что дислокация вузов и размещение населения по территории исторически сложившиеся, повысить уровень территориальной доступности услуг высшего образования можно путём открытия филиалов образовательных организаций высшего образования в относительно крупных по численности населения территориальных образованиях, в которых в настоящее время нет таковых.

По нашему мнению, открытие филиалов образовательных организаций высшего образования целесообразно осуществить в территориальных образованиях, указанных в таблице 9.

Создание филиалов в г. Ленске, г. Амурске и г. Белогорске сократит расстояние до ближайшей образовательной организации высшего образования только для жителей данных городов, в г. Холмске и г. Билибино – и для других городов: г. Александровск-Сахалинска, г. Невельска, г. Оха, г. Певека. Это, в свою очередь, отразится на показателе «среднее расстояние от города до ближайшего на-

селённого пункта, в котором дислоцирована образовательная организация высшего образования (или филиал), км.» как для субъектов Российской Федерации, в которых они расположены, так и для Дальневосточного региона в целом. Открытие филиалов, указанных в таблице 9, приведёт и к изменению показателя «количество образовательных организаций высшего образования на 1 тыс. км.2». Для Хабаровского края изменение составит +0,001, Амурской области - +0,002, Сахалинской области – +0,011, Чукотского автономного округа - +0,001.

В целом, открытие филиалов образовательных организаций высшего образования в г. Ленске, г. Амурске, г. Белогорске, г. Холмске и г. Билибино позволит увеличить коэффициент территориальной доступности услуг высшего образования в среднем для анализируемого региона на 34 % (табл. 10).

Наиболее ярко на повышении уровня доступности услуг высшего образования отразится открытие филиала в г. Билибино Чукотского автономного округа. Прирост анализируемого показателя составит 592%. На треть увеличится также коэффициент территориальной доступности услуг высшего образования для Сахалинской области. Для Республики Саха (Якутия), Хабаровского края и Амурской области изменения будут менее значительные и составят соответственно 7%, 9% и 14%.

Таким образом, как показали расчёты коэффициента территориальной доступности услуг высшего образования, большинство регионов Дальнего Востока характеризуется уровнем доступности услуг высшего образования, значительно уступающем среднероссийскому значению. Следовательно, в анализируемом макрорегионе необходимы меры, направленные на решение данной проблемы. Так как размещение вузов и населения по территории исторически сложившиеся, трудно поддаются изменениям, повысить уровень территориальной доступности услуг высшего образования можно путём создания филиалов образовательных организаций высшего образования в относительно крупных по численности населения городах, в которых на сегод-

Таблица 9

**Характеристика потенциальных мест дислокации филиалов
образовательных организаций высшего образования
в Дальневосточном федеральном округе**

Субъект Дальневосточного федерального округа	Территориальное образование	Численность населения, тыс. чел.	Место в регионе по численности населения
Республика Саха (Якутия)	г. Ленск	23,7	4 из 13
Хабаровский край	г. Амурск	40,6	3 из 7
Амурская область	г. Белогорск	66,8	2 из 10
Сахалинская область	г. Холмск	28,5	3 из 8
Чукотский автономный округ	г. Билибино	5,5	2 из 3

Источник: Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 10.09.2018).

Таблица 10

**Изменение коэффициента территориальной доступности услуг
высшего образования вследствие открытия филиалов образовательных
организаций высшего образования в отдельных регионах
Дальневосточного федерального округа**

Регионы	Изменённые показатели вследствие открытия филиалов				коэффициент территориальной доступности услуг высшего образования (без учёта предложений)	Изменение коэффициента тер- риториальной доступности услуг высшего образования, %
	количество образовательных организаций высшего обра- зования на 1 тыс. км.²	среднее расстояние от горо- да до ближайшего населённого пункта, в котором дислоцирована образовательная организация высшего образования (или филиал), км.	доля сельского населения в общей численности населения, %	коэффициент territori- альной доступности услуг высшего образования		
Республика Саха (Якутия)	0,006	288	34,5	0,60	0,57	+7
Хабаровский край	0,023	217	17,9	5,92	5,44	+9
Амурская область	0,019	222	32,7	2,62	2,29	+14
Сахалинская область	0,057	226	18,2	13,86	10,44	+33
Чукотский автономный округ	0,004	80	30	1,67	0,24	+592
Всего ДФО	0,014	173	24,3	3,33	2,48	+34

Источник: составлено автором

нышний день вузы отсутствуют, например, г. Ленск, г. Амурск, г. Белогорск, г. Холмск и г. Билибино. Открытие вузов в указанных территориальных образованиях позволит повысить средний уровень доступности услуг высшего образования для жителей Дальневосточного федерального округа на 34%.

Список литературы:

1. Беляков С. А. Модернизация образования в России: совершенствование управления.. – М. : МАКС Пресс, 2009. 437 с.
2. Громов А. Д., Платонова Д. П., Семенов Д. С., Пырова Т. А. Доступность высшего образования в регионах России // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. М. : НИУ ВШЭ, 2016. 32 с.
3. Доступность высшего образования в России / Отв. ред. С. В. Шишкин // Независимый институт социальной политики. М., 2004. 500 с.
4. Константиновский Д. А. Динамика неравенства. Российская молодежь в меняющемся обществе: ориентации и пути в сфере образования (от 1960-х годов к 2000 году) / Под ред. В.Н. Шубкина. М. : Эдиториал УРСС, 1999.
5. Ковалева З. А., Плохих С. В. История Дальнего Востока России: учебное

пособие. Владивосток : ТИДОТ ДВГУ, 2002. 244 с.

6. Кузина И. А. Высшая школа на Дальнем Востоке в 1930-е гг. // Научное периодическое издание «IN SITU», 2016, № 1-2. С. 27–29.

7. Кузина И. А. Развитие системы высшего образования на Дальнем Востоке России в 1945–1990-е гг. // Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук, 2016, № 1 (58). С. 23–25.

8. Омельченко Е. А. Анализ доступности высшего образования для социально-уязвимых групп // Доступность высшего образования в России. М. : НИСП, 2002.

9. Рощина Я. М. Неравенство доступа к образованию: что мы знаем об этом? / Я.М. Рощина. Проблемы доступности высшего образования / отв. ред. С.В. Шишкин. Независимый институт социальной политики. М. : «СИГНАЛЪ», 2003. С. 94–149.

10. Сухочев В. И. Методология формирования организационно-экономического механизма оценки доступности и качества высшего образования : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Уфа, 2011. 38 с.

11. Шишкин С. В. Доступность высшего образования для населения России: что показывают результаты исследований // Университетское управление. 2005, №1 (34). С. 80–88.

Библиографическое описание статьи

Блинова Т. Н. Совершенствование управления территориальной доступностью услуг высшего образования в Дальневосточном федеральном округе // Власть и управление на Востоке России. 2018. № 4 (85). С. 62–73. DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-62-73

Tatyana N. Blinova – Associate Professor of the Department of Management and Business Law, Far Eastern Institute of Management - branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (33, Str. Muravyev-Amurskiy, Khabarovsk, 680000, Russian Federation). E-mail: blinova-82@rambler.ru

Improving the management of territorial accessibility of higher education services in the Far Eastern Federal District

This article substantiates recommendations for improving the territorial accessibility of higher education services for the population living in certain regions of the Far Eastern Federal District. For this purpose, the coefficient of territorial availability proposed by the author was used, taking into account the number of universities per 1 thousand km.2, the average distance from the city to the nearest settlement in which an educational institution of higher education or a branch is stationed, as well as the share of the rural population in the total population of the region. The calculations showed that this coefficient for the Far

East is significantly lower than the average Russian value. In addition, the regions within the Far Eastern Federal District differ significantly among themselves in terms of the estimated indicator. The last of these facts allowed to group the subjects of the analyzed region into three groups and to identify measures to improve this indicator for regions with low and medium level of accessibility of higher education services. The paper proposed specific cities in the Far East, in which it is advisable to open branches of educational institutions of higher education, and also gives a calculation of the change in the coefficient of territorial availability for the Far Eastern Federal District as a whole and the individual constituent entities of the Russian Federation education.

Keywords: territorial accessibility of higher education services, placement of universities by area of the territory, remoteness of universities from cities, placement of population in the territory, opening of branches of educational institutions of higher education.

References:

1. Belyakov S. A. Modernization of education in Russia: management improvement. M. : MAKS Press, 2009, p. 437. (In Russian).
2. Gromov A. D., Platonov D. P., Semenov D. S., Pyrova T. L. Accessibility of higher education in the regions of Russia National Research University Higher School of Economics, Institute of Education. M.: HSE, 2016, p. 32.
3. Accessibility of higher education in Russia. Ed. ed. SV Shishkin *Nezavisimyy institut social'noj politiki* [Independent Institute for Social Policy]. M., 2004, p. 500. (In Russian).
4. Konstantinovskiy D. L. The dynamics of inequality. Russian youth in a changing society: orientations and ways in the field of education (from the 1960s to the year 2000). Ed. V.N. Shubkin. M.: Editorial URSS, 1999. (In Russian).
5. Kovaleva, Z.A., Plohih S. V. History of the Russian Far East: study guide. Vladivostok: FIDU TIDOT, 2002, p. 244 (In Russian).
6. Kuzina, I.L. High School in the Far East in the 1930s *Nauchnoe periodicheskoe izdanie "IN SITU"* [Scientific periodical "IN SITU"], 2016, no. 1-2, pp. 27-29. (In Russian).
7. Kuzina, I.L. The development of higher education in the Far East of Russia in the 1945-1990s. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk* [Actual Problems of the Humanities and Social Sciences], 2016, no. 1 (58), pp. 23-25. (In Russian).
8. Omelchenko E. L. Analysis of accessibility of higher education for socially vulnerable groups *Dostupnost' vysshego obrazovaniya v Rossii* [Accessibility of higher education in Russia]. M.: IISP, 2002. (In Russian).
9. Roshchina Ya. M. Inequality of access to education: what do we know about it? *Problemy dostupnosti vysshego obrazovaniya* [Problems of accessibility of higher education], resp. ed. S. V. Shishkin. Independent Institute of Social Policy. M. : "SIG-NAL", 2003, pp. 94-149. (In Russian).
10. Sukhochev, V. I. Methodology of formation of the organizational-economic mechanism for assessing the accessibility and quality of higher education: author. dis. ... Dr. Econ. sciences. Ufa, 2011, p. 38. (In Russian).
11. Shishkin S.V. Accessibility of higher education for the population of Russia: what the research results show *Universitetskoe upravlenie* [University management], 2005, no. 1 (34), pp. 80-88. (In Russian).

Reference to the article

Blinova T. N. Improving the management of territorial accessibility of higher education services in the Far Eastern Federal District // Power and Administration in the East of Russia. 2018. No. 4 (85). Pp. 62-73. DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-62-73

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-74-81

УДК 339.9

О. М. Рензин

Тенденции структурных сдвигов в валютном инструментарии взаимодействия стран Северо-Восточной Азии

Среди индикаторов, позволяющих оценить потенциальный уровень и эффективность развития интеграционных механизмов, важное место занимают показатели, характеризующие проводимую странами монетарную политику, принятие или отказ от применения отдельных финансовых инструментов, обеспечивающих международные торговые и инвестиционные процессы. С учетом этих позиций, при оценке экономических процессов, происходящих в Северо-Восточной Азии (далее – СВА), следует признать необходимым рассмотрение вариантов монетарной политики стран, входящих в этот регион. Они являются важной составляющей сценарных прогнозов развития не только для Азиатско-Тихоокеанского региона, но и для глобальной финансовой системы, поскольку представления о мировой конфигурации экономических взаимодействий тесно связаны с реализацией в этом макро-регионе тех или иных стратегий формирования финансовой инфраструктуры. В статье рассматриваются тенденции, определяющие потенциальные изменения в форматах межгосударственных взаимодействий стран СВА, анализируется влияние стимулов и ограничений на использование региональных валют, оцениваются перспективы включения валют СВА в глобальные финансовые конфигурации.

Ключевые слова: Северо-Восточная Азия, мировая финансовая система, валютные инструменты, интеграционные процессы.

Существование устойчивой и эффективной валютной инфраструктуры, поддерживаемой двусторонними или многосторонними межгосударственными договорами, является одним из важных условий участия стран в международном разделении труда. Она позволяет стабилизировать взаимоотношения входящих в мировую систему экономик, одновременно защищая их от неблагоприятных финансовых колебаний на внешних рынках.

В числе альтернативных вариантов, позволяющих определить наиболее эффективную конфигурацию монетарного взаимодействия, могут быть несколько моделей, хорошо описанных в научной литературе. [Chown J., 2008. С. 136 –

149] Это либо использование общепринятых в мировой практике расчетных валют, либо конструирование специальных локальных инструментов, позволяющих повысить эффективность организации финансовых потоков, либо использование для внешнеэкономических операций одной из национальных валют, эмитированных странами-контрагентами.

Ответы на вопросы, какая из монетарных моделей окажется предпочтительнее для стран СВА, какие тенденции будут определять структурные сдвиги в валютном инструментарии, зависят от многих влияний, возникающих как в самих национальных экономиках, так и в их внешнем окружении – ближнем (региональном) и дальнем (глобальном).

Олег Маркович Рензин – канд. экон. наук, зам. директора, Институт экономических исследований ДВО РАН (680042, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153). E-mail: renzin@ecrin.ru

Теоретически проблема формирования валютного инструментария тесно связана с созданием эффективных режимов взаимодействия национальных экономик, получивших в экономической литературе название «оптимальная валютная зона». Классические исследования этой проблемы 1960 – 1970-х гг., получившие отражение в работах Роберта Манделла [Mundell, Robert A., 1961. С. 657–665], Роналда МакКиннона [McKinnon, Ronald I., 1963. С. 717–725], затем Эдвина Тауэра, Томаса Д. Виллета [Tower E., Willett T., 1976] и других ученых определили гипотетический алгоритм решения проблем.

Согласно этому алгоритму, формируя тот или иной режим кооперативного взаимодействия в валютном сегменте финансов, страны-участницы должны ориентироваться на получение ряда выгод, обеспечиваемых самим интеграционным процессом. В частности, в числе основных выигрышей при формировании оптимальной валютной зоны назывались следующие:

- снижение транзакционных издержек, возникающих в процессе торговли с партнерами по зоне;
- избавление от чрезмерной волатильности обменных курсов;
- получение возможности влияния на уровень инфляции;
- снижение затрат на эмиссию денежных знаков;
- создание дополнительной «подушки безопасности» на случай финансовых шоков.

Правда, по мнению последователей идей Р. Манделла, для достижения таких результатов необходимо соблюдать ряд обязательных условий формирования валютного союза.

Во-первых, торговля между странами-участницами должна преобладать над торговлей с третьими странами (т. е. большая открытость экономик внутри зоны по сравнению с внешней). Во-вторых, должно быть сходство в экономической структуре членов союза, а, следовательно, и одинаковая реакция на внешние раздражения (шоки). В-третьих, необходимо обеспечение высокой мобильности

труда и капитала.

Кроме того, в качестве платы за полученные позитивные результаты страны, входящие в зону, должны были в значительной степени отказаться от независимой экономической политики, в т. ч. и в эмиссионной сфере. Согласно этой теории, именно единый валютный инструмент способен обеспечить получение эффектов от организации такой зоны.

Как показала более чем полувековая история реализации этих идей, положительный баланс приобретений и потерь при вступлении в такую валютную зону не был очевиден. Наиболее успешным из реализованных проектов было создание «зоны евро». Было также несколько попыток реализации подобных проектов в различных регионах мира, но массового применения такие практики не получили. [Моисеев, 2016. С. 56 – 76]

В качестве альтернативы организации взаимодействий по Манделлу теоретически были сформулированы и другие варианты эффективного межгосударственного сотрудничества, не предполагающие утрату участниками контроля над эмиссией. В частности, противоположностью теоретической модели, ориентированной на инструментальную моновалютность, была концепция, интерпретирующая для сопровождения международных транзакций популярную либеральную систему «конкурентных денег». Эффективность использования децентрализованной эмиссии национальных денег, которую обосновал Ф.Хайек, стала основанием для разработок мультивалютных инструментальных систем. [Хайек, Фридрих А., 1996] Последователи такой идеи доказывали, что именно использование различных валют в международном обороте обеспечивает поддержку множественных состояний равновесия в мировой экономике, ее устойчивость и противостояние шокам. [Rey, H., 2001. С. 443–464] Но и эта теоретическая модель в рафинированном виде реализации не получила.

Однако в модифицированных, теоретически «смягченных» вариантах отдельные элементы теории оптимальных валютных зон и теории децентрализован-

ных денег, были включены в программы формирования валютной политики во многих регионах мира.

Одним из таких регионов была Северо-Восточная Азия, в которой во второй половине XX в. развернулась цепь экономических модернизационных проектов. В этот период характер развития региона определяли экономики, каждая из которых позже стала относиться экспертами к категории так называемых «экономических чудес». В разные периоды времени высокоэффективные преобразования хозяйственных систем осуществили Япония (в 1950 – 1960 гг.), Ю. Корея, Тайвань, Гонконг (в 1960 – 1990 гг.), КНР (в 1980 – 2010 гг.). Важной составной частью проведенных реформ были модернизация монетарной сферы, создание эффективной финансовой инфраструктуры, включая ее международную составляющую. [Финансовые стратегии..., 2014]

При этом в каждой из национальных историй выбора валютных инструментов отчетливо выделяются три этапа, каждый из которых соответствует одному из периодов осуществляемого реформирования.

На начальном этапе – жесткая валютная политика, поддержание фиксированного валютного курса и использование негибких инструментов для внешнеэкономических операций. Это позволяло активно применять для стимулирования роста и модернизации экономики политику заниженного валютного курса, девальвационную стратегию финансирования развития. В созданных условиях можно было осуществлять экспорт производимых в стране товаров с высокой эффективностью, и одновременно для национальных экономик создавался защитный механизм от импортной экспансии.

Стратегия поддержания низкого курса (или его регулярного понижения) по отношению к основной мировой резервной валюте – доллару США – являлась (и является) характерным приемом для всех реформируемых экономик в Северо-Восточной Азии. Это было универсальное решение, применявшееся в странах с принципиально разными потенциалами развития и использовавшимися макроэкономическими моделями. Именно его активно использовали и японская, и южно-корейская, и китайская реформационные практики (табл. 1).

Таблица 1

Динамика курса национальной валюты к доллару США в периоды модернизации экономики в странах Северо-Восточной Азии

Годы	Япония (иена/доллар)	Ю. Корея (вона/доллар)	Китай (юань/доллар)
1950	360	-	-
1955	360	-	-
1960	360	63,1	-
1965	360	265,4	-
1970	360	310,6	-
1975	296,8	484,0	-
1980	236,7	607,4	1,5
1985	238,5	870,0	2,94
1990	144,8	707,8	4,78
1995	94,1	771,3	8,35
2000	107,8	1131,0	8,28
2005	110,2	1024,1	8,19
2010	79,8	1108,3	6,30

Источник: составлено по Финансовые стратегии модернизации экономики: мировая практика / под ред. Я. М. Миркина. М. : Магистр, 2014. С. 29.

На следующем этапе (после получения положительных результатов реформирования) в странах СВА начала осуществляться постепенная рыночная либерализация валютной сферы. Она предполагала появление более сложных механизмов и инструментальных конфигураций для проведения внешнеэкономической политики, выведение национальной валюты в международный оборот, осуществление курсообразования с учетом реального спроса и предложения, обеспечивающее преодоление разрыва между реальным и номинальным эффективным курсом национальной валюты.

Такая практика была активной составляющей механизмов осуществления как внутриэкономических, так и внешнеэкономических программ, ориентированных на поддержку экономического роста. [Historical..., 2000; Биндер, Конов, 2014; Lincoln, 1998, С. 57–66]

На третьем этапе актуальным стал поиск путей повышения эффективности за счет монетарной кооперации с другими странами, в т. ч. за счет формирования валютных зон. [Kwan, 2001; Transformation..., 2011; Портяков, 2004. С. 76–77] В качестве эффективной валютной политики странами СВА стали рассматриваться сценарии перехода во внешнеэкономических транзакциях на инструменты, привязанные к национальной валюте: формирование йеновой зоны в 1980-е гг., юаневой зоны в 2000-х годах, активную подготовку к эмиссии азиатской коллективной валюты.

Однако сложившаяся конструкция глобальной финансовой системы не благоприятствует получению странами СВА сильных позиций в качестве эмитентов резервных валют. Во второй половине XX-го в. ведущую позицию среди резервных валют занял доллар США – страны, которая имеет безусловное лидерство в экономическом мире. Несколько смягчило однополярную финансовую архитектуру активное продвижение евро в период после 2000-го года. Но принципиально «долларизация» мировой экономики является безусловным фактом современного состояния мировых финансов.

В первое десятилетие XXI в., в осо-

бенности в период мирового кризиса 2008 – 2009 гг., негативные оценки сложившейся валютной системы получили широкое распространение. В мировой экономической системе наблюдается устойчивая тенденция к формированию более сложной и одновременно более надежной мультивалютной финансовой инфраструктуры. В частности, Европейская комиссия в программном документе указывает, что «... современные глобальные тренды и появление новых экономических держав наряду с разработкой новых технологий поддерживает потенциальный переход к более диверсифицированной и многополярной системе, в которой используются несколько глобальных валют». [EUROPEAN..., 2018] Особое место среди сформулированных целей занимает отказ от доллара при проведении сделок в сырьевом секторе мировой экономики. Сейчас на рынке нефти контракты на эталонные сорта котируются исключительно в долларах. Основная часть поставок в Европу газа, в том числе и из России, также оплачивается в американской валюте. Аналогичная ситуация складывается на других стратегических рынках (зерна, металлов, минерального сырья и др.).

О снижении доли долларовых транзакций в качестве перспективной цели явно или косвенно объявили многие страны, в т. ч. и ряд стран СВА, повышая долю национальных валют в международных расчетах.

Пока валюты стран Северо-Восточной Азии занимают крайне низкую долю в мировых транзакциях. Согласно докладу международной платежной системы SWIFT, совокупная доля юаня и иены не превышала в международных расчетах 5% (табл. 2). Несколько большую долю (около 7%) они занимают в мировом портфеле официальных валютных резервов (табл. 3).

В настоящее время задачи совершенствования и активизации использования собственного валютного инструментария остаются важной частью международных программ, осуществляемых странами СВА. Так, например, крупнейший внешнеэкономический проект КНР

Таблица 2

**Доля национальных валют
в платежных операциях SWIFT
(декабрь 2017), %**

Доллар США	39,85
Евро ЕС	35,66
Фунт стерлингов, Великобритания	7,07
Иена, Япония	2,96
Юань, Китай	1,61
Доллар, Канада	1,51
Доллар, Австралия	1,39
Франк, Швейцария	1,26
Доллар Гонконг	1,22

Источник: SWIFTRMB Trackers January 2018

Таблица 3

**Доля национальных валют
в официальных валютных резервах
стран мира (2017), %**

Доллар США	62,3
Евро ЕС	20,3
Иена, Япония	5,0
Фунт стерлингов, Великобритания	4,5
Доллар, Канада	1,9
Юань, Китай	1,8

Источник: International Financial Statistics. IMF eLibrary Data Base

«Экономический пояс Шелкового пути» направлен не только на создание мощной инфраструктуры, обеспечивающей интересы развития экономики КНР. Как подчеркивают аналитики, одновременно он является механизмом, расширяющим использование национальной валюты – юаня – для проведения различного типа международных транзакций (внешнеторговых расчетов, инвестиций, кредитования и пр.). [К Великому..., 2018. С. 9]

Специалисты достаточно давно предсказывают появление в мировой валютной системе новой конфигурации с весомым участием эмиссионного центра, расположенного в Северо-Восточной Азии, который не только «будет конкурировать за статус резервной валюты де

факто и за право получать сеньораж», но и займет до 15% глобальных финансов. [Миркин, 2015. С. 58–61]

При этом осуществление прогноза рассматривается в исследованиях в различных вариантах, в т. ч. тех, для которых уже была проведена подготовительная стадия в разные периоды обсуждения идеи о глобализации азиатских валют (иены, юаня, коллективной валюты АСУ и др.). Вероятность активизации практического применения каждого конкретного из названных валютных инструментов будет зависеть от большого числа факторов: экономических, политических, финансово-технологических. Однако принципиальную реализуемость прогноза о резком усилении глобальной значимости валют стран СВА подтверждают устойчивые тренды развития финансовых процессов как в самом регионе, так и в мировой экономической системе. [Lee, Park, 2014]

В частности, важным фактом, позволяющим оценивать тенденцию ряда стран более тесно интегрировать свои валютные отношения, является заключенное более 15 лет назад соглашение между Центральным Банком Российской Федерации и Народным банком Китая о межбанковских расчетах в торговле в приграничных районах от 22 августа 2002 г. Необходимость согласования была продиктована стремлением стран-участниц избежать долларизации своих приграничных расчетов, а также снизить издержки торговых агентов, связанные с конвертацией валют в регионе на линии «Российский Дальний Восток – Северо-Восточный Китай». [Врагова, Симутин, 2007]

Полноценная реализация этого соглашения позволила бы создать предпосылки для монетарной интеграции России и КНР в большем масштабе. Однако этого не произошло. Препятствиями стали противопоставление технологической отлаженности традиционных форм трансграничных расчетов и сложности перехода на новые транзакции, различия в регуляторных практиках, а также повышенные риски при использовании национальных валют. Отметим, что аналогичные проблемы были отмечены

при использовании соглашений о про-изведении расчетов в национальных валютах на границах КНР с Вьетнамом и Монголией.

На новом этапе развития отношений между Россией и Китаем накопленный в проведенном эксперименте опыт может быть эффективно использован.

В настоящее время значительное число экспертов оценивают китайский юань в среднесрочном периоде как реальную альтернативу доллару и в качестве расчетной, и в качестве резервной валюты. Наряду с евро этот валютный инструмент Россия может эффективно использовать при осуществлении объявленной (и в определенной мере вынужденной из-за санкционных действий США) программы «дедолларизации» российской экономики. В ее рамках наиболее эффективными могут стать активизация и повышение доли недолларовых внешнеэкономических расчетов. В первую очередь эта стратегия реализуема во взаимоотношениях с поставившими аналогичные задачи по преодолению долларовой зависимости ЕС и КНР. Совпадение целевых установок и высокий уровень подготовленности национальных валютных инструментов в Европейском Союзе и Китае может, безусловно, существенно облегчить сложный переход России от высокорисковых в условиях санкций долларовых транзакций к расчетам в более прогнозируемых и, следовательно, более рациональных инструментах международных транзакций. Эффект от такого перехода, несомненно, окажет существенное влияние на национальную экономику России, поскольку и Европейский Союз, и КНР относятся к самым крупным внешне-торговым партнерам России.

Список литературы:

1. Биндер А., Кононов А. Валютная политика КНР: исторический аспект // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 2.
2. Валлиулин Х. Ретроспективный анализ генезиса валютных зон // Вопросы экономики. 2008. № 11.
3. Врагова Н. К., Симутин Н. А. Меж-банковские расчеты как фактор цивили-зованного развития внешнеторговых от-ношений приграничных регионов России и Китая // Деньги и кредит. 2007 № 2.
4. К Великому океану-3. Аналитиче-ский доклад Международного дискус-сионного клуба «Валдай». Москва, июнь 2015.
5. Миркин Я. М. Развивающиеся рын-ки и Россия в структуре глобальных фи-нансов: финансовое будущее, многолет-ние тренды. М.: Магистр 2015.
6. Моисеев С. Приключения теории оптимальных валютных зон // Вопросы экономики, 2016. № 2. С. 56–76.
7. Портяков В. Россия и Китай в ми-ровой экономике // Проблемы Дальнего Востока. 2004 № 6.
8. Финансовые стратегии модерниза-ции экономики: мировая практика / под ред. Я. М. Миркина. М. : Магистр, 2014. 496 с.
9. Хайек, Фридрих А. Частные деньги. М: Институт Национальной Модели Эко-номики, 1996.
10. Chown J. A History of Monetary Unions, London: Routledge. 2003.
11. EUROPEAN COMMISSION RECOMMENDATION of 5.12.2018 on the international role of the euro in the field of energy {SWD(2018) 483}
12. Historical Exchange Rate Regime of Asian Countries. Korea. The Chinese University of Hong Kong. 2000.
13. Kwan C.Y. Yen Bloc. Brookings Institution Press. Washington D.C. 2001.
14. Lee, I. H. and Park, Y. C. Use of National Currencies for Trade Settlement in East Asia: A Proposal. ADBI Working Paper Series, № 474, 2014 (April)
15. Lincoln E. Japans Financial Message // Foreign Affairs 1998 № 77 pp.57–66
16. McKinnon, Ronald I. Optimum Currency Areas // American Economic Review. 1963. Vol. 53 (LIII). Pp. 717–25.
17. Mundell, Robert A. A Theory of Optimal Currency Areas // American Economic Review. 1961. Vol. 51 (LI) PP. 657–65.
18. Rey, H. International Trade and Currency Exchange. Review of Economic

Studies, 2001 2 (68), pp. 443–464

1976.

19. Tower E., Willett T. The Theory of Optimum Currency Areas and Exchange Rate Flexibility, Princeton University.

20. Transformation of South Korea / ed. by B. Kim and E. F. Vogel. Harvard University Press, 2011.

Библиографическое описание статьи

Рензин О. М. Тенденции структурных сдвигов в валютном инструментарии взаимодействия стран Северо-Восточной Азии // Власть и управление на Востоке России. 2018. № 4 (85). С. 74–81. DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-74-81

Renzin Oleg Markovich – deputy director, the Economic Research Institute of FEB RAS (153, Tikhookeanskaya str., Khabarovsk, 680042, the Russian Federation). E-mail: renzin@ecrin.ru

Trends in the structural shifts in the currency instruments of interaction between the countries of the North-Eastern Asia

Among the indicators that allow assessing the potential level and effectiveness of the development of integration mechanisms, an important place is occupied by indicators characterizing the monetary policy pursued by countries, the adoption or rejection of the use of certain financial instruments that ensure international trade and investment processes. Taking into account these positions, when assessing the economic processes occurring in the North-Eastern Asia, it should be recognized that it is necessary to consider the monetary policy options of the countries in this region. They are an important component of scenario forecasts of development not only for the Asia-Pacific region, but also for the global financial system, since ideas about the global configuration of economic interactions are closely related to the implementation of various financial infrastructure formation strategies in this macro-region. The article discusses trends that determine potential changes in the formats of interstate interactions of NEA countries, analyzes the impact of incentives and restrictions on the use of regional currencies, and estimates the prospects for including NEA currencies in global financial configurations.

Ключевые слова: the North-Eastern Asia (NEA); world financial system; currency instruments; integration processes.

References:

1. Binder A., Kononov A. Monetary policy of the PRC: the historical aspect. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2014, no. 2. (In Russian).

2. Valliulin H. Retrospective analysis of the genesis of currency zones. *Voprosy ekonomiki* [Questions of economy], 2008, no. 11. (In Russian).

3. Vragov N. K., Simutina N. L. Interbank settlements as a factor in the civilized development of foreign trade relations in border regions of Russia and China. *Den'gi i kredit* [Money and Credit], 2007, no. 2. (In Russian).

4. To the Great Ocean-3. Analytical report of the Valdai International Discussion

Club. Moscow, June 2015. (In Russian).

5. Mirkin Ya. M. Emerging markets and Russia in the structure of global finance: financial future, long-term trends. M.: Master 2015. (In Russian).

6. Moiseev S. Adventures of the Theory of Optimal Currency Zones. *Voprosy ekonomiki* [Questions of economy], 2016, no. 2, pp. 56–76. (In Russian).

7. Portyakov V. Russia and China in the World Economy *Problemy Dal'nego Vostoka* [Problems of the Far East], 2004, no. 6. (In Russian).

8. Financial strategies for the modernization of the economy: world practice / ed. Ya. M. Mirkina. M.: Master, 2014. 496 p. (In Russian).

9. Hayek, Friedrich A. Private Money. M: Institute of National Models of Economics,

-
1996. (In Russian).
10. Chown J. A History of Monetary Unions, London: Routledge. 2003.
11. EUROPEAN COMMISSION RECOMMENDATION of 12/12/2018 on SWF (2018) 483}
12. Historical Exchange Rate Regime of Asian Countries. Korea. The Chinese University of Hong Kong. 2000.
13. Kwan C.Y. Yen Bloc. Brookings Institution Press. Washington D.C. 2001.
14. Lee, I. H. and Park, Y. C. Use of National Currencies for Trade Settlement in East Asia: A Proposal. ADBI Working Paper Series, No. 474, 2014 (April).
15. Lincoln E. Japans Financial Message // Foreign Affairs 1998 №77 pp.57–66.
16. McKinnon, Ronald I. Optimum Currency Areas // American Economic Review. 1963. Vol. 53 (LIII). RR. 717-25.
17. Mundell, Robert A. A Theory of Optimal Currency Areas // American Economic Review. -1961. - Vol. 51 (LI) PP. 657–65.
18. Rey, H. International Trade and Currency Exchange. Review of Economic Studies, 2001 2 (68), pp. 443–464.
19. Tower E., Willett T. The Theory of Optimum Currency Rates and Exchange Rate Flexibility, Princeton University. 1976.
20. Transformation of South Korea / ed. by B. Kim and E. F. Vogel. Harvard University Press, 2011.

Reference to the article

Renzin O. M. Trends in the structural shifts in the currency instruments of interaction between the countries of the North-Eastern Asia // Power and Administration in the East of Russia. 2018. No. 4 (85). Pp. 74–81. DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-74-81

DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-82-89
УДК 338.1+339.9

И. В. Зикунова
С. В. Грейзик

Транспортно-логистический потенциал Хабаровского края в контексте развития внешнеторгового потока через Северный морской путь

В статье с использованием структурно-динамических оценок внешнеторговой позиции Китая обоснованы экономико-географические преимущества Ванино-Советско-Гаванского транспортно-промышленного узла (далее – ВСГТПУ) Хабаровского края в контексте формирования нового маршрута внешней торговли, соединяющего Европу и Азию через Северный морской путь. В порядке обоснования перспектив развития ВСГТПУ охарактеризованы результаты развития портовой инфраструктуры, приведены данные об инвестиционной активности в указанном регионе, институциональные преимущества режима свободного порта. Работа представляет интерес для специалистов, занимающихся вопросами транспортной логистики, развитием региональных систем внешней торговли, а также для потенциальных инвесторов и резидентов зоны «Свободный порт Владивосток».

Ключевые слова: мировая торговля, экспорт, импорт, Россия, Китай, Евросоюз, Северный морской путь, транспортно-логистический потенциал.

Вторая половина XX в. в развитии мировой экономики отмечена опережающим темпом роста мировой торговли в сравнении с темпами роста мирового производства. Причем речь идет о долгосрочной тенденции: за указанный период мировая торговля выросла в 20 раз, в то время как мировое производство в 6 раз. Доля экспорта в мировом производстве увеличилась за тот же период в пять раз и составила более 26%. Вместе с тем нельзя не отметить, что в последние годы наметился слом этого стабильного тренда. Свою роль в сжатии объемов мирового экспорта сыграли кризисные явления, обусловленные волатильностью на рынках энергоносителей, а также событиями политического характера.

Наиболее интересен с точки зрения динамических перемен период с 2007 г. (год на пороге глобального финансового кризиса, первого кризиса, развернувшегося в цифровой экономике). Перемены

в системе мировых коммуникаций, связанные с глобальным распространением Интернета, привели к чрезвычайному росту значимости политических и поведенческих факторов в развитии мировой экономики.

Само по себе стремительное распространение рыночной информации с точки зрения постулатов экономической теории ведет к росту эффективности рынка. Но этот же рост эффективности рынка вызывает рост противодействий субъективного характера. В мировой экономике это противодействие формируется как тренд на усиление политических альянсов, политического влияния, как тренд на запуск инструментов влияния на потребительское поведение, а потому приобретают значение региональные конкурентные преимущества той или иной страны, которые она сумела с выгодой для себя позиционировать в мировой торговле.

Несомненно, крупнейшим региональ-

Ирина Валерьевна Зикунова – д-р экон. наук, доцент, проректор по научной работе, Хабаровский государственный университет экономики и права (680042, Россия, г. Хабаровск, 680042, улица Тихоокеанская, 134). *E-mail: zikunova@mail.ru*

Сергей Владимирович Грейзик – младший научный сотрудник Научно-исследовательского сектора Центра исследований ШОС и АТР, Хабаровский государственный университет экономики и права (680042, Россия, г. Хабаровск, 680042, улица Тихоокеанская, 134). *E-mail: sergreyz@gmail.com*

ным рынком мировой торговли выступает рынок, сосредоточенный вокруг Китая. В новейшей экономической истории Китай продолжает оставаться крупнейшим торговым партнером России. [Суслов, 2016. С. 22 – 33]

В таблице 1 показаны обороты мировой торговли по экспорту и доля Китая в этих оборотах.¹

Китай превратился в крупнейшего игрока мировой торговли, на товарные цепочки ценности с его участием замкнуто большое количество операционных циклов в других странах. Расчеты показывают неуклонный рост доли Китая в мировом экспорте: с 8,7% в 2007 г. она возросла практически до 13% к 2017 г. Экспорт Китая рос опережающим темпом в сравнении с показателями мировой торговли. За период с 2007 по 2015 гг. (мы делаем расчеты по наличию данных об экспорте Евросоюза) экспорт КНР вырос на 86,3%, тогда как мировой экспорт за тот же период возрос на 17,8%, экспорт Евросоюза вырос только на 0,4%.

Именно для европейских стран с их емким рынком потребления товаров ко-

нечного спроса, на которых специализируется Китай, имеет большое значение транспортно-логистический фактор внешнеторгового потока из Китая.

Данные статистики мировой торговли показывают в целом рост стоимостного объема товарных экспортно-импортных операций в торговле между Китаем и Евросоюзом: к 2015 г. в сравнении с 2007 г. объем экспорта Китая в Евросоюз вырос на 44,3%, объем экспорта Евросоюза в Китай – на 91,7%. При этом Китай как торговый партнер по экспорту для Евросоюза за этот период набирал привлекательность: доля экспорта Евросоюза в Китай выросла почти в два раза, пусть она и невысока – 3,5%, и напротив: Китай экспортирует в Евросоюз 15,7% своего товарного экспорта, но за рассматриваемый период эта доля снизилась на 22,5%. Очевидно, что у китайской стороны сохраняется интерес к удержанию европейского рынка, в особенности на фоне тарифной войны с США. Следовательно, китайская сторона будет искать источники укрепления своей конкурентоспособности на товарных рынках Европы.

Таблица 1

Мировой экспорт и доля Китая в мировом экспорте в период 2007 – 2017 гг.

Период	Мировой экспорт млрд долл.	Экспорт КНР, млрд долл.	Доля КНР в мировом экспорте, %
2007	14026	1220,5	8,7
2008	16165	1430,7	8,9
2009	12561	1201,6	9,6
2010	15311	1577,8	10,3
2011	18338	1898,4	10,4
2012	18496	2048,7	11,1
2013	18956	2209,0	11,7
2014	18970	2342,3	12,3
2015	16525	2273,5	13,8
2016	16032	2097,6	13,1
2017	17707	2263,4	12,8

Источник: составлено и рассчитано авторами по данным статистики Всемирной торговой организации. URL.: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/merch_trade_stat_e.htm

¹ World Trade Organization. Statistics on merchandise trade . URL.: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/merch_trade_stat_e.htm

Широко известно, что в мировой палитре конкурентных преимуществ Китай позиционировал себя как представитель конкурентных преимуществ ценового типа. [Круглов, 2000. С. 68–73] Очевидно, в конкуренции с игроками на внутренних рынках Европы эта модель конкурентного сохранения сохранится. Поэтому для Китая, переживающего в настоящее время тенденции удорожания трудового ресурса², интерес будут представлять иные резервы экономии издержек, прежде всего речь идет о транспортной составляющей во внешнеторговой цене.

Транспортно-логический фактор мировой торговли характеризуется комплексным проявлением, здесь важны состояние инфраструктуры, обеспечение безопасности доставки на магистральных маршрутах и при заходе в факультативные порты. В планировании и организации транспортировки товаров во внешней торговле имеют значение многие обстоятельства: тарифные условия транспортировки, скорость и частота отгрузки, производственно-технологические и обслуживающие возможности терминальной инфраструктуры, условия для организации смешанных

сообщений, в том числе перевалочные и перегрузочные мощности, а также иные бизнес-операции – досмотровые, расчетно-финансовые, страховые и многое другое. В настоящее время идет процесс роста эффективности транспортировки за счет интермодальности, автоматизации и повышения уровня организации транспортных операций. [Синтез, 2011. С. 354]

Оптимизация и повышение эффективности транспортно-логических операций несут в себе колоссальные резервы экономии издержек, возможности повышения конкурентоспособности и резервов прибыли в цене. В свою очередь рост экономической эффективности за счет снижения транспортных издержек становится источником ценового маневра, приобретающего вес в обстоятельствах тарифных войн, развернувшихся между Китаем и США.

В этой связи в расчете на резервы экономии издержек в мировой транспортно-логистический процесс активно вторгается проект транспортировки по маршрутам Северного морского пути. Процесс формирования транспортного маршрута, ориентированного на Север-

Таблица 2

Экспортные товарные потоки между Китаем и Евросоюзом в 2007 – 2015 гг.

Период	Экспорт Китая в страны Евросоюза млрд долл.	Экспорт Евросоюза в КНР, млрд долл.	Доля экспорта Евросоюза в КНР, %	Доля экспорта КНР в Евросоюз, %
2007	247,1	98,6	1,8	20,25
2008	161,65	116,0	1,9	20,63
2009	237,6	115,0	2,5	19,77
2010	312,8	150,0	2,9	19,82
2011	357,8	190,0	3,1	18,85
2012	335,6	185,0	3,2	16,38
2013	339,2	197,0	3,2	15,35
2014	371,1	217,0	3,5	15,84
2015	356,6	189,0	3,5	15,69
Темп роста (2015 г. к 2007 г.)	144,30	191,72	190,92	77,46

Источник: составлено и рассчитано авторами по данным статистики Всемирной торговой организации. URL.: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/merch_trade_stat_e.htm

² China Minimum Monthly Wages. Trading Economics. URL.: <https://tradingeconomics.com/china/minimum-wages>

ный морской путь (далее – СМП), созвучен идеям создания глобальной межгосударственной инфраструктуры. [Краснопольский, 2018. С. 35–47] СМП на 2440 морских миль короче Суэцкого канала, что сокращает сроки транспортировки грузов на 10 дней и дает возможность сэкономить около 800 т горючего за рейс.

Несомненно, главный интерес к освоению СМП проявляют Китай и Россия. Для Китая СМП открывает возможность надежных и диверсифицированных поставок товаров на европейский рынок и в Россию. Россия может осуществлять поставки энергоресурсов с арктических месторождений в Китай. Кроме того, Китай как одна из судостроительных держав может получить дополнительные объемы строительства и ремонта ледового флота для СМП. Северо-восточные порты Китая, например Далянь, могут включиться в магистральный маршрут как логистические узлы арктического маршрута. Для России развитие коммерческого использования СМП означает не только рост постоянных доходов от проводки судов по маршруту, но и позволяет расширить свои возможности по снабжению северных территорий, экспорту арктических ресурсов, а также даст дополнительный импульс социально-экономическому развитию российского Заполярья. [Вороненко]

Принимая во внимание описанные тенденции, нужно отметить новые возможности, которые открываются для реализации транспортно-логистического потенциала Хабаровского края в контексте развития внешнеторгового потока через Северный морской путь. Речь идет прежде всего о Ванино-Советско-Гаванском транспортно-промышленном узле.

Ванино-Советско-Гаванский транспортно-промышленный узел представляет собой комплекс взаимосвязанных инфраструктурных объектов: морских портов, промышленности, железной дороги, энергетической, социальной инфраструктуры. Он является одним из крупнейших логистических мультимодальных узлов Дальнего Востока России. Транспортно-логистические возможности сосредоточены в двух морских пор-

тах – Ванино и Советской Гавани.

Морской порт Советская Гавань³ находится в естественных глубоководных бухтах залива Советская Гавань западного побережья Татарского пролива Японского моря. Акватория этого порта является местом укрытия для судов в штормовую погоду. Глубина фарватера залива достигает 23 м. Имеющаяся акватория отвечает всем требованиям безопасности мореплавания для любых типов судов. Это естественное преимущество позволяет крупнотоннажным судам длиной до 300 м, в том числе и морским круизным пассажирским судам, осуществлять безопасное судоходство. Навигация в морском порту осуществляется круглогодично, порт работает в круглосуточном режиме. Морской порт Советская Гавань специализируется на перевалке и переработке навалочных, генеральных, лесных и нефтеналивных грузов, включая грузы «северного завоза». Также в порту развита перевалка морепродуктов для нужд рыбоперерабатывающих комплексов, производящих продукцию для внутреннего рынка России. Порт имеет грузопассажирский постоянный многосторонний пункт пропуска через государственную границу Российской Федерации. В морском порту есть возможности для пополнения запасов продовольствия, горючесмазочных материалов, пресной воды, приема нефтесодержащих вод, изолированного балласта, всех категорий мусора, а также для проведения ремонта оборудования и водолазного осмотра судна.

Основную перегрузочную деятельность в морском порту Советская Гавань осуществляют АО «ННК-Гаваньбункер», ООО «Терминал Совгавань», ООО «Бункер-Порт», СПК РК «Простор», ООО «Норд+», ООО «Компания Ремсталь». Эти операторы выполняют погрузку, выгрузку, перевалку лесных, генеральных и нефтяных грузов, снабжение судов топливом, пресной водой.

Общий грузооборот морского порта Советская Гавань в 2017 г. составил 554,4 тыс. тонн.

В июне 2018 г. президент Путин подписал закон о расширении территории

³ Федеральное государственное бюджетное учреждение «Администрация морских портов Охотского моря и Татарского пролива». Советская Гавань. URL.: <http://ampvanino.ru/vanino/>

Свободного порта Владивосток на территорию Хабаровского края. Это означает, что теперь режим порто-франко будет действовать в Советско-Гаванском районе, что позволит создать дополнительные условия для реализации инвестиционных проектов.

Морской порт Ванино⁴ расположен на северо-западном берегу бухты Ванина в Татарском проливе и на Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Акватория порта включает участки водной поверхности в бухтах Ванина, Мучке, в Татарском проливе от мыса Веселый до мыса Токи и в бухте Сизиман. Навигация в порту открыта круглый год в условиях круглосуточного режима работы, с началом льдообразования осуществляется ледокольная проводка судов в соответствии с требованиями Общих правил плавания и Обязательных постановлений в морском порту Ванино.

Основная роль Ванинского порта – создание условий для смешанного сообщения – здесь связываются воедино железнодорожные, морские и автомобильные пути сообщения. Порт Ванино осуществляет операции с контейнерами, навалочными, нефтеналивными, лесными и генеральными грузами, включая опасные грузы. В порту осуществляется буксирное обеспечение судов.

Грузооборот порта стремительно растёт: в 2005 г. он составлял 6,2 млн тонн, к 2015 г. вырос до 26,8 млн тонн. Основными грузами являются уголь, лес и пиломатериалы, цветные и чёрные металлы, руда, контейнеры.

Порт Ванино располагает следующими специализированными причалами: для приема контейнерных, нефтеналивных грузов; по переработке глинозёма, лесных и генеральных грузов; угольным терминалом; паромным комплексом по перевозке железнодорожных вагонов в морской порт Холмск на остров Сахалин.

Нефтеналивной терминал включает 3 причала. Суммарная ёмкость резервуарного парка нефтетерминала составляет 200 тыс. м³, из них 120 тыс. м³ предназначены для хранения тёмных нефтепродуктов и 80 тыс. м³ – для светлых нефте-

продуктов. Производственные мощности терминала позволяют перегружать до 3 млн тонн нефтегрузов в год.

В порту расположен грузовой постоянный многосторонний пункт пропуска через государственную границу Российской Федерации.

Через порт Ванино поставляются грузы в северо-восточные регионы России, Японию, Южную Корею, Китай, Австралию, США и другие страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Выгодное географическое расположение порта открывает ближайший выход к морю грузам, идущим с запада по Байкало-Амурской и Транссибирской железнодорожным магистралям.

В 2016 г. режим Свободного порта был распространён на Ванинский муниципальный район Хабаровского края. Этот режим предусматривает предоставление налоговых льгот, административных преференций, а также и специальный визовый режим для иностранных граждан, режим свободной таможенной зоны.

В границах морского порта Ванино осуществляют свою деятельность различные предприятия, выполняющие стивидорные, агентирующие, бункеровочные операции.

АО «Порт Ванино» – крупнейшая стивидорная компания Ванинского транспортно-перевалочного узла, осуществляющая перевалку грузов самой широкой номенклатуры. Принимает к обработке суда длиной до 200 м и максимальной осадкой 10,2 м. Объём перевалки грузов в 2017 г. составил 7,2 млн тонн. К 2020 г. планируется увеличение терминальных мощностей до 16,4 млн тонн в год.

АО «Дальтрансуголь» – современный угольный терминал, способный принимать суда водоизмещением до 170 тысяч тонн и максимальной осадкой 17,0 м. Объём перевалки угля в 2017 г. составил 19,4 млн тонн. К 2020 г. АО «Дальтрансуголь» будет перерабатывать 30 млн тонн угля в год.

ООО «Трансбункер-Ванино» осуществляет перевалку тёмных и светлых нефтепродуктов. Способно принимать суда водоизмещением до 120 тыс. т при

⁴ Федеральное государственное бюджетное учреждение «Администрация морских портов Охотского моря и Татарского пролива». Ванино. URL.: <http://ampvanino.ru/vanino/>

максимальной осадке 13,5 м. Объем перевалки грузов в 2017 г. составил 2,4 млн т.

Общий грузооборот морского порта Ванино в 2017 г. составил 29,2 млн т.

Свободный порт Ванино динамично развивается, развивается железнодорожная и портовая инфраструктура. В 2016 г. были построены подъездные железнодорожные пути от станции Токи до угольного терминала, автомобильная дорога, сети связи и энергоснабжения. АО «Дальтрансуголь» в 2016 г. реализовало проект по увеличению мощностей угольного терминала. К 2019 г. терминал выйдет на перегрузочную мощность в объеме 12 млн тонн угля. В настоящее время в бухте Мучке АО «ВаниноТрансУголь» ведется строительство еще одного крупнейшего угольного терминала Дальнего Востока – транспортно-перегрузочного комплекса угля и железорудного концентрата. Средства в развитие портовых мощностей региона также вкладывают АО «ВаниноТрансУголь», ООО «Дальневосточный Ванинский порт», АО «Прайм», ООО «Причал» и ряд других компаний. Планируется, что общий объем инвестиций по приоритетным проектам с 2012 г. по 2025 г. составит более 90 млрд руб.⁵

Развитию Ванино-Советско-Гаванского транспортно-промышленного узла в контексте стратегических задач Хабаровского края как одному из полюсов роста региональными властями уделяется большое внимание.⁶

Ряд крупных отечественных и зарубежных компаний сегодня выражают заинтересованность в строительстве дополнительных мощностей в портах Ванино и Советская Гавань. Это вызвано растущими потребностями стран Азиатско-Тихоокеанского региона в топливно-энергетических и других ресурсах дальневосточных и восточносибирских производителей. В связи с этим ведутся работы по увеличению пропуск-

ной способности Байкало-Амурской магистрали в восточном направлении.

В ходе правительственного совещания по второму этапу развития железнодорожной инфраструктуры т. н. «Восточного полигона» состоялось обсуждение базового сценария развития магистралей на 2019 – 2023 гг., по оценке РЖД, инвестиции в «БАМ-2» в этот период должны составить 493,2 млрд руб. На эти средства предполагается построить 1,5 тыс. км дополнительных главных путей, два разъезда; реконструировать 28 станций; обход Северомуйского тоннеля; электрифицировать участок «Волочаевка-Комсомольск-Ванино»; усилить устройства тягового электроснабжения на Транссибе.

98 млрд руб. будут направлены на мероприятия по расширению пропускной способности на участке «Артышта-Тайшет», что позволит увеличить отправку угля из Сибири в дальневосточные порты. Масштабность этих планов можно убедительно проиллюстрировать сравнением: данный проект рассчитан на грузовую базу в 178,7 млн т, в то время как на текущий момент времени она составляет 94 млн т. Для увеличения грузовой базы необходимо дополнительно 330 млрд руб. на строительство 1 тыс. км.⁷

Несмотря на то, что Хабаровский край не входит в Арктическую зону, порты Хабаровского края могут стать важной перевалочной базой для Северного морского пути. У них есть важное преимущество: Советская Гавань и Ванино – это конечные точки Байкало-Амурской магистрали, а значит, это кратчайший маршрут для грузов, следующих с Северного морского пути на БАМ и Транссиб и в обратном направлении. Наиболее перспективным в этом смысле может стать главный порт Хабаровского края – Ванино. Навигация здесь осуществляется круглогодично, работает пункт пропуска через границу, функционирует 21 причал. На весь Ванинский район распространен режим

⁵ Проекты модернизации портовой инфраструктуры приносят дополнительные доходы в краевой бюджет. Официальный сайт правительства Хабаровского края. 10 апреля 2018 г. URL.: <https://www.khabkrai.ru/events/news/169335>

⁶ Стратегия социально-экономического развития Хабаровского края. URL.: <https://www.khabkrai.ru/officially/Gosudarstvennyye-programmy/Dokumenty-strategicheskogo-planirovaniya>

⁷ Модернизация БАМ и Транссиба - второй этап проекта ОАО «Российские железные дороги». 23 октября 2017. Министерство экономического развития Хабаровского края. URL.: <https://mines.khabkrai.ru/events/Novosti/2208>

Свободного порта Владивосток. Режим порто-франко с нулевыми ставками региональной части налога на прибыль, налога на имущество, земельного налога уже заинтересовал около двух десятков инвесторов, в том числе и очень крупных.

Для развития портов Дальнего Востока необходимы инвестиции в транспортную доступность. Строящийся в порту Ванино терминал «Ванинотрансуголь» уже потребовал 15 млрд инвестиций. Так как проект признан приоритетным на федеральном уровне, в прошлом году он получил субсидию из бюджета в размере 3,2 млрд руб. Проекты, реализуемые в порту Ванино, регулярно признаются приоритетными на федеральном уровне и получают государственные субсидии.⁸

Порты Ванино и Советская Гавань имеют значительный потенциал в развитии интермодальных перевозок, завязанных на Северный морской путь. Они могут стать опорными точками для отправки грузов по Северному морскому пути на Байкало-Амурскую и Транссибирскую магистрали и далее – в другие регионы России и мира.⁹ Порты Ванино и Советская Гавань являются опорными узлами для роста эффективности Северного морского пути. Чтобы Северный морской путь работал эффективно, необходимо обеспечить вывод растущего объема грузов из этой транспортной артерии на Байкало-Амурскую и Транссибирскую магистрали и далее – в другие регионы России и мира. У портов большой потенциал роста благодаря наращиванию перевалки угля и сжиженных углеводородных газов, а также благодаря преференциям режима «Свободный порт Владивосток».

Таким образом, можно заключить, что явления нестабильности и политические факторы мировой торговли обуславлива-

ют благоприятные перспективы для реализации транспортно-логистического потенциала Ванино-Советско-Гаванского транспортно-промышленного узла Хабаровского края.

Список литературы:

1. Вороненко А. А. Перспективы российско-китайского сотрудничества в области освоения Северного морского пути и его коммерческого использования // Центр исследований ШОС и АТР ХГУ-ЭП. Научные публикации // http://sco-khvu.org/ru/publication_254/
2. Краснополяский Б. Х. Системообразующая роль инфраструктуры в формировании пространственных образований Арктической зоны мира. В сб. Пространственные исследования на Дальнем Востоке России: проблемы, результаты, перспективы : материалы международной научно-практической конференции (5 декабря 2017 г., Хабаровск) : сб. ст. / под ред. П. А. Минакира; Российская академия наук, Дальневосточное отделение, Институт экономических исследований. – Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2018. 90 с.
3. Круглов А. В. XXI век с успехами, надеждами и опасениями(о некоторых итогах экономического развития КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 1. С. 68–73.
4. Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / под ред. П. А. Минакира, В. И. Сергиенко ; Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исследований. – Владивосток : Дальнаука, 2011. 912 с.
5. Суслов Д. В. Проблемы и перспективы экономического взаимодействия КНР и России // Власть и управление на Востоке России. 2016. № 2. С. 22–33.

Библиографическое описание статьи

Зикунова И. В., Грейзик С. В. Транспортно-логистический потенциал Хабаровского края в контексте развития внешнеторгового потока через Северный морской путь // Власть и управление на Востоке России. 2018. № 4 (85). С. 82–89. DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-82-89

⁸ Колмар запустит 2-ю очередь терминала в порту Ванино к 2023 г. Neftegaz.RU URL.: <https://neftegaz.ru/news/view/175267-Kolmar-zapustit-2-yu-ochered-terminala-v-portu-Vanino-k-2023-g>

⁹ Эксперты: растущий интерес к освоению Арктики стимулирует развитие портов СМП. ТАСС. URL.: https://tass.ru/ekonomika/5394613?utm_referrer=

Irina V. Zikunova – Doctor of Economics, Associate Professor, Vice-Rector for Research, Khabarovsk State University of Economics and Law (134, Str. Tikhookeanskaya, Khabarovsk, 680042, Russian Federation). *E-mail: zikunova@mail.ru*

Sergey V. Greyzik – Junior Research Fellow, Research and Development Sector, Center for SCO and APR Research, Khabarovsk State University of Economics and Law (Khabarovsk, 680042, 134 Tikhookeanskaya Street, 134). *E-mail: sergreyz@gmail.com*

Transport and logistics potential of the Khabarovsk territory in the context of the development of foreign trade through the north sea route

Based on the structural and dynamic assessments of China's foreign trade position as the world's largest exporter and importer of goods from the European Union, the economic and geographical advantages of the Khabarovsk Territory Vanino-Soviet-Gavan transport and industrial hub (VSGTIH) in the context of forming a new transport route connecting Europe and Asia across the Northern Sea Route are substantiated. In order to substantiate the development prospects of VSGTIH, the results of the port infrastructure development, data on investment activity in this region, and institutional advantages of the free port regime are described. The work is of interest to professionals involved in transport logistics, the development of regional foreign trade systems, as well as potential investors and residents of the Free Port of Vladivostok.

Keywords: *world trade, export, import, Russia, China, European Union, Northern Sea Route, transport and logistics potential.*

References:

1. Voronenko A. L. Prospects for Russian-Chinese cooperation in the development of the Northern Sea Route and its commercial use *Tsentr issledovaniy SHOS i ATR KHGUEP* [SCO and ATP Research Center KSU. Scientific publications]. URL.: http://sco-khv.org/ru/publication_254/ (In Russian).

2. Krasnopolsky B. Kh. The strategic role of infrastructure in the formation of spatial formations of the Arctic zone of the world. On Sat Spatial research in the Far East of Russia: problems, results, prospects: materials of the international scientific-practical conference (December 5, 2017, Khabarovsk): Sat. Art. / ed. P.A. Minakira; Russian Academy of Sciences, Far Eastern Branch, Economic Research Institute.

Khabarovsk: IEI FEB RAS, 2018. 90 p. (In Russian).

3. A. Kruglov. XXI century with successes, hopes and fears (on some results of the economic development of the PRC. *Problemy Dal'nego Vostoka* [Problems of the Far East], 2000, no. 1, pp. 68–73. (In Russian).

4. Synthesis of scientific, technical and economic forecasts: Pacific Russia - 2050 / ed. P. A. Minakir, V. I. Sergienko; Grew up Acad. Auk, Dal'nevost. Department, Institute of Econ. research. Vladivostok: Dal'nauka, 2011. 912 p. (In Russian).

5. Suslov D.V. Problems and Prospects of the Economic Cooperation of the PRC and Russia. *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], 2016, no. 2, pp. 22–33. (In Russian).

Reference to the article

Zikunova I. V., Greyzik S. V. Transport and logistics potential of the Khabarovsk territory in the context of the development of foreign trade through the north sea route // *Power and Administration in the East of Russia*. 2018. No. 4 (85). Pp. 82–89. DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-82-89

DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-90-99

УДК 911.3:339.9

В. К. Резанов**К. В. Резанов****Е. В. Зверева****Тай Юйлян**

Трансграничные зонтичные структуры как основа приграничного международного кластера

Устойчивое развитие Дальнего Востока предопределяет совершенствование способов повышения эффективности внешнеэкономического сотрудничества приграничных территорий. Среди них важное место занимают инвестиционно-инновационные инструменты стратегического управления, представленные трансграничными зонтичными структурами (далее – ТГЗС). Главная цель исследования состоит в разработке методических и практических рекомендаций по созданию и эффективному функционированию трансграничных зонтичных структур как инструментов обеспечения инновационного типа устойчивого развития бизнеса и территорий. Показана особенность трансграничной территории как пространственного базиса ТГЗС и социально-экономической системы, описываемой совокупностью социально-эколого-экономических показателей. Разработан стратегический кластерный подход, опирающийся на принципы, стратегии устойчивого развития и частные стратегии ТГЗС, и сформирована исходная модель ТГЗС, как основы трансграничного кластера. Предложен механизм государственно-частного партнерства и разработана модель выбора оптимального управленческого решения на основе эколого-экономической критерия.

Ключевые слова: трансграничная территория, зонтичные структуры, стратегический кластерный подход, стратегии и модели трансграничных зонтичных структур, трансграничный кластер.

В настоящее время в социально-экономической политике нашей страны применительно к условиям Дальнего Востока основной упор делается на создание специальных экономических зон в виде территорий опережающего социально-экономического развития (далее – ТОСЭР), которые рассматриваются как полюсы инвестиционного роста и инновационного развития. Период функцио-

нирования ТОСЭР пока незначительный, поэтому делать выводы об их эффективности рано. Однако не следует упускать из виду опыт соседней страны – КНР – в формировании трансграничных зонтичных структур [Шухун и др., 2015].

Приграничность рассматривается в качестве одного из «... фундаментальных факторов, определяющих, с одной стороны, особенности деятельности хозяй-

Владимир Константинович Резанов – д-р экон. наук, профессор кафедры производственного менеджмента, Тихоокеанский государственный университет (680035, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 136). *E-mail: rezanov@mail.ru*

Константин Владимирович Резанов – канд. экон. наук, докторант кафедры экономики и менеджмента, Тихоокеанский государственный университет (680035, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 136). *E-mail: rezanov@mail.ru*

Елена Валерьевна Зверева – канд. экон. наук, доцент кафедры экономики и менеджмента в строительстве, Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, (190031, Россия, Санкт-Петербург, Московский пр. 9). *E-mail: zverev@mail.ru*

Тай Юйлян – преподаватель-исследователь, Тихоокеанский государственный университет (КНР). *E-mail: taiyuliang@foxmail.com*

ствующих субъектов, а с другой – «поле» конкурентоспособности товаров и услуг» [Заусаев и др., 2016. С. 30]. Рост значимости трансграничных и приграничных территорий связан с трансформацией объектов управления, с возникновением новой организации «много государств – рынок один» и свидетельствует об усилении коммуникативной функции границ как «фильтра» и «зоны интеграции» [Черная, Шинковский, 2005]. То есть, создается единая экономическая система с различной социально-культурной средой и с появлением сообщества с особым «пограничным состоянием» [Ильина, Михайлова, 2015]. При этом одни исследователи рассматривают трансграничную территорию как двухзвенную, говоря о парных группах приграничных территорий [Бакланов, Ганзей, 2008], другие ученые выделяют в их составе три уровня, а третьи различают четвертый уровень – трансграничный регион, отражающий внешнюю сторону процессов. «Международная трансграничная территория – это, как правило, комплексная географическая структура, сочетающая в себе определенные природные ресурсы, объекты инфраструктуры, расселение населения, а также его хозяйственную деятельность в границах крупной геосистемы» [Бакланов, Ганзей, 2008. С. 17]. Различают несколько типов трансграничных территорий [Бакланов, Ганзей, 2008]: природные, природно-ресурсные, природоохранные, социально-экономические, этно-культурные, геополитические. Их рассматривают как явления социально-эколого-экономического приграничного развития и сотрудничества, которые обладают следующими свойствами [Бакланов, Ганзей, 2008]: природной, природно-ресурсной и социально-экономической дифференциацией; асимметрией и асинхронностью природопользования; триггерностью, эмерджентностью или системностью развития. Условия, определяющие содержание трансграничной территории (далее – ТГТ) и влияющие на эффективность становления и развития ТГЗС подразделяются на общие и локальные условия. Общие условия – выгодное географическое положение, благоприятный климат, природноресурсный потен-

циал, стабильная нормативно-правовая основа, инвестиционная привлекательность, оргструктура управления, система налоговых льгот и других преференций, система учета и страхования рисков, налаженные внешнеэкономические связи, наличие стратегии ТГЗС. Локальные условия связаны с характеристиками конкретной зонтичной структуры в пределах административной единицы – наличием инфраструктуры, рабочей силы, приближенностью к рынкам сбыта, наличием транспортных узлов, конкурентоспособностью бизнеса, потенциалом развития.

Нами трансграничная территория рассматривается в контексте создания инновационных инфраструктурных образований – совместных ТГЗС, как инструмента взаимовыгодного сотрудничества и партнерства соседних стран [Резанов и др., 2016], т. е. речь идет о территориально-производственном комплексообразовании. В «условиях приграничной территории комплексообразование может выходить во внешне-экономические сферы через те или иные трансграничные звенья. В ряде случаев представляется возможным и эффективным использование инфраструктурных, энергетических и других потенциальных структур соседней страны» [Бакланов, Ганзей, 2008. С. 48]. Теория комплексообразования, разработанная в методологическом плане академиком П. Я. Баклановым, включает: 1) обоснование центров или ядер экономического комплексообразования; определение зон связанности, анализ совмещений и пересечений хозяйственных структур; оценку тенденций развития и разграничение процессов комплексообразования; 2) ядерную зону пространственного совмещения трансграничной геосистемы и сочетания экономических районов; 3) три приграничных экономических районов. То есть, ТГТ рассматривается как сложная и целостная **природно-общественно-территориальная система** (выделено П. Баклановым) [Бакланов, Ганзей, 2008. С. 67].

С учетом вышеперечисленного на первом этапе обоснования создания ТГЗС, опираясь на принципы и результаты выделения ТГТ, нами осуществлялся отбор

ТГТ, как образования трех приграничных экономических районов и как потенциальных объектов приложения для ТГЗС. Отбору предшествовало формирование системы критериев и показателей для социально-эколого-экономической оценки ТГТ. Среди экономических показателей нами рассматривались товарооборот, объем производства, доходы, показатели экспорта и импорта. Среди экологических показателей выделялись индекс загрязнения, объем потребления воды, объем производства древесины, индекс качества воды и площадь территории; социальные показатели были представлены количеством и плотностью населения, средней зарплатой, уровнем безработицы. Важно подчеркнуть, что оценка нами была проведена на региональном и на муниципальном уровнях. При этом оценка была интегральной социально-эколого-экономической, а интегрирование осуществлялось на основе определения отношения предпочтения показателей (табл. 1). Построение системы показателей в соответствии с рассмотренными выше принципами необходимо для анализа и мониторинга устойчивого развития ТГТ, для интегральной оценки их социально-эколого-экономического состояния с целью определения приоритетности и эффективности развития в них совместных трансграничных зонтичных структур и потенциальных кластеров.

Опираясь при формировании исходных принципов создания ТГЗС на системную методологию, особо следует подчеркнуть принцип многообразия или полиформизма. Последний означает, что трансграничные зонтичные структуры как базис и ядро кластерного образования должны рассматриваться как система моделей: социально-экономическая, экологическая, инвестиционно-инновационная, организационная [Резанов, Резанов, 2015 ; Резанов, 2010].

Безусловно, ТГЗС также должна рассматриваться как многомерное и многофункциональное интеграционное и инфраструктурно-инновационное образование [Резанов, Резанов, 2015]. Ее социальная функция состоит в том, чтобы содействовать обеспечению достойного и справедливого уровня благосостояния

населения (и персонала), формированию условий для гармоничного развития личности и сохранению образа жизни населения в рамках традиционного природопользования. Экологическая функция ТГЗС в широком смысле заключается в формировании биосферного сознания на основе коэволюции природы и общества, воссоздания биофилии, построения ноосферы посредством природоподобных и экологически адаптивных технологий. Экономическая функция ТГЗС состоит в создании благоприятных условий для производства с целью более полного удовлетворения многогранных потребностей общества на основе равновыгодного, справедливого международного сотрудничества и трансферта инноваций. Составной частью ТГЗС как интеграционного образования и залогом ее успешного функционирования является необходимая инфраструктура [Резанов и др., 2016; Резанов и др., 2016]. Как нам представляется, органичным элементом данной инфраструктуры должна стать система мониторинга устойчивого развития ТГЗС, построенная на основе системы сбалансированных показателей, а также структуры, отслеживающие и обеспечивающие получение интеграционных, синергетических эффектов в ТГЗС и кластере-комплексе. Более того, необходимо подчеркнуть, что одной из важнейших функций системы мониторинга является отслеживание и контроль за состоянием, уровнем и эффективностью взаимодействия между всеми субъектами и элементами глобальной и локальных ТГЗС. Состав инвестиционно-инновационной инфраструктуры весьма разнообразен и включает в себя инвестиционные (финансовые институты) и инновационные (научно-исследовательские институты, университеты и т. д.) структуры. Основными функциями этой инфраструктуры является привлечение капитала и технологий для инновационного типа устойчивого развития.

Организационные построения зонтичной структуры как экотехнопарка нами были рассмотрены ранее и включали в себя следующие элементы [Резанов, 2010]: инновационный центр и направления его деятельности, предприятия-

Таблица 1

**Интегральная социально-эколого-экономическая оценка
приграничных регионов КНР и РФ**

Провинция, регион	Область оценки			Оценка / Ранг провинции
	Экономическая	Экологическая	Социальная	
Хэйлунцзян – Еврейская автономная область	3,93	4,4	3,38	11,71/ 1
Внутренняя Монголия – Забайкальский край	1,88	4,22	2,79	8,89/ 2
Ляонин – Приморский край	2,01	3,08	3,76	8,85/ 3
Провинция Гирин – Приморский край	1,56	2,38	2,93	6,87/ 4

Источник: авторская разработка, 2017

участники, координационный совет и исполнительная дирекция, фонд развития инноваций (венчурный фонд) и фонды накопления предприятий, финансовые и инвестиционные организации, внешние источники финансирования, а также конкурсный отбор, вступительные взносы и участие общественных организаций. Безусловно, новым элементом организационных построений должно стать структурное подразделение, ответственное за международный аспект взаимодействия участников ТГЭС.

Социально-эколого-экономическая оценка управленческих решений рассматривается в качестве ключевого подхода к определению эффективности проектных инвестиций, который соответствует требованиям и принципам устойчивого развития [Резанов, Зверева, 2009; Уланова, 2004]. В этих условиях выбор наилучших инвестиционных решений должен производиться на основе экономических показателей и с более полным учетом долгосрочных социально-экологических последствий хозяйственной деятельности.

Участие предприятий в ТГЭС и в созданных в них различных инновационных структурах и проектах предопределяет

необходимость учета экономических интересов сторон. Ранее нами предлагалась общая модель управления инвестиционной прибылью от реализации совместных проектов [Резанов, 2010]. Модель формирования инвестиционной прибыли включала в себя минимальную норму прибыли на капитал, продолжительность инвестиционного процесса, темп инфляции, уровень инвестиционного риска и ликвидности вложений, а также особенности объекта инвестирования. Другим важным аспектом формирования и функционирования ТГЭС является проблема оптимального софинансирования. Она актуальна в рамках общественно-государственно-частного партнерства (далее – ОГЧП) при формировании национальных зонтичных структур и весьма важна при построении ТГЭС, которые должны также создаваться на равноправной, взаимовыгодной основе международного внешнеэкономического сотрудничества приграничных стран. Если в первом случае это обеспечение равновыгодных с экономической точки зрения пропорций в финансировании проектов государством и бизнесом, то во втором случае это соблюдение равновыгодных и справедливых соотношений в финансировании инвестиционных проектов пригра-

ничных сторон. Определение оптимального участия в софинансировании строится на обеспечении рациональных соотношений уровня эффективности и величины инвестиций участников проекта.

Оптимальное распределение инвестиций между участниками проекта можно представить в виде равенства между модифицированными внутренними нормами доходности для России и Китая (в данном исследовании):

$$MIRR^R = MIRR^C,$$

где $MIRR^R$ – модифицированная внутренняя норма доходности для России;

$MIRR^C$ – модифицированная внутренняя норма доходности для Китая.

Пусть α – доля финансирования России в проекте международной трансграничной территории ООО «Най Ли Лес» – промышленная зона в п. Приамурском. Тогда необходимо варьировать α в пределах $0 \leq \alpha \leq 1$ до тех пор, пока не будет достигнуто оптимальное значение данного критерия:

$$\min_{\alpha} |MIRR^R - MIRR^C|$$

Для этого необходимо воспользоваться начальным распределением инвестиций, т. е. на администрацию г. Биробиджан Еврейской автономной области приходится 7% всех инвестиций, а на ООО «Най Ли Лес» – промышленной зоне в п. Приамурском соответственно 93%. Для расчета модифицированной нормы доходности взяты различные ставки рефинансирования для России и Китая, поскольку инвестирование проекта происходит с помощью средств двух стран, в каждой из которых свое значение данного показателя. Для России была принята на уровне 9,25% (ставка рефинансирования по данным Центрального банка РФ), а для Китая – 4,35% (ставка рефинансирования по данным Народного банка Китая). Рентабельность была принята на уровне 10% для обеих стран, поскольку заказчиком проекта является администрация г. Биробиджан Еврейской автономной области, т. е. прибыль

будет получена с учетом особенностей деревообрабатывающей промышленности в России.

В таблице 2 приведены окончательные результаты процесса поиска оптимального варианта распределения инвестиций без учета годовой величины предотвращенного ущерба от загрязнения окружающей среды и с его учетом при начальном значении $\alpha_1 = 0,07$ и $(1 - \alpha_1) = 0,93$, точность расчетов задана равной $\varepsilon = 0,0001$, начальным шагом, равным $\text{Step} = 0,3$. В данном исследовании модифицированная внутренняя норма доходности рассчитана с помощью пакета прикладных программ MS Excel. Оптимальные значения с заданной точностью достигнуты, при этом модифицированная норма доходности для обоих инвесторов составляет 2,44% с учетом годовой величины предотвращенного ущерба от загрязнения окружающей среды и 9,51% без него.

Полученные результаты показывают, что значение объемов инвестиций между Администрацией г. Биробиджан Еврейской автономной области и ООО «Най Ли Лес» промышленной зоны в п. Приамурском может быть выбрано в интервале от 16,7% до 37% для России и соответствующее российскому значение от 63% до 83,3% для Китая. Применение данного алгоритма на стадии разработки проекта трансграничной территории позволит снизить сроки его окупаемости и тем самым усилить его инвестиционную привлекательность.

На наш взгляд, стратегический кластерный подход к формированию трансграничных зонтичных структур предполагает следующие этапы [Резанов и др., 2016; Резанов и др., 2017]: 1) подготовительный, включающий в себя формирование концепции ТГЗС и необходимой системы данных для анализа особенностей и основных характеристик условий и факторов трансграничной территории; 2) аналитический, представленный анализом условий и факторов функционирования ТГЗС и оценкой возможных проектов и участников ТГЗС; 3) организационно-структурный, который предполагает создание необходимых органов координирования, системы мер

Таблица 2

Доли распределения объема инвестиций

Инвестор	Доля инвестиций		Величина инвестиций (млрд. руб.)	
	с учетом ущерба (%)	без учета ущерба (%)	с учетом ущерба	без учета ущерба
Администрация г. Биробиджан Еврейской автономной области	0,167	0,370	2,104	10,492
ООО «Най Ли Лес», промышленная зона в п. Приамурском	0,833	0,630	4,661	7,935

Источник: авторская разработка, 2017

и механизмов управления; 4) оценочный, на котором производится оценка социально-эколого-экономической эффективности ТГЗС и устойчивого развития территории.

При этом разработка концепции формирования ТГЗС должна всецело опираться на парадигму устойчивого развития (далее – УР) и ее коэволюционные, адаптивные стратегии. Генеральной целью создания ТГЗС является обеспечение инновационного типа производства и содействие устойчивому социально-эколого-экономическому развитию трансграничной территории пограничных стран. Стратегическими целями являются обеспечение инвестиционно-инновационного развития экономики, трансферт новых адаптивных технологий, обеспечивающих экологизацию производства; содействие устойчивому развитию трансграничной территории, повышение уровня благосостояния и качества жизни населения, сохранение и воспроизводство благоприятных условий природной окружающей среды. Также необходимо рассматривать создание условий для формирования трансграничного кластера на основе сети взаимосвязанных зонтичных образований, мегаструктуры.

Создание трансграничной зонтичной структуры как ядра интеграционного образования лежит на двух основных направлениях [Резанов и др., 2017]. В первом случае, ее формирование определяется реализацией мегапроекта или системы различных инвестиционных проектов, а смысл управления состоит

в выборе лучших проектов. Во втором случае, ее создание возможно на основе успешных предприятий в полюсах конкурентоспособности или на основе научно-производственных комплексов, а также в точках наибольшей инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности. Рассмотренные частные стратегии формирования ТГЗС как интегрирующего элемента кластера могут быть реализованы на практике на основе четырех стратегий или моделей (табл. 3).

При формировании трансграничной зонтичной структуры необходимо исходить из того, что она является элементом и ядром будущих интеграционных образований, что предопределяет возможность и необходимость применения принципов кластерного управления [Резанов, Шихалев, Резанов, 2016; Резанов, Резанов, Та Юйлян, 2017]:

1) кластерную модель ТГЗС необходимо осуществлять в форме двуединого и сопряженного процесса формирования глобальной и локальных (районных) образований на основе внешнеэкономического взаимодействия;

2) ее реализация на практике должна строиться на сочетании корпоратизации и сетизации и наполнения последнего проектным управлением и кластерными технологиями;

3) кластерные технологии нами определяются как технология управления и составная часть кластерной политики, как система инструментов и методов, которая обеспечивает и поддерживает эффективную связанность предприятий в едином, целостном образовании;

Таблица 3

Стратегии формирования трансграничных зонтичных структур

Признак	Стратегии			
	Проектно-зонтичная	Корпоративно-зонтичная	Сетевая зонтичная	Корпоративно-сетевая зонтичная
Парадигма	Устойчивое социально-эколого-экономическое развитие			
Главная цель	Обеспечение инновационной экономики и устойчивого развития территории			
Базовая стратегия	Коэволюционная, адаптивная и кластерная стратегия устойчивого социально-эколого-экономического развития ТГТ			
Частные стратегии	Адаптационно-природоохранная, адаптивно-устойчивая, адаптивно-антихрупкая			
Тип ТГТ	Природоохранная, социально-экономическая, инновационная, инфраструктурная			
Основа создания	Система инвест-проектов или мегапроект	Полюсы роста на основе успешных предприятий; центров ипотечного кредитования	Сеть малых и средних предприятий	Синтез корпоратизации и сетизации
Механизмы развития	Государственная поддержка в форме преференций и налоговых льгот			
	Эффекты проектов	Эффекты производства	Эффекты взаимодействия	Синергизм управления
Фактор успеха	Инновации, мегапроект	Инновации, консолидация	Инновации, сотрудничество	Инновации, интеграция
Вид инноваций	Продуктовые, технико-технологические, управленческие, логистические			
Конкурентное преимущество	Совместная организация работ	Концентрация факторов производства	Гибкость, общая инфраструктура	Синергия централизации, адаптивности
Взаимодействия: сущность	Взаимодействия инвестпроектов	Взаимодействия внутрикорпоративное; взаимодействия корпоративного центра и ТГЗС	Взаимодействия участников сети; взаимодействия участников сети и ТГЗС	Взаимодействия внутреннее; сетевое; взаимодействия корпоративного центра и ТГЗС; взаимодействия сети и ТГЗС
вид	Производственные, технические, технологические, внешнеэкономические, рыночные, финансовые, инвестиционные, управленческие, инновационные, логистические, инфраструктурные, экономические, социальные, экологические			
партнерство	Общественно-государственно-частное – общественный контроль, господдержка, регулирование, софинансирование, частная инициатива, экономическая и социально-экологическая ответственность сторон			
форма интеграции	Мягкая, многомерная	Жесткая, иерархичная	Мягкая, многомерная, ценностная	Синтез корпоратизации и сетизации, многомерная
Управление: орган	Администратор мегапроекта (ТГЗС)	Управление корпораций; администратор ТГЗС	Функция управления сети; администратор ТГЗС	Функции корпоративного управления; администратор ТГЗС
методы	Рыночные, имущественные, корпоративные, кластерные, проектные, договорные, гражданско-правовые			
результат	Интегральная социально-эколого-экономическое устойчивое развитие			

Источник: Резанов, Резанов, Тай Юйлян, 2017.

4) локальные ТГЗС предлагаем формировать в точках наибольшей инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности на основе организации районных (межрайонных) ассоциаций предприятий;

5) действенными инструментами стратегического кластерного управления устойчивым развитием трансграничной территории должны стать система сбалансированных показателей, интегральная оценка инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности предприятий, управление мегапроектом, система преференций и льготного налогообложения инновационного типа устойчивого развития и развития общественно-государственно-частного партнерства;

6) системная оценка и мониторинг социальных, экологических и экономических эффектов трансграничной кластеризации.

Зонтичную структуру можно рассматривать как глобальную трансграничную мегаструктуру, представляющую форму межстранового или приграничного регионального сотрудничества, и как локальную районную модель. В основе структурной модели локальной ТГЗС должна лежать та же идея, что и в формировании глобальной модели, а именно: сочетание корпоратизации и сетизации и наполнение данного синтеза проектным управлением и кластерными технологиями, то есть развитие локальной зонтичной структуры может и должно осуществляться посредством нескольких частных стратегий.

Таким образом, создание и обеспечение эффективного функционирования трансграничной зонтичной структуры, как основополагающего элемента кластера, наиболее продуктивно на основе системной методологии и стратегического кластерного подхода при соблюдении принципов устойчивого развития и социально-эколого-экономической оценки эффективности управленческих решений. Дальнейшими направлениями исследования и совершенствования стратегического кластерного управления созданием и функционированием зонтичных структур должно стать развитие методологических оснований комплексно-

образования или кластеризации, методических положений по оценке синергетических эффектов и интегральной оценке социально-эколого-экономической эффективности зонтичной структуры как мегапроекта и основы кластера.

Список литературы:

1. Бакланов П. Я., Ганзей С. С. Трансграничные территории: проблемы устойчивого природопользования. Владивосток : Дальнаука, 2008. 216 с.

2. Го Шухун, Паньшин Б. Н., Зубарев А. Е. и др. Свободные экономические зоны и территории опережающего развития: опыт Китая и России. 2-е изд., доп. Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2015. 184 с.

3. Заусаев В. К., Бурдакова Г. И., Кручак Н. А. Сценарии развития и конкурентоспособность экономики Дальнего Востока // ЭКО. 2016. № 1. С. 26-35.

4. Ильина И. Н., Михайлова Е. В. Движущие факторы формирования транс-граничного сообщества на примере Российско-Финской и Российско-Китайской границ // Вестник ТОГУ. 2015. № 1 (36). С. 151-160.

5. Инвестиционная привлекательность лесного комплекса региона: типологическая оценка и дифференцированное управление / Под ред. В. К. Резанова. Владивосток : Дальнаука, 2010. 432 с.

6. Резанов В. К., Шихалев В. М., Резанов К. В. Управление интеграционным развитием лесного комплекса. Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2016. 200 с.

7. Резанов В. К., Резанов К. В., Тай Юйлян. Зонтичные структуры как инструмент повышения эффективности трансграничного сотрудничества и элемент приграничной кластеризации // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. ISSN 1999 – 2645. № 4 (48). Номер статьи: 4839. Дата публикации: 2016-12-15. Режим доступа: <http://eee-region.ru/article/4839/>

8. Резанов В. К. [и др.] Механизмы управления устойчивым развитием лесного комплекса / под ред. В. К. Резанова, К.В. Резанова. Владивосток : Дальнаука,

2015. 511 с.

9. Резанов В. К., Зверева Е. В. Эколого-экономическая оценка управленческих решений в производстве : Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2009. 155 с.

10. Резанов В. К., Резанов К. В., Тай Юйлян Стратегическое кластерное управление созданием и эффективной деятельностью трансграничных зонтичных структур // Экономический анализ: теория и практика. Том 16, вып.

12. 4. 2017. С. 105–144.

11. Уланова Н. Г. Эколого-экономические параметры инвестиционного проектирования // Природные ресурсы России: управление, экономика, финансы. 2004. №1. С. 42–56.

12. Черная И. П., Шинковский М. Ю. Приграничный регион в условиях глобализации: теоретико-концептуальные подходы // Пространственная экономика. 2005. № 2. С. 46–60.

Библиографическое описание статьи

Резанов В. К., Резанов К. В., Зверева Е. В., Тай Юйлян. Трансграничные зонтичные структуры как основа приграничного международного кластера // Власть и управление на Востоке России. 2018. № 4 (85). С. 90–99. DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-90-99

Vladimir K. Rezanov – Doctor of Economics, Professor of the production management chair, the Pacific state university (136, Tikhookeanskaya str., Khabarovsk, 680035, the Russian Federation). *E-mail: rezanov@mail.ru*

Konstantin V. Rezanov – Candidate of Economics, doctoral candidate of the economy and management chair, the Pacific state university (136, Tikhookeanskaya str., Khabarovsk, 680035, the Russian Federation). *E-mail: rezanov@mail.ru*

Elena V. Zvereva – Candidate of Economics, Associate professor of the Economy and management in construction chair, the Petersburg state university of means of communication of the Emperor Alexander I (9, Moskovskiy Lane, Saint-Petersburg 190031, the Russian Federation). *E-mail: zverelv@mail.ru*

Tai Yuylyan – teacher-researcher, the Pacific state university (China). *E-mail: taiyulian@foxmail.com*

Cross-border umbrella structures as a basis of the border international cluster

Sustainable development of the Far-Eastern predetermines improving the ways to improve economic cooperation in the border areas. Among them are the important investment-innovative tools for the strategic management, represented by the cross-border umbrella structures (CBUS). The main objective of the study is to develop methodological and practical recommendations for the establishment and effective functioning of the cross-border umbrella structures as innovative instruments for sustainable business and territories. The feature of the cross-border territory as a spatial basis of CBUS and socio-economic system, as described by the system of the socio-ecological-economic indicators is shown; strategic cluster approach based on the principles and strategies for sustainable development and private of CBUS strategy and formed the original CBUS model as a basis for the cross-border cluster. The mechanism of public-private partnership model and optimal management decision based on ecological and economic criteria is offered.

Keywords: cross-border territory, umbrella structure, strategic cluster approach, strategies and models cross-border umbrella structures, cross-border cluster.

References:

1. Baklanov P. Ya., Ganzey S. S. Trans-boundary territories: problems of sustainable environmental management. Vladivostok: Dal'nauka, 2008. p. 216. (In Russian).

2. Go Shuhun, B. Panshin, A.E. Zubarev and others. Free economic zones and territories of priority development: the experience of China and Russia. 2nd ed., ext. Khabarovsk: Pacific Publishing House. state University, 2015. 184 p. (In Russian).

-
3. Zausayev V. K., Burdakova G. I., Kruchak N. A. Scenarios of development and competitiveness of the economy of the Far East. *EKO* [EKO], 2016, no. 1, pp. 26-35. (In Russian).
 4. Ilina I. N., Mikhailova E. V. Driving factors of the formation of the trans-border community on the example of the Russian-Finnish and Russian-Chinese borders *Vestnik TOGU* [Bulletin of the Belarusian State University], 2015, no. 1 (36), pp. 151-160. (In Russian).
 5. The investment attractiveness of the forest complex of the region: a typological assessment and differentiated management / Ed. V.K. Rezanova. Vladivostok: Dal'nauka, 2010. 432 p. (In Russian).
 6. Rezanov V. K., Rezanov K. V., Tai Yuilyan. Umbrella structures as a tool to improve the efficiency of cross-border cooperation and an element of cross-border clustering *Regional'naya ekonomika i upravleniye: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Regional Economics and Management: electronic scientific journal] ISSN 1999 – 2645, no. 4 (48). Article number: 4839. Date of publication: 2016-12-15. Access mode: <http://eee-region.ru/article/4839/> (In Russian).
 7. Rezanov V. K. [et al.] Mechanisms for managing the sustainable development of the forestry complex / ed. V.K. Rezanova, K.V. Rezanova. Vladivostok: Dal'nauka, 2015. 511 p. (In Russian).
 8. Rezanov V. K., Shikhalev V. M., Rezanov K. V. Management of the integration development of the forest complex. Khabarovsk: Pacific Publishing House. state University, 2016. 200 p. (In Russian).
 9. Rezanov V. K., Zvereva E. V. Ecological and economic assessment of management decisions in production: Khabarovsk: FEDUPS Publishing House, 2009. 155 p. (In Russian).
 10. Rezanov V. K., Rezanov K. V., Tai Yuilyan. Strategic cluster management of the creation and efficient operation of trans-boundary zontic structures *Ekonomicheskiy analiz: teoriya i praktika* [Economic Analysis: Theory and Practice], vol. 16, issue. 4, 2017, pp. 105-144. (In Russian).
 11. Ulanova N. G. Ecological and economic parameters of investment design *Prirodnyye resursy Rossii: upravleniye, ekonomika, finansy* [Natural resources of Russia: management, economics, finance], 2004, no 1, pp. 42-56. (In Russian).
 12. Chernaya I. P., Shinkovsky M. Yu. Border Region in the Context of Globalization: Theoretical-Conceptual Approaches *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2005, no. 2, pp. 46-60. (In Russian).
-

Reference to the article

Rezanov V. K., Rezanov K. V., Zvereva E. V., Tai Yuilyan. Cross-border umbrella structures as the basis of a cross-border international cluster // Power and Administration in the East of Russia. 2018. No. 4 (85). Pp. 90-99. DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-90-99

DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-100-110

УДК 338 : 642.5

Т. В. Мазанкова

Трансформация рынка общественного питания в пореформенный период российского общества

В работе представлен анализ трансформации отрасли общественного питания (далее – ОП) с начала рыночных преобразований 1992 г. Выделены этапы этого процесса, качественно различающиеся с точки зрения движущих сил, структурных, организационных и экономических характеристик. Отмечается, что в научной литературе этапы развития ОП советского периода и периода до 1917 года не отражают взаимосвязи с инновационным развитием и факторами, влияющими на качество его услуг. Поэтому, с точки зрения изучения развития данной отрасли, в сложный период формирования рыночных отношений послесоветского периода данные классификации использовать не представляется возможным. В связи с этим сформулирована цель работы: обозначить этапы трансформации рынка сначала 90-х гг. XX в. как качественно различающиеся с точки зрения структурных, организационных и экономических характеристик. Представленный в статье анализ позволил выделить следующие этапы: первый (1992 – 1999 гг.) характеризуется глубокими институциональными и структурными изменениями; второй (2000 – 2008 гг.) – развитием конкуренции; третий 2009 г. – по настоящее время характеризуется развитием предприятий ОП на инновационной основе, широким использованием новых технологий, в том числе информационных. Эта периодизация позволяет понять логику и перспективы развития рынка ОП, возможности и направления его государственного регулирования и поддержки.

Ключевые слова: общественное питание, рыночные преобразования, этапы развития, институциональные изменения, развитие конкуренции, развитие на инновационной основе.

Введение. Снижение темпов развития ОП в последние годы усиливает внимание к изучению состояния, тенденций, проблем предприятий общественного питания (далее – ПОП) в России и не региональном уровне. Результативность применяемых государством инструментов регулирования снижается, что отражается в динамике основных показателей (темпы роста оборота ОП в сопоставимых ценах, рост количества ПОП и посадочных мест в них и др.) В связи с этим, возникает потребность в осмыслении развития ОП в непосредственной связи с применяемыми инструментами и методами государственного регулирования. Важно обозначить на линии развития точки, отделяющие друг от друга качественно отличающиеся периоды

развития ОП в нашей стране. Период реформирования экономики и становления рыночной экономики в России, по мнению ученых, завершен. За это время сформировались и укрепились институциональные основы рыночной экономики, изменилось мышление руководителей предприятий, сформировался слой собственников. С начала рыночных преобразований в нашей стране накоплены статистические данные о развитии ПОП, позволяющие проанализировать их развитие в новых рыночных условиях, проблемы, с которыми столкнулись субъекты рынка и направления регулирования. В развитии ОП можно выделить несколько этапов, помогающих понять логику и перспективы развития, а также моделировать дальнейшее развитие.

Татьяна Васильевна Мазанкова – канд. экон. наук, доцент, заведующий кафедрой экономики и управления на предприятиях торговли, Хабаровский государственный университет экономики и права (680000, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 134). E-mail: mazankovat@gmail.com

Периодизация развития ОП в России встречается в двух работах:

1. В работе Г. М. Романовой, Т. Е. Гварлиани, А. М. Романовой, Н. В. Баль [Романова, Гварлиани, Баль, 2010], в которой авторы выделяют 4 этапа развития ОП, начиная с XI века. В постсоветском периоде выделены третий («послеперестроечный») и четвертый («современный») этапы. При этом данная периодизация дается в связи с инновациями в ОП и инновационными формами сервиса;

2. В работе А. В. Исаенко, А. В. Королева [Исаенко, Королев, 2014. С. 91–97], где авторами предложены исторические этапы становления и развития с выделением ключевых факторов, оказывающих влияние на качество обслуживания потребителей. Периодизация включает 11 этапов начиная с периода «до 1917 г.». Периоду рыночных преобразований соответствуют последние три этапа: 9 этап (1989 – 1998 гг.), 10 этап (1998 – 2008 гг.), 11 этап (2008 г. – настоящее время). В данной классификации годы начала реформ 1992 – 1988 включены в 8 этап (1959 – 1989 гг.), что, с точки зрения анализа рыночных преобразований, не совсем корректно.

Недостаток исследований и отсутствие работ других авторов в выбранном нами направлении позволили сформулировать цель настоящей работы как выделение этапов развития ОП в период становле-

ния и формирования рыночных отношений в России.

Методы исследования. Выбор цели определил методы исследования, а именно: аналитические, графические, статистические, экономико-математические, методы анализа, методы корреляционного анализа, анализ исследований других ученых, системный подход, экспертный анализ.

Информационной основой исследования явились официальные статистические данные, размещенные на сайте Росстата, работы Н. В. Баль, Т. Е. Гварлиани, А. В. Исаенко, В. М. Каточкова, А. А. Киселева, А. В. Королева, В. А. Кундиус, И. В. Оттевой, Ю. А. Пчелинцевой, Г. М. Романовой, А. М. Романовой, Е. Д. Сторожевой, Н. В. Трушиной, А. П. Тяпухина, Е. В. Черновой и других авторов.

Результаты исследования. Качественное состояние ОП можно охарактеризовать с использованием общепринятых в научной литературе экономических, структурных, рыночных характеристик, таких как: темпы роста оборота ОП, потребительские расходы населения, количества ПОП, сетевых заведений и дат их открытия, структуры оборота ОП и других показателей. Динамика ключевых показателей представлена ниже. На основе их изучения авторами были выделены 3 этапа развития ОП.

Рис. 1. Динамика оборота общественного питания и индекса промышленного производства в сопоставимых ценах в РФ, в % к предыдущему периоду

На рисунке 1 четко выделяются 3 периода: первый (1992 – 1999 гг.), нестабильный, характеризующийся скачкообразным ростом; второй (2000 – 2008 гг.), период устойчивого роста; третий (2009 г. – по наст. время), восстановления после кризиса 2008 – 2009 гг. Динамика темпов роста оборота общественного питания не противоречит динамике другого важного показателя «индекс промышленного производства». Также видна связь между этими показателями. Изменение индекса промышленного производства происходило более плавно по сравнению с показателем оборота общественного питания.

1 этап. Институциональные изменения. По мнению авторов, 1 этап начинается с 1992 г. и продолжается приблизительно до 2000 г. Для него характерны глубокие институциональные изменения. В этот период происходили: создание кооперативов и приватизация предприятий, конкурсы и аукционы, аренда. Приватизация до 1994 г. происходила преимущественно чековая, а после – денежная. Для торговли и общественного питания были характерны более высокие темпы приватизации, чем в других отраслях. К 1996 г. «малая приватизация» практически состоялась, при проведении приватизации наблюдался сдвиг в пользу приватизации трудовыми коллективами.

Опережающий рост приватизации в торговле и ОП отмечает также в своей работе Е. В. Чернова [Чернова, 2007. С. 77–84]. Ею же называются причины, объясняющие такой рост количества приватизированных предприятий торговли и общепита, а именно:

– высокий уровень доходности торгово-посреднической деятельности и быстрый оборот капитала;

– отсутствие у населения достаточного стартового капитала на долговременные инвестиции в производство;

– нестабильность законодательства и политической обстановки;

– отсутствие у коммерсантов производственного опыта.

Ускоренная приватизация привела к существенным изменениям в структуре оборота ОП (табл. 1).

Если до начала реформ оборот предприятий негосударственной собственности составлял около 14 % всего оборота, то в 2000 г. уже почти 80%, т. е. рост в 5,7 раз. Предприятия не просто приватизировались, в этот период ПОП активно перепродавались. Собственники предприятий менялись неоднократно. В итоге, сформировались основные игроки рынка, представившие рынку национальные и зарубежные сетевые концепции. Как отмечает в своей работе А. А. Киселев [Киселев, 2016. С. 68–72], образовались слои населения, незаинтересованные в возврате государственной экономики и ориентированные на повышение эффективности собственности.

Другие важные структурные изменения этого этапа заключались в стремительном сокращении сети ПОП при учебных заведениях, промышленных предприятиях, организациях и т. д. Причинами сокращения «закрытой» сети являлись переход в частные руки предприятий питания при данных организациях и учреждениях, а также закрытие предприятий питания в связи с ликвидацией и реорганизацией муниципальных и государственных учреждений. Система промышленного питания была практически разрушена, повсеместно происходил отказ от заводских столовых.

ПОП сталкивались в этот период с

Таблица 1

Структура оборота предприятий ОП по формам собственности в Российской Федерации

Показатель	1990	1995	2000
Оборот предприятий ОП всего, в том числе по формам собственности, %	100	100	100
государственная, муниципальная	85,9	33,6	20,3
негосударственная	14,1	66,4	79,7

Источник: составлено автором по данным сайта <http://www.gks.ru/>

Таблица 2

Темпы роста оборота ОП в Российской Федерации в сопоставимых ценах к предыдущему году, %

Показатель	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Индекс промышленного производства в сопоставимых ценах к предыдущему году, %	96,7	95,5	102,0	94,8	111,0	111,9
Темпы роста оборота ОП в сопоставимых ценах к предыдущему году, %	78,7	103,4	99,4	94,2	86,7	111,8

Источник: составлено автором по данным сайта <http://www.gks.ru/>

множеством проблем. Самыми значительными были проблемы, связанные с разрушением системы оптового снабжения предприятий, заново происходило налаживание связей с поставщиками. Недостаток собственных оборотных средств, финансовые трудности, отсутствие управленческого опыта функционирования в рыночной экономике, избыточность государственного регулирования негативно сказывались на эффективности работы ПОП.

Система государственного снабжения отрасли ОП была разрушена, новая еще не сформировалась, и рыночная экономика отличалась незрелостью, ОП в этот период показывало невысокие темпы роста, в среднем за период 1995 – 2000 гг. темпы роста оборота общественного питания отставали от индекса промышленного производства приблизительно на 6% (табл. 2).

Для этого периода значимыми проблемами для ПОП были также финансовые трудности, недостаток собственных оборотных средств, избыточность государственного регулирования.

Сопоставление темпов роста оборота ОП в сопоставимых ценах и доли расходов домохозяйств на питание (включая и питание вне дома) позволяет также выделить 3 периода (рис. 2). На первом этапе до 1999 г. происходит постепенный рост расходов домохозяйств на питание, во второй период с 2000 до кризисного 2009 г происходит постепенное снижение расходов на питание. В третий период доля расходов на питание стабилизировалась, но на уровне выше, чем уровень 2009 г.

Объем расходов на питание населения на 1 этапе был высок (около 60% всех потребительских расходов тратилось на домашнее питание и питание вне дома).

Рис. 2. Сопоставление доли расходов на питание вне дома в потребительских расходах домашних хозяйств и темпов роста оборота ОП

В структуре потребительских расходов доля расходов на питание вне дома сократилась к 2000 г. до 2,1%.

2 этап. Развитие конкуренции. Продолжается приблизительно с 2000 года. Характеризуется усилением конкуренции на рынке. В этот период происходит активное распространение зарубежных и отечественных сетей ОП, создаются региональные сетевые концепции. Названия и даты открытия первых наиболее известных сетевых заведений представлены в таблице 3. И хотя наибольшее количество сетей было открыто на 1 этапе до 1999 г., их активное развитие началось уже позже. На протяжении второго и третьего этапов количество сетей на российском рынке только увеличивалось. По названиям сетей в таблице 3 можно видеть, что максимальное вхождение на российский рынок иностранных сетей наблюдалось во время 1 этапа, на втором этапе в основном открывались отечественные региональные сети, на 3 этапе вновь ин-

терес к российскому рынку иностранных компаний усиливается.

По данным интернет-обзоров¹ в 2008 г. в России уже работали около 30 сетей ОП, под управлением которых находились около 690 заведений.

Бурное развитие в первую очередь происходило в связи с ростом доходов населения. Изменяется структура потребительских расходов россиян. В структуре расходов домохозяйств совокупные расходы на питание сокращаются. За период 2001 – 2008 гг. совокупная доля расходов на питание сократилась на 16%, доля же расходов на питание вне дома выросла до 2,8%. Такая ситуация была характерна для большинства регионов. Например, увеличение расходов на питание вне дома в г. Хабаровске Хабаровского края, связанное с ростом среднедушевых расходов населения отмечает также в своей работе И. В. Оттева [Оттева, 2007. С. 79–88]. Аналогичные выводы сделаны и другими авторами А. П. Тяпухиным и Ю. А. Пчелинцевой [Тяпухиным, Пчелин-

Таблица 3

Даты открытия первых точек и названия сетевых концепций ОП в России

1 этап 1992 – 1999 гг.	2 этап 2000 – 2008 гг.	3 этап 2009 – 2017 гг.
PizzaHut, 1989 McDonald's Corporation, 1990 Dunkin' Brands, 1990 Baskin-Robbins, 1992 KFC, 1993 Стардогс, 1993 ДоккаПицца, 1994 Подорожник, 1995 Ёлки-палки, 1996 Sbarro, 1997 Subway, 1998 Domino's Pizza, 1998 Крошка-картошка, 1998 Корчма Тарас Бульба, 1999 Теремок, 1999 Якитория, 1999 Планета суши, 1999 и другие	Му-му, 2000 Чайная ложка, 2001 Шоколадница, 2001 Кофемания, 2001 Жили-были (Печки-лавочки), 2002 Вилка-Ложка, 2002 Синьор-Помидор, 2003 Едок, 2003 Carl's Jr., 2006 Starbucks Corporation, 2007 и другие	Cinnabon, 2009 Burger King, 2010 Суши Wok, 2011 Рыба.Рис, 2011 Даблби, 2012 и другие

Источник: составлено автором.

¹ Долой кухонное рабство. Обзор рынка сетевого общественного питания в России. URL: <http://www.foodmarket.spb.ru/current.php?article=1726> (дата обращения 10.08.2017)

цевой, 2005. С. 83–87], анализируя рынок Оренбургской области, эти ученые рассчитали коэффициент эластичности спроса на услуги ОП. Согласно их расчетам при увеличении среднедушевых доходов населения происходил рост спроса на продукцию ОП на 1,2%.

Под влиянием увеличения расходов на питание вне дома увеличивалось количество общедоступных ПОП. Конкуренция на рынке повышалась. Продолжало увеличиваться количество общедоступных ПОП, работающих в форматах средних и низких цен (в структуре сети ОП увеличивалась доля общедоступных ПОП и посадочных мест в них). В то же время, усиление конкуренции сопровождалось не только снижением цен, но и новыми формами конкурентной борьбы. Например, Е. В. Чернова в своей работе [Чернова, 2007. С. 77–84] исследуя конкурентные отношения на рынке ОП отмечала следующие формы конкурентной борьбы: через повышение качества услуг, через дифференциацию услуг (шведские столы, салат-бары, кейтеринг, доставку готовых блюд).

Для этого этапа отмечалась еще одна тенденция, характерная для многих регионов – это процессы интеграции ПОП с торговыми, развлекательными и спортивными организациями и учреждениями, в результате чего происходило более полное

удовлетворения потребностей населения.

Увеличение доходов населения, увеличение количества ПОП привели к тому, что темпы роста оборота ОП в сопоставимых ценах в процентах к предыдущему году повышались (рисунок 3). Линейный тренд, построенный с использованием программы Excel, показывает уравнение вида:

$$Y = 1,1262x + 105,91,$$

при аппроксимации $R^2 = 0,5975$,

где Y – темпы роста оборота ОП к предыдущему году в сопоставимых ценах.

Изменилась также и структура оборота ОП. В структуре оборота ОП по хозяйствующим субъектам к 2008 году 37,3% оборота производилось средними и крупными предприятиями; 33,3% – малыми предприятиями; 29,4% – индивидуальными предпринимателями, осуществляющими деятельность ОП.

В структуре оборота ОП по формам собственности происходило дальнейшее сокращение оборота ПОП государственной и муниципальной форм собственности. К 2008 г. их доля составляла всего 6,4%. Доля оборота ПОП частной формы собственности составила 76,3%, других форм собственности – 17,3%.

Стимулируя развитие ОП, государство создало возможности для сокращения налоговой нагрузки. В 2003 г. были введены упрощенная система на-

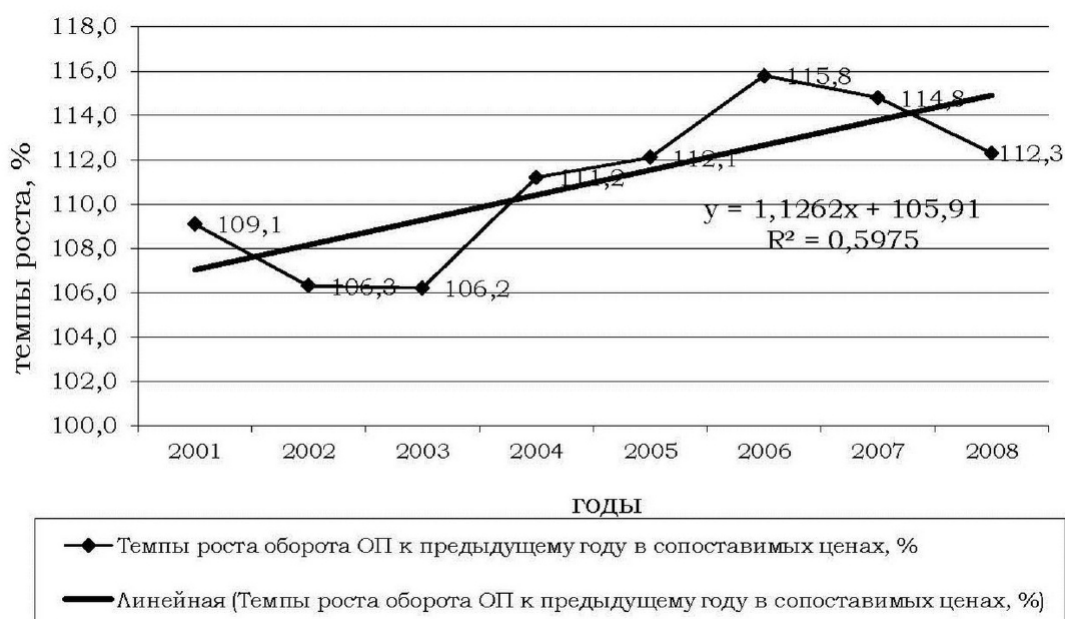

Рис. 3. Динамика темпов роста оборота ОП в 2001 – 2008 гг.

логообложения (УСН), единый налог на вмененный доход (ЕНВД). Применение указанных режимов снизило налоговую нагрузку ПОП. Однако, увеличение темпов роста оборота ОП наблюдалось только в течение 2003 – 2006 гг., затем в 2007 г. произошло снижение темпов прироста оборота ОП.

3 этап. Развитие на инновационной основе. Начинается в кризисные 2008 – 2009 гг. и продолжается по настоящее время. Кризис 2008 – 2009 гг. обострил экономические проблемы предприятий, как следствие, заставил собственников и руководителей пересмотреть модели организации и управления бизнесом. Началось развитие ПОП на основе внедрения

информационных систем, новых технологий, внедрения инноваций.

Конкурентная ситуация на рынке в это период характеризуется как монополистическая конкуренция (исследована в предыдущей работе автора, [Мазанкова, 2014. С. 18–23]). Г. М. Романовой рынок этого периода также определяется как «несовершенная конкуренция» когда «основные игроки рынка, пришедшие в 90-е гг., диктуют моду и вкусы в этой сфере, предлагая рынку разные форматы предприятий питания и технологии обслуживания, при этом каждый занимает свою нишу рынка» [Романова, Гварлиани, Баль, 2010].

Наблюдается изменение структуры

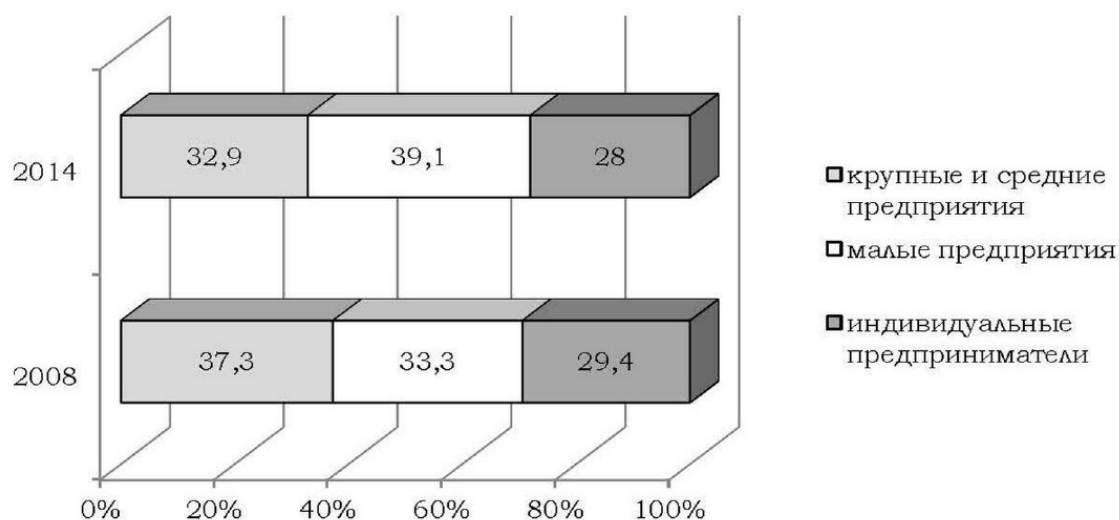

Рис. 4. Динамика структуры оборота ОП по типам хозяйствующих субъектов

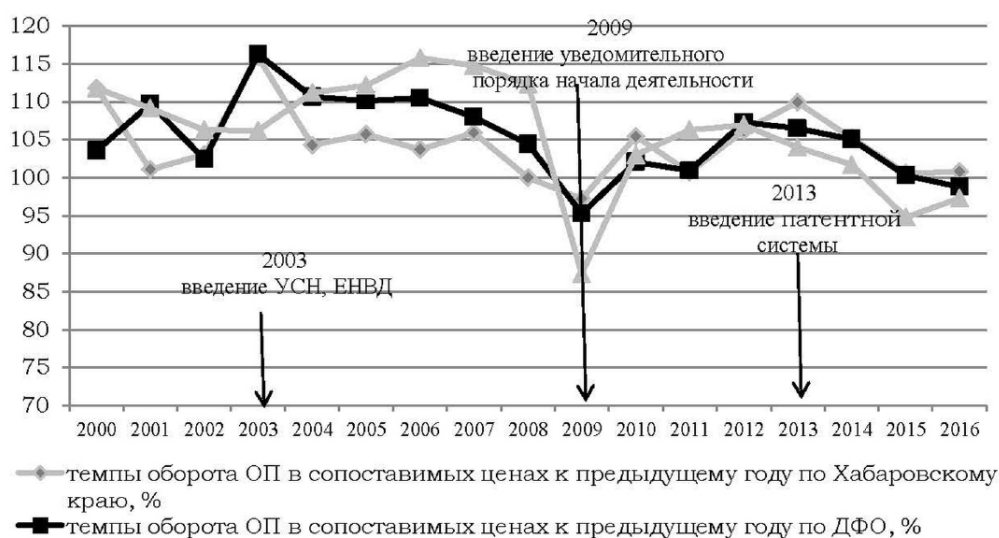

Рис. 5. Отражение регуляторов рынка ОП на динамике темпов роста оборота ОП в сопоставимых ценах

рынка в пользу сектора массового питания. Происходит изменение культуры питания населения, повышается интерес к национальным кухням, как способу познания других культур, сокращается несоответствие цены и качества обслуживания в соответствии с мировыми показателями. Стремительно увеличивается количество кафе и ресторанов в торговых центрах, появляются фуд-корты.

Структура оборота ОП по хозяйствующим субъектам (рисунок 4) продолжает изменяться в сторону увеличения доли малого предпринимательства. В 2014 году доля крупных и средних предприятий ОП в обороте ОП снизилась до 32,9%; доля малых предприятий и микропредприятий увеличилась до 39,1%; доля индивидуаль-

ных предпринимателей незначительно снизилась до 28%.

По сравнению с 2008 г., доля ИП незначительно снизилась, увеличилась на 5,8% доля малых предприятий, за счет снижения доли крупных и средних предприятий (на 4,4%) и доли ИП (на 1,4%). Сфера ОП сегодня – это в основном малое предпринимательство, со своими достоинствами и проблемами. Стимулируя дальнейшее развитие, государство в 2009 году отменило разрешительный и ввело уведомительный порядок начала деятельности (рисунок 5). Это оказало сильное стимулирующее воздействие. Темпы роста оборота ОП возрастали на протяжении 2010-2012 гг., а в Хабаровском крае и в 2014 году. Но в дальнейшем

Таблица 4

Этапы развития ОП в пореформенный период

Этапы	Характеристика
1 этап: 1990 – 1999 гг. Институциональные изменения	Приватизация предприятий, закрытие или переход в частные руки сети предприятий в организациях, учреждениях, сокращение сети «закрытых» ПОП, становление рыночных отношений, формирование основных игроков на рынке, проникновение на рынок зарубежных сетей ОП, возникновение национальных сетевых концепций. Темпы роста оборота ОП нестабильные. Низкая доля расходов населения на услуги ОП
2 этап: 2000 – 2008 гг. Развитие конкуренции	Усиление конкуренции: развитие ценовой и неценовых форм конкуренции, структурные изменения, активное развитие сетевых концепций общедоступных ПОП. Развитие на основе интеграции ПОП с торговыми, спортивными, развлекательными учреждениями и организациями. Темпы роста оборота ОП высокие. Доля расходов населения на услуги ОП повышается при одновременном снижении совокупных расходов на питание. Изменение в государственном регулировании ОП, введение упрощенной системы налогообложения, единого налога на вмененный доход
3 этап 2009 г. – настоящее время Развитие на инновационной основе	Обострение конкурентной ситуации, развитие на основе внедрения новых инновационных технологий производства и обслуживания, автоматизированные программы, облачные кассы, мобильные приложения, электронные меню. Динамика темпов роста оборота ОП положительная, но темпы роста ниже, чем на предыдущем этапе. Упрощение государственного регулирования: введение уведомительного порядка начала деятельности, введение патентной системы, усиление «прозрачности» реализации алкогольной продукции, внедрение ЕГАИС, он-лайн касс. Изменение культуры питания, изменение структуры рынка в пользу массового питания. Доля расходов на услуги ОП повышается

Источник: составлено автором.

стало наблюдаться их снижение. В 2013 году была введена патентная система налогообложения. Но стимулирующего влияния эта система на развитие ОП не оказала. К настоящему времени (как отмечалось ранее в работе Т. В. Мазанковой [Мазанкова, 2014. С. 88]) мы наблюдаем смену концептуальной основы и идеологии государственного регулирования и контроля ОП, упор стал делаться не на карательную функцию и контрольно-надзорную составляющую, а на превентивные меры, такие как профилактика нарушений обязательных требований законодательства, вынесение предписаний об их устранении, выдачу соответствующих рекомендаций, оказание содействие предпринимателям.

Негативное влияние на показатель оборота ОП оказали также санкции по запрету ввоза части продуктов питания, необходимых ПОП для своей деятельности, последовавшее за этим изменение соотношения курсов валют, разрушение налаженных связей с поставщиками, общее снижение реальных доходов населения.

Обобщая общедоступные статистические показатели развития ОП, применяемые инструменты государственного регулирования, результаты исследований других ученых, представим характеристику развития ОП в пореформенный период (табл. 4).

Таким образом, проведенный в работе анализ позволил выделить три этапа: первый 1992 – 1999 гг., характеризуется глубокими институциональными и структурными изменениями, второй 2000 – 2008 гг. характеризуется развитием конкуренции, третий 2009 г. – по настоящее время характеризуется развитием предприятий ОП на инновационной основе, широким использованием новых технологий, в том числе информационных. Понимание тенденций, этапов, логики развития ОП необходимо для разработки корректных государственных программ и определения адекватных изменяющейся ситуации инструментов регулирования. Данная периодизация позволяет понять логику и перспективы развития рынка общественного питания, возможности и направления дальнейшего его государственного регулирования и поддержки.

Список литературы:

1. Исаенко А. В., Королев А. В. Генезис рынка услуг общественного питания в России // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2014. № 3 (51). С. 91–97.
2. Каточков В. М. Сторожева Е. Д. О состоянии рынка услуг общественного питания в Челябинске // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2007. № 27. С. 8–13. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16213842> (дата обращения 10.08.2017)
3. Киселев А. А. Реформирование сферы торговли и общественного питания в Карелии (1991 – 1993 гг.) // Вестник Костромского государственного университета. Том 22. 2016. №. 5. С. 68–72. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27397826> (дата обращения 14.08.2017).
4. Кундиус В. А., Трушина Н. В. Проблема формирования механизма прямого взаимодействия предприятий общественного питания и сельского хозяйства на региональном продовольственном рынке // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2007. № 11 (37). С. 65–69. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=10229863> (дата обращения 14.08.17).
5. Мазанкова Т. В. Государственное регулирование рынка услуг общественного питания : монография. Курск: Из-во ЗАО «Университетская книга», 2017. 201 с.
6. Мазанкова Т. В. Опыт структурного анализа и оценки конкурентной ситуации в общественном питании региона (на примере Хабаровского края и г. Хабаровска) // Прикаспийский журнал: управление и высокие технологии. 2014. № 3 (27). С. 18–33.
7. Николаева Т. Т., Фадеева З. О. Особенности услуг предприятий общественного питания на современном этапе развития отрасли // Известия Уральского государственного экономического университета. 2007. № 1 (18). С. 10–16.
8. Оттева И. В. Особенности развития рынка услуг общественного питания Хабаровска // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2007.

№ 2. С. 79–88. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_1_2042098_40331551.pdf (дата обращения 15.08.17).

9 Романова Г. М., Гварлиани Т. Е., Романова Л. М., Баль Н. В. Индустрия питания: современные инновационные процессы и их оценка / под ред. проф. Г. М. Романовой. М. : Финансы и статистика, 2010.

10. Тяпухин А. П., Пчелинцева Ю.А. Современные тенденции развития рынка предприятий общественного питания

Оренбургской области // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 5. С. 83–87. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11664235> (дата обращения 15.08.17).

11. Чернова Е.В. Конкурентные отношения на рынке услуг общественного питания // Экономика и управление. 2007. № 3. С. 77–84. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9595828> (дата обращения 10.08.2017).

Библиографическое описание статьи

Мазанкова Т. В. Трансформация рынка общественного питания в пореформенный период российского общества // Власть и управление на Востоке России. 2018. № 4 (85). С. 100–110. DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-100-110

Tatyana V. Mazankova – Candidate of Economics, Associate Professor of the chair of economics and management at the trade enterprises, the Khabarovsk State University of Economics and Law (134, Str. Tikhookeanskaya, Khabarovsk, 680042, Russian Federation). E-mail: mazankovat@gmail.com

Stages of development of public catering in the post-reform period

The author highlighted the stages of development of public catering from the beginning of the early-night reforms in 1992 qualitatively different in terms of the driving forces, structural, organizational and economic characteristics. The stages of development of public catering presented earlier in literature include the Soviet period and the period till 1917 and reflect interrelations with the innovative development and the factors influencing quality of services of public catering. From the point of view of in-depth study of the development of public catering in the difficult period of market formation in the post-Soviet period, these classifications are not possible to use. In this regard, the aim of the work is formulated: to identify the stages of development of public catering after 1992, qualitatively different in terms of structural, organizational and economic characteristics. Three stages: the first 1992-1999 years, characterized by profound institutional and structural changes, the second 2000-2008 years characterized by the development of competition, the third 2009-is currently characterized by the development of catering enterprises on an innovative basis, the widespread use of new technologies, including information. This periodization makes it possible to understand the logic and prospects for the development of the public catering market, the possibilities and directions of its state regulation and support.

Keywords: public civil service, main directions of development of the public civil service, method of road mapping, standard legal support of the road map, organizational and control providing the road map.

References:

1. Isaenko A.V., Korolev A.V. Genesis of the market of public catering services in Russia. *Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava* [Bulletin of Belgorod University of Cooperation, Economics and Law], 2014, no. 3 (51), pp. 91–97. (In Russian).

2. Katochkov V. M. Storozheva E. D. On the state of the market of public catering

services in Chelyabinsk. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i menedzhment* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Economics and Management], 2007, no. 27, pp. 8–13. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16213842> (the date of appeal 10.08.2017) (In Russian).

3. Kiselev A. A. Reforming the sphere of trade and public catering in Karelia (1991 – 1993). *Vestnik Kostromskogo go-*

sudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kostroma State University], vol. 22, 2016, no. 5, pp. 68–72. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27397826> (the date of appeal 14.08.2017). (In Russian).

4. Kundius V. A., Trushina N. V. The Problem of Forming a Mechanism of Direct Interaction of Catering and Agriculture Enterprises in the Regional Food Market. *Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Altai State Agrarian University Bulletin], 2007, no. 11 (37), pp. 65–69. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=10229863> (the date of appeal 14.08.17). (In Russian).

5. Mazankova TV. State regulation of the market of public catering services: a monograph. Kursk: Due to Universitetskaya Kniga, 2017. 2017 p. (In Russian).

6. Mazankova TV. Experience of structural analysis and evaluation of the competitive situation in public catering of the region (on the example of the Khabarovsk Territory and the city of Khabarovsk) *Prikaspiyskiy zhurnal: upravleniye i vysokkiye tekhnologii* [Prikaspiysky Journal: Management and High Technologies], 2014, no. 3 (27), pp. 18–33. (In Russian).

7. Nikolaeva T. T., Fadeeva Z. O. Features of the services of public catering enterprises at the present stage of development of the industry. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo uni-*

versiteta [News of the Ural State University of Economics], 2007, no. 1 (18), pp. 10–16. (In Russian).

8. Otteva I. V. Features of the development of the market of public catering services in Khabarovsk. *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Pacific State University], 2007, no. 2, pp. 79–88. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_1_2042098_40331551.pdf (the date of appeal 15.08.17). (In Russian).

9 Romanova G. M., Gvarliani T. E., Romanova L. M., Bal N. V. Food Industry: Modern Innovation Processes and Their Assessment / ed. prof. G. M. Romanova. M.: Finance and Statistics, 2010. (In Russian).

10. Tyapukhin A.P., Pchelintseva Yu.A. Current trends in the development of the market of public catering enterprises of the Orenburg region. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Orenburg State University], 2005, no. 5, pp. 83–87. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11664235> (appeal date 08/15/17). (In Russian).

11. Chernova E.V. Competitive relations in the market of public catering services. *Ekonomika i upravleniye* [Economy and Management], 2007, no. 3, pp. 77–84. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9595828> (the date of appeal 10.08.2017). (In Russian).

Reference to the article

Mazankova T. V. Stages of development of public catering in the post-reform period // Power and Administration in the East of Russia. 2018. No. 4 (85). Pp. 100–110. DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-100-110

DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-111-119
УДК 314.15+314.3(571.6)

М. А. Буланова

Оценка реализации демографической политики в Хабаровском крае

В статье рассматриваются оценка демографической ситуации в Хабаровском крае и определение вероятности достижения целевых ориентиров. В качестве основных целевых ориентиров демографической политики определены устойчивый естественный рост численности населения и ожидаемой продолжительности жизни при рождении. Для роста численности населения необходимы позитивная динамика в процессах рождаемости и смертности. Анализ рождаемости показал тенденции к ее снижению, так как в детородный возраст вышло малочисленное поколение 90-х гг. и численность женщин репродуктивного возраста уменьшается. Смертность населения в Хабаровском крае снижается, но темпами ниже среднероссийских. В результате в Хабаровском крае намечается тенденция к естественной убыли населения. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в Хабаровском крае ниже среднероссийской на три года. Достижение запланированного результата по ожидаемой продолжительности жизни при рождении в Хабаровском крае вызывает сомнения.

Ключевые слова: демографическая политика, оценка, целевые ориентиры, рождаемость, смертность, смертность населения, ожидаемая продолжительность жизни.

В соответствии с Концепцией демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. и Указа Президента РФ № 204 от 12.05.2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации до 2024 г.»¹ основными целями демографической политики является увеличение устойчивого естественного роста численности населения Российской Федерации и ожидаемой продолжительности жизни. В таблице 1 представлены основные целевые ориентиры демографической политики, указанные в данных документах.

С учетом национальных целей в стратегии социально-экономического развития Хабаровского края до 2030 г. отражены ориентиры демографического развития.

В стратегии предусмотрены три основных целевых ориентира: рост численности населения, ожидаемой продолжительности жизни при рождении и суммарного коэффициента рождаемости². В ряде субъектов Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО) в качестве целевых ориентиров дополнительно определены увеличение продолжительности здоровой жизни, снижение коэффициента смертности от болезней системы кровообращения, новообразований.

Возможно ли достижение данных целей? Попытаемся ответить на данный вопрос, проанализировав демографическую ситуацию в Хабаровском крае. Поэтому целью статьи является оценка демографической ситуации в Хабаровском крае и

¹ Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. : указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 г. № 1351 [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система Консультант плюс.

² Об утверждении стратегии социально-экономического развития Хабаровского края до 2030 г. : постановление правительства Хабаровского края от 13.06.2018 г. №215-пр [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система Консультант плюс.

Марина Алексеевна Буланова – канд. социол. наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления и служебного права, Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС (680000, Россия, Хабаровск, ул. Муравьева Амурского, д. 33). E-mail: bulanova_marina@rambler.ru

Таблица 1

Целевые ориентиры демографической политики

Документ	Цели демографической политики до 2024 г.
Указа Президента РФ № 204 от 12.05.2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации до 2024 года»	обеспечение устойчивого естественного роста численности населения Российской Федерации; повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет; увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни до 67 лет; увеличение суммарного коэффициента рождаемости до 1,7; Снижение показателей смертности: смертности населения трудоспособного возраста (до 350 случаев на 100 тыс. населения), смертности от болезней системы кровообращения (до 450 случаев на 100 тыс. населения), смертности от новообразований, в том числе от злокачественных (до 185 случаев на 100 тыс. населения)
Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г.	стабилизация численности населения к 2015 г. на уровне 142 – 143 млн. чел. и создание условий для ее роста к 2025 г. до 145 млн. чел.; повышение качества жизни; увеличение ожидаемой продолжительности жизни к 2015 г. до 70 лет, к 2025 г. – до 75 лет

Источник: составлено автором по данным Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. и Указа Президента Российской Федерации № 204 от 12.05.2018 г.

Таблица 2

Целевые ориентиры в стратегиях социально-экономического развития Хабаровского края до 2030 г.

Наименование субъекта	Целевые установки демографического развития
Хабаровский край	Рост численности населения с 1333,9 до 1 600 тыс. чел.; Суммарный коэффициент рождаемости с 1,78 до 2,05; Ожидаемая продолжительность жизни при рождении – 80 лет

Источник: составлено автором по данным Стратегии социально-экономического развития Хабаровского края до 2030 г.

определение вероятности достижения целевых ориентиров.

Анализ численности населения Хабаровского края показал, что максимальная численность населения была в 1991 г. и составляла 1623 тыс. чел. [Российский, 2003].

На 1 января 2018 г. численность населения края составила 1328,3 тыс. чел., население уменьшилось на 18% по срав-

нению с 1991 г. Хабаровский край вошел в группу субъектов ДФО с наименьшими потерями населения вместе с Республикой Саха (Якутия), численность населения которой сократилась на 13%, и Приморским краем, численность которого сократилась на 17%. Самые большие потери понес Чукотский автономный округ, который потерял 67% населения³.

³ Официальный сайт Управления Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю, Магаданской области, ЕАО и ЧАО. URL.: http://habstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/habstat/ru/statistics/hab_stat/

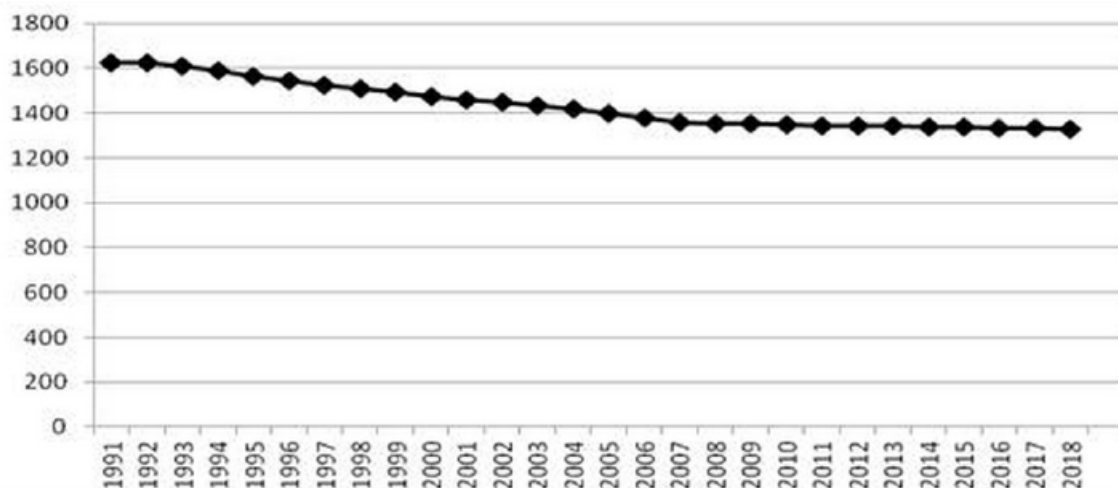

Рис. 1. Численность населения Хабаровского края, чел.[7]

На формирование устойчивого естественного роста численности населения влияют три составляющие: рождаемость, смертность и возрастно-половая структура.

За исследуемый период наибольшая рождаемость была в 1991 г., тогда общий коэффициент рождаемости составил 15,1‰, наименьшая – в 2001 г., со значением общего коэффициента рождаемости 9,4‰. На протяжении пятнадцати лет рождаемость росла. Способствовали росту рождаемости два основных фактора: в детородный возраст вышло многочисленное поколение 80-х гг., с 2007 г. начала проводиться активная демографическая политика. В декабре 2006 г. был принят федеральный закон № 256 «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», который предусматривал выплату материнского капитала за рождение второго ребенка. Итогом активных мер государственной демографической политики и благоприятной возрастно-половой структуры является рост рождаемости. Максимальная рождаемость была в 2015 г., в котором общий коэффициент рождаемости составил 14,3‰ (рис. 3). За два последующих года рождаемость снизилась на 2,3‰, и общий коэффициент рождаемости составил в 2017 г. 12‰⁴. Скорее всего, снижение будет продолжаться, так

как в детородный возраст вышло мало-численное поколение 90-х гг. Численность женщин репродуктивного возраста снижается. В 2009 г. численность женщин в возрасте 15 – 49 лет в Хабаровском крае была 381365 чел., в 2017 г. – 322303 чел., сокращение составило 15%³.

Для более детального анализа рождаемости используется суммарный коэффициент рождаемости, который представляет рождаемость с позиции воспроизводства.

Суммарный коэффициент рождаемости позволяет устранить влияние возрастной структуры населения и характеризует среднее число детей, которых родит женщина в течение всего репродуктивного периода, при условии сохранения той интенсивности по возрастной рождаемости, которая наблюдалась в год, для которого он рассчитывался.

В соответствии с Указом Президента РФ № 606 от 7.05.2012 г. «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации» к 2018 г. была поставлена цель достижения суммарного коэффициента рождаемости до 1,753⁵. На протяжении трех лет (с 2014 г. по 2016 г.) суммарный коэффициент рождаемости в Хабаровском крае достигал данного ориентира и составлял соответственно 1,854; 1,787; 1,779 (рис. 3)⁴.

⁴ Демографический ежегодник России. URL.: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312

⁵ О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации: указ Президента РФ № 606 от 7.05.2012 г. [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система Консультант плюс.

Таблица 3

Показатели общего коэффициента рождаемости, смертности и коэффициента естественного прироста в Хабаровском крае, ‰

Годы	Общий коэффициент рождаемости	Общий коэффициент смертности	Коэффициент естественного прироста
1990	15,1	9,20	5,9
1995	9,40	13,3	-3,9
2000	8,50	14,1	-5,6
2001	9,40	14,9	-5,5
2002	10,0	15,6	-5,6
2003	10,8	16,3	-5,5
2004	11,4	16,2	-4,8
2005	11,1	16,6	-5,5
2006	11,4	15,3	-3,9
2007	12,0	14,7	-2,7
2008	12,6	14,5	-1,9
2009	13,0	14,2	-1,2
2010	12,9	14,6	-1,7
2011	12,9	14,5	-1,6
2012	13,8	13,6	0,2
2013	13,9	13,3	0,6
2014	14,0	13,3	2,0
2015	14,3	13,4	0,9
2016	13,4	13,1	0,3
2017	12,0	13,0	-1,0

Источник: составлено автором по данным демографического ежегодника России.

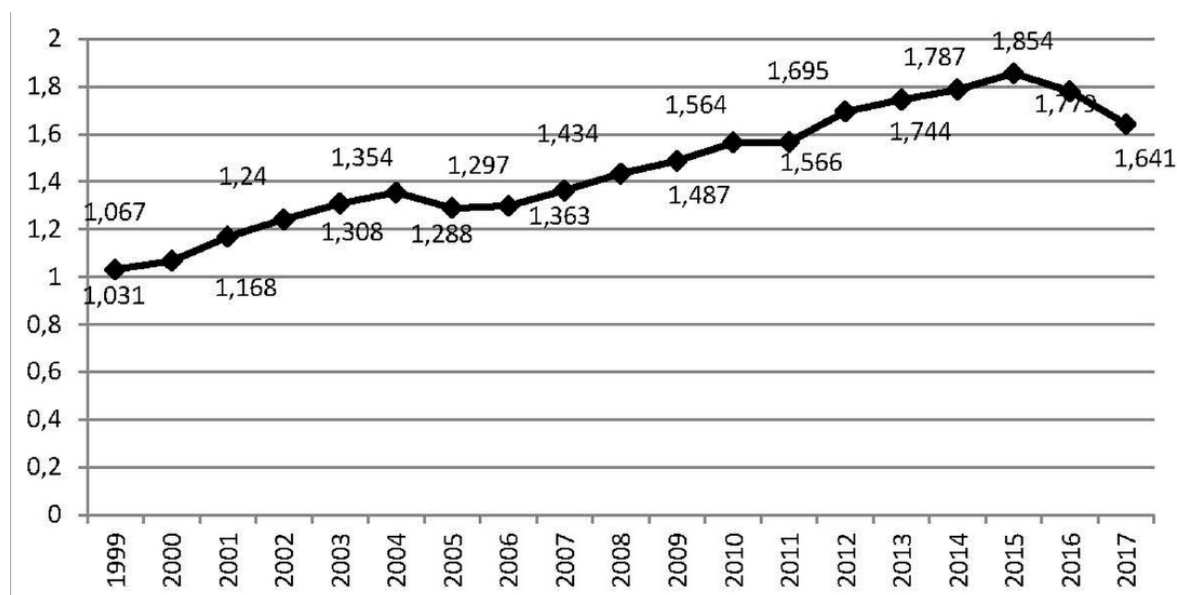

Рис. 2. Суммарные коэффициенты рождаемости за 2002 – 2017 гг., детей

В 2017 г. суммарный коэффициент снизился до 1,641. В Указе Президента РФ № 204 данный показатель откорректирован с учетом демографической ситуации, и целевой ориентир к 2024 г. составляет 1,7⁶. С учетом того, что идет снижение численности женщин репродуктивного возраста, цель может быть

не достигнута³.

Смертность в Хабаровском крае росла и достигла своего максимума в 2005 г. со значением 16,6‰, по шкале оценки общих коэффициентов смертности А. М. Меркова это высокий коэффициент. В дальнейшем идет снижение, и по данным на 1.01.2017 г. общий коэф-

⁶ О национальных целях и стратегических задачах развития российской Федерации до 2024 года: указа Президента РФ от 12.05.2018 г. № 204 [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система Консультант плюс.

фициент смертности составляет 13%. По концепции демографической политики РФ смертность к 2016 г. должна была сократиться на 1/3 по сравнению с 2007 г. и составлять 10,5%. Целевого значения ни в России, ни Хабаровском крае не достигли. [Демографический...]

Для сопоставления интенсивности смертности, можно использовать такой показатель как избыточное число смертей. Избыточное число смертей рассчитывается путем сопоставления гипотетического (CMR гип.) и реального (CMR факт.) количества смертей (табл. 4). Разница реального и гипотетического числа смертей и будет избыточной смертностью. Рассчитывается гипотетическое количество смертей, которое могло бы быть, если возрастные коэффициенты смертности были таким же, как на территории, с которой производится сравнение.⁷

Величина избыточных смертей значительна, составляет примерно 15% ежегодно. Причины такого числа кроются, прежде всего, в уровне развития здравоохранения, в качестве жизни и отношении населения к своему здоровью.

Для более точного анализа смертности необходимо анализировать не только ее общий уровень, но также вклад крупных классов причин смертности и вклад каждой причины в избыточную смертность.

К трем основным причинам смертности в Хабаровском крае относятся смертность от болезней системы кровообращения, новообразования и внешние причины. Основной причиной смертности в течение длительного периода времени являются болезни системы кровообращения, их доля в 2016 г. составляет

57%. Анализ динамики смертности от болезней системы кровообращения показал, что идет постепенное снижение смертности от данной причины – за 15 лет в целом по России – 32%, а в Хабаровском крае – 23%. Снижение смертности от болезней системы кровообращения в Хабаровском крае не имеет устойчивой тенденции. Если в 2010 – 2012 гг. отмечен рост смертности от данной причины по сравнению с 2009 г. на 7,5%, а с 2013 г. идет снижение. Целевой ориентир – снижение смертности от данной причины до 450 случаев на 100 тыс. чел. к 2024 г. В 2016 г. смертность от данной причины в России составляла 616,4, а в Хабаровском крае – 646,2 на 100 тыс. чел. (рис.4, 5). Возможно ли достижение целевого ориентира? Возможно, но при условии выполнения запланированных государством мер по развитию системы здравоохранения.

Второе место занимает смертность от новообразований. Если смертность от болезней системы кровообращения в России снижается, то смертность от новообразований остается примерно на одном и том же уровне, в 2002 г. коэффициент смертности составлял 203,1, а в 2016 г. – 204,3 (на 100 тыс. населения). Тенденция смертности по данной причине в Хабаровском крае повторяют среднероссийскую: смертность в 2016 г. снизилась на 8%. Коэффициент составил 187,1, что ниже среднероссийского показателя на 8,5%. Целевой показатель – 185 случаев смерти на 100 тыс. чел. к 2024 г.

Третье место по причинам смертности и в России и в Хабаровском крае занимает смертность от внешних причин. В данную категорию входит смерт-

Таблица 4

Фактическая и избыточная смерть в Хабаровском крае

Общий коэффициент смертности (CMR)	2014 г.	2015 г.	2016 г.	Итого
CMR факт.	15139	15059	14884	
CMR гип.	17851	17911	17518	
CMR факт. – CMR гип.	2712	2852	2634	8198

Источник: составлено автором по данным демографического ежегодника России.

⁷ Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2017 г. Статистический бюллетень. URL.: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main

ность от убийств, самоубийств, дорожно-транспортных аварий и т. д. Смертность от данной причины снижается и в России и в Хабаровском крае, но уровень и темпы снижения разные. Смертность от внешних причин в России и Хабаровском крае снизилась почти в два раза. По данным 2016 г. ее уровень в России составил 114,2, в Хабаровском крае – 146,9 случаев смерти на 100 тыс. чел.

На рисунках видно, что и в России и в Хабаровском крае отмечается устойчивая тенденция к снижению смертности от всех причин. Достижение целевых ориентиров по данным причинам смерти по Указу Президента РФ № 204 – не

вызывает сомнения.

Проблема для России и Хабаровского края – это смертность населения в трудоспособном возрасте. Смертность населения в трудоспособном возрасте в Хабаровском крае выше, чем в России на 22,8%. Разница в интенсивности смертности населения в трудоспособном возрасте сохраняется. В 2010 г. разница в интенсивности смертности составляла 28%, в 2016 г. – 23%. Цель – снижение смертности населения трудоспособного возраста до 350 случаев на 100 тыс. чел., то есть снижение в Хабаровском крае почти в два раза (рис. 6). Вызывает сомнение достижение данного показателя,

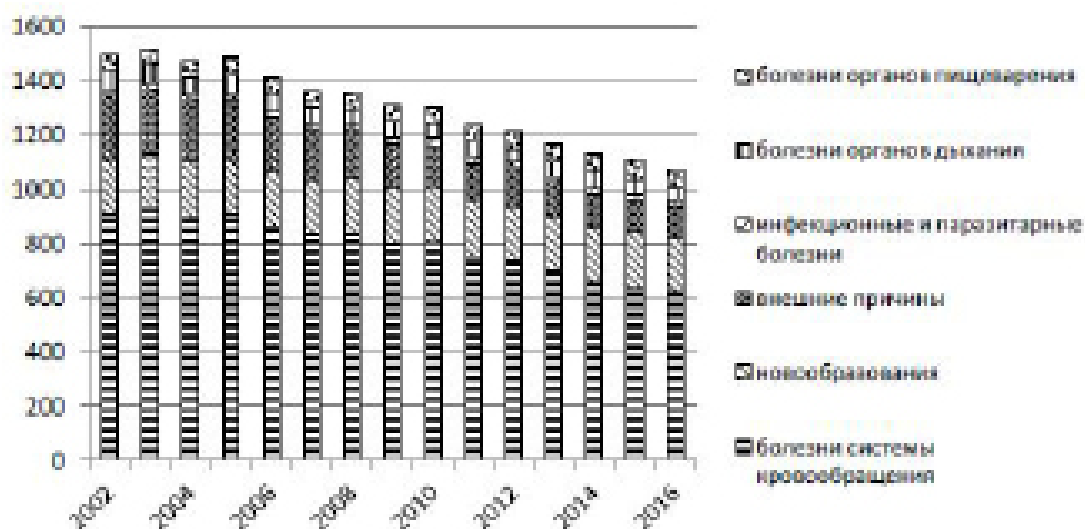

Рис. 3 Коэффициенты смертности по причинам в России, на 100000 населения

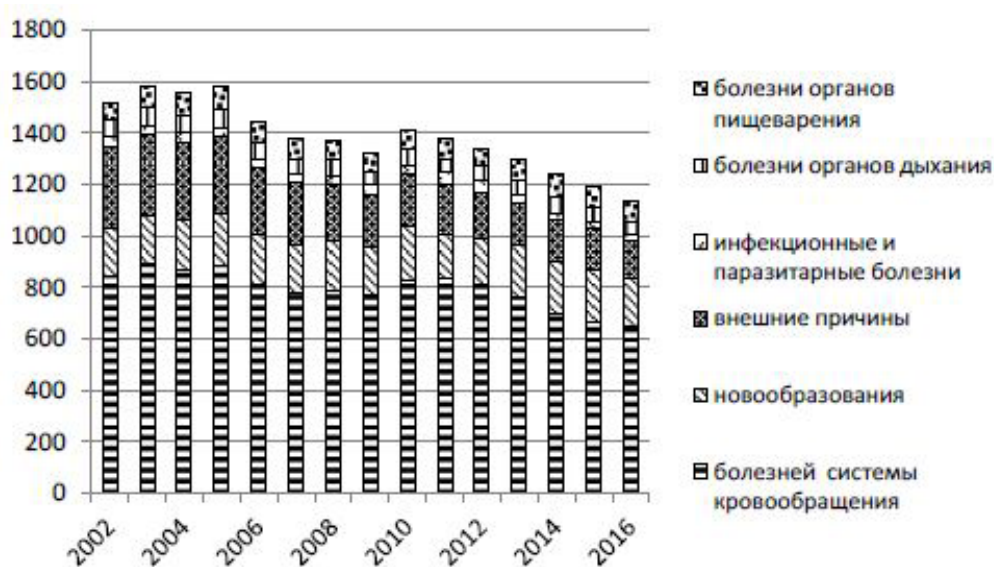

Рис. 4 Коэффициенты смертности по причинам в Хабаровском крае, на 100 тыс. населения

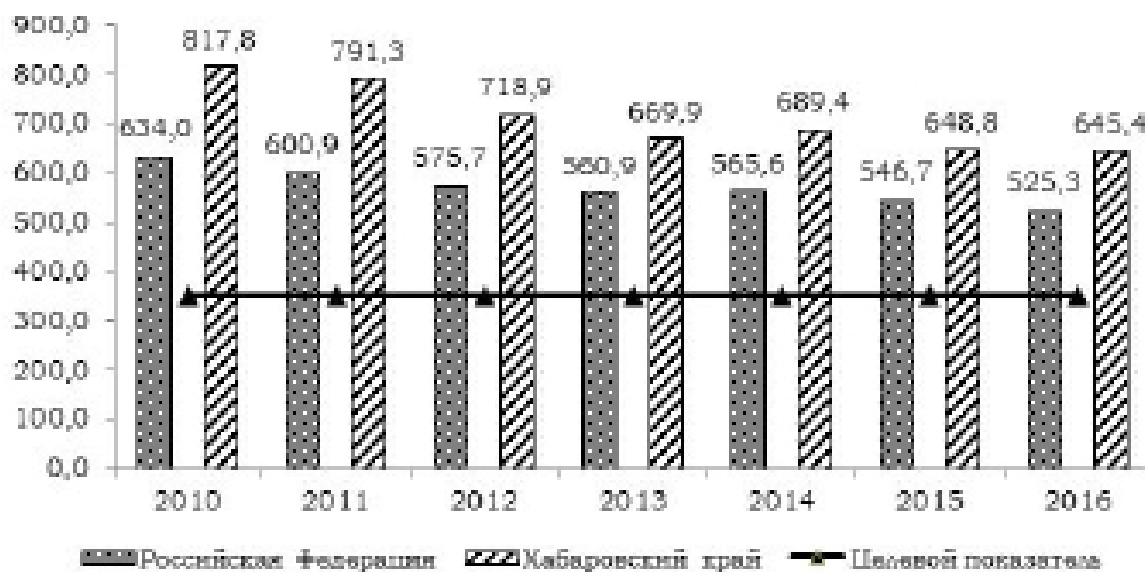

Рис. 5. Коэффициент смертности населения в трудоспособном возрасте в России и Хабаровском крае, на 100 тыс. населения

так как для этого требуются не только усилия системы здравоохранения, но и самого населения.

Проанализировав общие коэффициенты рождаемости и смертности в Хабаровском крае, можно сделать вывод, что наибольшая убыль населения отмечена в 2000 г. со значением 5,6‰, на протяжении двенадцати лет идет снижение естественной убыли, с 2012 г. наблюдается прирост населения. Естественный прирост в Хабаровском крае продолжался до начала 2017 г., а далее наблюдалась естественная убыль населения, которая составила 1‰ (табл. 5).

Проанализировав динамику рождаемости и смертности, причин смертности, можно сделать вывод об отсутствии потенциала естественного роста численности населения в Хабаровском крае.

Следующим демографическим показателем, который отражен в стратегических документах РФ и Хабаровского края является ожидаемая продолжительность жизни при рождении, которая

является интегральным показателем, характеризующим уровень смертности, зависящим от качества жизни населения и уровня развития здравоохранения. Целевым ориентиром является достижение ожидаемой продолжительности жизни к 2018 г. – 74 г., к 2030 г. – 80 лет⁷.

Ожидаемая продолжительность жизни в Хабаровском крае на 2017 г. составила 69,74 г., что примерно на 3 года ниже чем в целом по России, где значение данного показателя составила 72,70 лет. На протяжении всего периода исследования разница в ожидаемой продолжительности жизни в целом по России и Хабаровском крае составляет примерно 3 – 4 года (рис. 7).

По данным за 2000 – 2005 гг. продолжительность жизни снизилась в Хабаровском крае с 63,03 г. до 61,72 лет, затем с 2006 г. выросла, и рост составил 13% (8,02 лет), тогда как в целом по России – 11,2% (7,36 лет). Несмотря на то, что темп роста в Хабаровском крае выше, отставание в три года сохранилось.

Таблица 5

Коэффициент естественного прироста населения, ‰

Года	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Хабаровский край	-1,7	-1,6	0,2	0,6	2,0	0,9	0,3	-1,0

Источник: составлено автором по данным демографического ежегодника России.

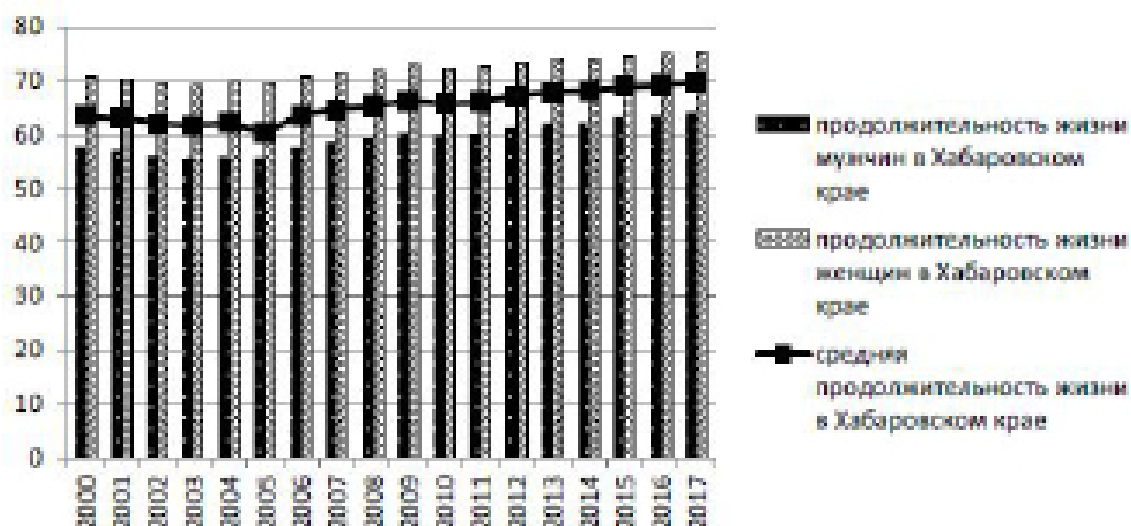

Рис. 6. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении мужчин и женщин в Хабаровском крае, лет

В Хабаровском крае сохранились также значительные различия в ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин. По данным за 2017 г. ожидаемая продолжительность жизни мужчин составила 64,23 г., тогда как у женщин – 75,3 г., разница составила 11,07 лет [Демографический ...].

Ожидаемая продолжительность жизни мужчин выросла с 56,99 в 2000 г. до 64,23 лет в 2017 г. – на 7,24 г. Ожидаемая продолжительность жизни женщин росла не так значительно – на 5,2 г. за аналогичный период [Демографический ...].

Целевой ориентир составляет 78 лет. Для его достижения в Хабаровском крае ожидаемая продолжительность жизни при рождении должна увеличиться на 8,26 лет за период 2016 г. – 2024 г.

Таким образом, оценка реализации демографической политики в Хабаровском крае выявила ряд проблем: во-первых, снижение рождаемости; во-вторых, не достигнуты целевые показатели по снижению смертности, в-третьих, ожидаемая продолжительность жизни при рождении в Хабаровском крае ниже на три года, чем в целом по России, и целевой показатель в 74 года не достигнут.

Список литературы:

1. Демографический ежегодник России. URL.: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312
2. Мерков А. М., Сухаребский Л. М. Статистика на службе народного здоровья. М., 1968. С. 48.
3. Рыбаковский Л. Л., Кожевникова Н. И., Савенков В. И. Продолжительность жизни населения Сибири и Дальнего Востока в общероссийских координатах (1959 – 2015 гг.) // Народонаселение. 2018. Том 21. № 3. С. 4–20.
4. Рыбаковский Л. Л., Кожевникова Н. И., Савенков В. И. Региональная динамика рождаемости и результативности демографической политики в России // Народонаселение. 2017. № 4. С. 4–18.
5. Архангельский В. Н. Региональные различия естественного движения населения в России // Народонаселение. 2015. № 4 (170). С. 68–78.
6. Мотрич Е. А. Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России: основные тенденции и вызовы // Народонаселение. 2016. № 1-1 (71-1). С. 25–34.

Библиографическое описание статьи

Буланова М. А. Оценка реализации демографической политики в Хабаровском крае // Власть и управление на Востоке России. 2018. № 4 (85). С. 111–119. DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-111-119

Marina A. Bulanova – Associate professor of the public and municipal administration and the office right chair, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA (33, Str. Muravyev-Amurskiy, Khabarovsk, 680000, Russian Federation). E-mail: E-mail: bulanova_marina@rambler

Assessment of implementation of demographic policy in the Khabarovsk territory

Sustainable natural population growth and life expectancy at birth are identified as the main targets of demographic policy. Positive dynamic in the process of fertility and mortality is necessary for the population growth. The analysis of fertility showed the tendency to decrease because childbearing age began in the small generations of the 90th and the number of women of reproductive age decreases. Mortality rate of the Khabarovsk territory population is decreasing, but a rate below the average Russian. As a result, there is a tendency towards a natural decline in the population in the Khabarovsk territory. The life expectancy at birth in the Khabarovsk territory is three years lower than the average Russian. Achieving the planned result in the life expectancy at birth is in doubt.

Keywords: demographic policy, targets, fertility, mortality, mortality of the working-age population, life expectancy at birth.

References:

1. Demographic Yearbook of Russia. - access mode: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rossstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312 (In Russian).
2. Merkov A. M., Suharebsky L. M. Statistics in the service of public health. M., 1968. p. 48. (In Russian).
3. Rybakovsky L. L., Kozhevnikova N. I., Savenkov V. I. Life expectancy of the population of Siberia and the Far East in the all-Russian coordinates (1959 – 2015). *Narodonaseleniye* [Population], 2018, vol., 21, no. 3, pp. 4–20. (In Russian).
4. Rybakovsky L. L., Kozhevnikova N. I., Savenkov V. I. Regional Dynamics of the Birth Rate and the Effectiveness of Demographic Policy in Russia. *Narodonaseleniye* [Population], 2017, no. 4, pp. 4–18. (In Russian).
5. Arkhangelskiy V. N. Regional differences in the natural movement of the population in Russia. *Narodonaseleniye* [Population], 2015, no. 4 (170), pp. 68–78. (In Russian).
6. Motrich, E. L. The demographic situation in the Far East of Russia: the main trends and challenges. *Narodonaseleniye* [Population], 2016, no. 1 – 1 (71 – 1), pp. 25–34. (In Russian).

Reference to the article

Bulanova M. A. Assessment of implementation of demographic policy in the Khabarovsk territory // Power and Administration in the East of Russia. 2018. No. 4 (85). Pp. 111–119. DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-111-119

DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-120-126
УДК 331.28(571.6)

О. Г. Поливаева

Территориальные особенности формирования заработной платы: дальневосточный аспект

В статье в ретроспективном аспекте рассматривается роль заработной платы как инструмента привлечения и закрепления населения на Дальнем Востоке. Показан механизм территориальной дифференциации заработной платы, сложившийся в советский период. Сделан акцент на том, что экономическая природа дифференциации заработной платы по территориальному признаку обусловлена необходимостью обеспечения равных условий воспроизводства рабочей силы, а также привлечения и закрепления работников на Дальнем Востоке. Обосновано, что сложившийся порядок формирования заработной платы не оказывает существенного влияния на преодоление негативных демографических процессов в Дальневосточном федеральном округе. На основе использования исторически сложившихся классических подходов к заработной плате как инструменту воспроизводства рабочей силы сделан вывод о необходимости сочетания традиционных территориальных выплат в составе заработной платы и льгот для лиц, работающих и проживающих в Дальневосточном федеральном округе, с мерами экономической и социальной поддержки населения Дальнего Востока.

Ключевые слова: заработная плата, льготы, Дальний Восток, Крайний Север, дифференциация заработной платы.

Для современного этапа развития экономики России характерно увеличение масштабов хозяйственного освоения обширных территорий Дальнего Востока с целью опережающего развития народного хозяйства в настоящее время и в перспективе. Нарастание производственного потенциала и освоение природных ресурсов трудонедостаточных районов Дальнего Востока вызывает необходимость привлечения трудовых ресурсов из других регионов страны. Важное место среди стимулов, способствующих привлечению работников на Дальний Восток и закреплению в этом регионе, занимает заработная плата.

Общеизвестно, что заработная плата, направленная на покрытие издержек по воспроизводству рабочей силы, в различных территориальных условиях не может быть одинаковой. «Между отдельными странами, областями и даже местностями

ми всегда будет существовать известное неравенство в жизненных условиях, которое можно будет свести до минимума, но никогда не удастся устранить полностью». [Энгельс. С. 5] Различия в размере издержек, зависящие от региональных особенностей, и невозможность полной ликвидации этих различий вызывают необходимость дифференциации заработной платы по территориальному признаку. Именно эти обстоятельства обуславливают территориальные особенности формирования заработной платы на Дальнем Востоке

Территория Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО), в составе которого в настоящее время 11 субъектов РФ, включая Республику Бурятию и Забайкальский край¹, составляет 40,6% площади территории страны (6952,5 тыс. кв. км), при этом население – всего 5,6% (8223 тыс. чел. на 01.01.2018 г.)². Даль-

¹ Указ Президента РФ от 03.11.2018 г. № 632 «О внесении изменений в перечень федеральных округов, утвержденный Указом Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849».

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018 : Стат. сб. // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. URL: <http://www.gks.ru>

Ольга Геннадьевна Поливаева – канд. экон. наук, доцент, заместитель директора, Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС (680000, Россия, Хабаровск, ул. Муравьева Амурского, д. 33). E-mail: polivaeva@list.ru

ний Восток, преобладающая часть которого относится к районам Крайнего Севера и местностям, к нему приравненным (далее Север), характеризуется суровыми природно-климатическими условиями, более слабым развитием производительных сил по сравнению с другими районами страны, меньшей инфраструктурной освоенностью территорий. Так, по ряду основных социально-экономических показателей в 2017 г. ДФО явился аутсайдером среди федеральных округов, о чем, в частности, свидетельствует последнее 8 место (места в порядке убывания значения показателя) в стране по удельному весу автомобильных дорог с твердым покрытием в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования, по вводу в действие жилых домов, по производству продукции сельского хозяйства. Предпоследнее 7 место округ занимает по основным фондам в экономике, по объему обрабатывающего производства, обеспечения электроэнергией и газом, водоснабжения, водоотведения, сбора и утилизации отходов, по общей площади жилых помещений, приходящейся на одного жителя, по числу студентов, обучающихся по программам высшего образования. Уровень зарегистрированных преступлений – 2 место. При этом показатель среднемесячной номинальной заработной платы работников организаций занимает 1 место в рейтинге округов, среднедушевые денежные доходы в месяц – 2 место, уровень занятости – 3 место, уровень безработицы – 5 место, число собственных легковых автомобилей на 1000 человек населения – 2 место. Необходимо отметить, что по ряду показателей Дальневосточный федеральный округ достиг достаточно высокого места среди федеральных округов страны: по инвестициям в основной капитал на душу населения, а также объему розничной торговли на душу населения – 2 место, по поступлению налогов и сборов в бюджетную систему страны на душу населения – 4 место, по объему добычи полезных ископаемых – 4 место², что свидетельствует об определенных дости-

жениях дальневосточной экономики в последние годы.

Трудовые ресурсы ДФО характеризуются сокращением численности постоянного населения (табл. 1), значительным удельным весом населения старше трудоспособного возраста (табл. 2), отрицательными миграционными процессами, сопровождающимися продолжением оттока населения (табл. 3).

Указанные тенденции характерны в целом для ряда, прежде всего, северных территорий страны, однако в ДФО они носят наиболее острый характер. Следует подчеркнуть, что, не смотря на то, что по уровню заработной платы и среднедушевых доходов округ занимает лидирующие позиции в РФ, эти инструменты не являются в настоящее время весомым стимулом для привлечения и закрепления кадров на Дальнем Востоке.

При этом в нашей стране имеется положительный исторический опыт территориальной дифференциации заработной платы на Дальнем Востоке в советский период с использованием различных инструментов региональной и в том числе отраслевой поддержки кадров на Дальнем Востоке, краткая характеристика которого представлена ниже.

Рассматривая в ретроспективном аспекте процесс территориальной дифференциации заработной платы в стране и в том числе на Дальнем Востоке, можно сделать вывод о том, что этим вопросам уделялось значительное внимание органов государственного управления. Так, 20.12.1917 г. ВСНХ было принято постановление о нормировании заработка рабочих и служащих в государственных учреждениях³, в котором отмечалась необходимость определения границ районов для дифференциации заработной платы. В первые годы Советской власти районное регулирование заработной платы осуществлялось путем установления единых тарифных поясов, которые были введены в соответствии с постановлением ВЦИК от 21.02 1919 г. В основу деления страны на пояса были положены различия в стоимости жизни по районам страны [Сажин, Семичасная, 1969. С. 38]. В эти же годы был принят Декрет СНК РСФСР (обна-

³ Постановление ВСНХ от 20 декабря 1917 г. «О переименовании Особого Совещания по обороне в совещание по финансированию и о функциях этого совещания; о нормировании заработка рабочих и служащих в государственных учреждениях» <http://istmat.info/node/28269>

Таблица 1

**Динамика численности населения Дальневосточного федерального округа
(на конец года, тыс. чел.)**

	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Российская Федерация	143236	142865	146545	146804	146880
<i>В том числе:</i>					
Дальневосточный федеральный округ*	8551	8363	8260	8246	8223
<i>В том числе:</i>					
Республика Саха (Якутия)	954	958	960	963	964
Камчатский край	337	322	316	315	316
Приморский край	2007	1953	1929	1923	1913
Хабаровский край	1376	1343	1334	1333	1328
Амурская область	861	829	806	802	798
Магаданская область	170	156	147	146	144
Сахалинская область	521	497	487	487	490
Еврейская автономная область	182	176	166	164	162
Чукотский автономный округ	52	51	50	50	50
Республика Бурятия**	967	972	982	984	985
Забайкальский край**	1124	1106	1083	1079	1073

*численность населения ДФО указана с учетом всех субъектов РФ, входящих в округ, включая Республику Бурятию и Забайкальский край;

**субъекты РФ, вошедшие в состав ДФО в соответствии с Указом Президента РФ от 03.11.2018 г. № 632 «О внесении изменений в перечень федеральных округов, утвержденный Указом Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849»⁴.

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. 1162 с. // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. URL: <http://www.gks.ru>

Таблица 2

**Темпы изменения возрастной структуры населения РФ и Дальневосточного
федерального округа (2005 – 2017 гг., в %)**

	Население моло- же трудоспособ- ного возраста	Население в трудоспособном возрасте	Население стар- ше трудоспособ- ного возраста
Российская Федерация	12,7	-11,1	23,9
Дальневосточный федеральный округ	10,0	-12,2	37,4

Составлено автором по данным: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. 1162 с. // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. URL: <http://www.gks.ru>

Таблица 3

Динамика коэффициента миграционного прироста*

	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Российская Федерация	20	19	17	18	14
Дальневосточный федеральный округ	-80	-49	-39	-28	-28

* коэффициент миграционного прироста населения – величина разности между числом прибывших на данную территорию и числом выбывших за пределы этой территории, деленная на 10000 чел. населения

Составлено автором по данным: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. 1162 с. // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. URL: <http://www.gks.ru>

⁴ Указ Президента РФ от 03.11.2018 г. № 632 «О внесении изменений в перечень федеральных округов, утвержденный Указом Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849». <http://base.garant.ru>

родован от 10.09.1921) «Основные положения по тарифному вопросу»⁵.

Тарифная реформа 1931 – 1934 гг. изменила подход к вопросам районного регулирования заработной платы, которые стали решаться с позиций отраслевого и ведомственного принципов управления. В декабре 1933 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О льготах для населения Дальневосточного края»⁶, в котором предусматривалось повышение заработной платы «ввиду значительного притока переселенцев в Дальневосточный край и необходимости всемерного облегчения им хозяйственного устройства в трудных условиях необжитых районов края, а также облегчения условий труда рабочих и служащих края, работающих вдали от культурных центров СССР». Размеры повышения заработной платы дифференцировались в зависимости от отрасли производства и условий труда (рабочим и инженерно-техническим работникам (ИТР) угольной промышленности – на 30%, рабочим и ИТР заводов, фабрик, транспорта, связи, промыслов, совхозов и машинно-тракторных станций, учителям, медперсоналу – на 20%, служащим учреждений и предприятий – на 10%). Такой подход был вызван необходимостью материального стимулирования привлечения и закрепления квалифицированных кадров во вновь осваиваемых районах, а также отдельных отраслях промышленности (этот порядок дифференциации заработной платы использовался в период индустриализации, когда остро стояла проблема комплектования ведущих отраслей народного хозяйства необходимыми квалифицированными кадрами).

Впоследствии ведомственный подход к вопросам регулирования заработной платы явился одной из причин ее неупорядоченности [Аганбегян, Майер, 1959. С. 197]. В частности, до 1960 г. в районах Крайне-

го Севера применялось около 40 разных по величине коэффициентов и надбавок к заработной плате [Шоломицкая, 1982. С. 96].

Мероприятия 1959 – 1961 гг. в области территориального регулирования заработной платы позволили уменьшить общее количество районных коэффициентов, устранить разноречивость в коэффициентах для различных категорий работников. Важное значение для территориального регулирования заработной платы на Дальнем Востоке имело Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 26 сентября 1967 г. «О мерах по дальнейшему повышению благосостояния советского народа»⁷, в соответствии с которым были введены коэффициенты к заработной плате для районов Дальнего Востока, для которых они не были введены ранее.

Специальные льготы для работников Севера были установлены 1 августа 1945 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР «О льготах для лиц, работающих в районах Крайнего Севера». В этом же году Постановлением СНК СССР от 18.11.1945 № 2927⁸ был утвержден Перечень отдаленных местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, на которые распространялось действие данного Указа. Следует обратить внимание на дату принятия решения о введении льгот для «северян»: еще не закончилась Вторая мировая война, но задачи восстановления экономики страны потребовали кардинального решения по созданию стимулов для привлечения работников на Север.

В 1960 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10.02⁹ было осуществлено общее упорядочение этих льгот: применявшиеся ранее льготы для работников, приехавших в районы Севера по договору, распространялись на всех рабочих и служащих. В эти же годы был принят целый ряд законодательных актов,

⁵ Декрет СНК РСФСР (обнародован от 10.09.1921) «Основные положения по тарифному вопросу» https://www.lawmix.ru/docs_cccp/8030

⁶ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 11.12.1933 «О льготах для населения Дальневосточного края» <http://www.consultant.ru>

⁷ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 26 сентября 1967 года «О мерах по дальнейшему повышению благосостояния советского народа» <http://www.consultant.ru>

⁸ Постановление СНК СССР от 18 ноября 1945 г. № 2927 «О перечне отдаленных местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, на которые распространяется действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 1 августа 1945 г. «О льготах для лиц, работающих в районах Крайнего Севера» <http://www.consultant.ru>

⁹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 февраля 1960 года «Об упорядочении льгот для лиц, работающих в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера» <http://www.alppp.ru/law/trud-i-zanjatost-naselenija/trud/18>

регулирующих предоставление льгот для лиц, работающих в районах Крайнего Севера и местностях, приравненных к ним¹⁰. Позже в 1986 г. в соответствии с решениями XXVII съезда КПСС, на котором была поставлена задача совершенствовать районное регулирование заработной платы, было принято Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР и ВЦСПС от 09 января 1986 г. № 53¹¹, в котором были введены надбавки к заработной плате работников предприятий, учреждений и организаций, расположенных в южных районах Дальнего Востока, Республики Бурятия и Забайкальского края за непрерывный стаж работы.

Таким образом, к началу 90-х гг на Дальнем Востоке и в Забайкалье сформировалась система территориальной дифференциации заработной платы, направленная на решение следующих задач:

во-первых, обеспечить равные условия воспроизводства рабочей силы в различных районах страны (с этой целью установлены районные коэффициенты, компенсирующие территориальные различия в условиях труда и жизни);

во-вторых, способствовать привлечению и закреплению кадров в труднедостаточных, отдаленных районах с суровыми природно-климатическими условиями (в роли стимулов выступают установленные для этих районов специальные льготы – например, процентные надбавки к заработной плате, дополнительные отпуска, оплата проезда к месту проведения отпуска и другие).

Следует обратить внимание, что в различные периоды развития экономики в отечественной практике территориальной дифференциации заработной платы на Дальнем Востоке использовались не только инструменты, связанные с фактом работы и проживания в этой территории

(районные коэффициенты, процентные надбавки, льготы), но и трудовой деятельностью квалифицированных кадров в ведущих отраслях народного хозяйства.

Однако в современной экономике, сложившаяся модель государственного регулирования территориальной дифференциации заработной платы во многом потеряла свое стимулирующее значение. «Необходимы новые подходы к организации заработной платы и ее составной части – районному регулированию, соответствующие новым экономическим условиям». [Волгин, Широкова, Мосина, 2018. С. 42] Об этом также свидетельствуют результаты демографических процессов на Дальнем Востоке, при которых «прогнозируемый рост демографической нагрузки приведет к обострению количественного и структурного дисбаланса на рынке труда, а поддержание темпов экономического роста будет затруднено в силу сокращения численности рабочей силы». [Грицко, 2016. С. 75]

При этом государство несет значительные расходы по привлечению кадров в районы Дальнего Востока. Современные задачи опережающего развития дальневосточных территорий требуют существенного увеличения объемов финансирования на эти цели. В частности, в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 19.12.2018 г. № 1593 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Содействие занятости населения»¹² установлен размер финансовой поддержки, предоставляемой работодателю для привлечения одного работника, который равен от 225 тыс. руб. до 1 млн. руб. для работодателей, осуществляющих деятельность на территориях субъектов РФ, входящих в состав ДФО.

Указанная финансовая поддержка предоставляется работодателю для по-

¹⁰ Постановление Совмина СССР от 03.01.1983 № 12 (ред. от 27.02.2018) «О внесении изменений и дополнений в Перечень районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, утв. Постановлением Совета Министров СССР от 10 ноября 1967 г. № 1029» (вместе с «Перечнем районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, на которые распространяется действие Указов Президиума Верховного Совета СССР от 10 февраля 1960 г. и от 26 сентября 1967 г. «О льготах для лиц, работающих в этих районах и местностях», утв. Постановлением Совмина СССР от 10.11.1967 № 1029)». <http://www.consultant.ru>

¹¹ Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР, ВЦСПС от 09.01.1986 п 53 «О введении надбавок к заработной плате рабочих и служащих предприятий, учреждений и организаций, расположенных в южных районах Дальнего Востока, Бурятской АССР и Читинской области» <http://docs.pravo.ru/>

¹² Постановление Правительства РФ от 19 декабря 2018 г. № 1593 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Содействие занятости населения». <http://www.consultant.ru>

следующего оказания работникам одной или нескольких мер поддержки, включая транспортные расходы работника и членов его семьи по переезду к месту работы; расходы, связанные с провозом личного имущества работника и членов его семьи; расходы по найму, аренде жилья, оплате коммунальных услуг; расходы на профессиональное обучение работника и (или) дополнительное профессиональное образование; расходы на обустройство работника и членов его семьи.

Направленность таких государственных расходов следует признать обоснованной и рассматривать как один из инструментов территориальной дифференциации заработной платы работников на Дальнем Востоке. По сути, заработная плата как экономическая категория может иметь двоякое понимание - в широком и узком смысле слова. Академик С. Г. Струмилин писал: «Заработная плата по своему назначению – служить источником средств для воспроизводства рабочей силы – должна обеспечить по крайней мере следующие элементы: 1) производство сырой рабочей силы работника, т. е., говоря проще, его личное содержание, 2) обработку этой сырой силы в более квалифицированную, т. е. школьное и профессиональное обучение рабочего, 3) текущий и капитальный ремонт его рабочей силы, т.е. нормальный отдых и лечебную помощь, 4) «амортизацию» нормального износа, т. е. содержание семьи и подготовку себе смены в лице детей и 5) «страхование» от преждевременного износа, например, ранней инвалидности во вредных производствах и всякого рода иных несчастных случаев [Струмилин, 1982. С. 377]. Таким образом, в широком понимании заработная плата складывается из фонда личного потребления, распределяемого в соответствии с количественными и качественными показателями труда и фонда общественного потребления, который распределяется по потребностям и включает затраты на медицинское обслуживание, пенсионное обеспечение, образование, и т. п. [Струмилин, 1982. С. 379–380]. Более узкое понятие заработной платы (оплаты труда работника) определяет ее как «вознаграждение за труд в зависимости от квалификации работника, сложности,

количества, качества и условий выполняемой работы, а также компенсационные выплаты (доплаты и надбавки компенсационного характера, в том числе за работу в условиях, отклоняющихся от нормальных, работу в особых климатических условиях и на территориях, подвергшихся радиоактивному загрязнению, и иные выплаты компенсационного характера) и стимулирующие выплаты (доплаты и надбавки стимулирующего характера, премии и иные поощрительные выплаты)»¹³.

Опираясь на теоретические и практические аспекты территориальной дифференциации заработной платы, можно сделать вывод о том, что реализация стратегической цели опережающего развития Дальнего Востока требует соответствующего территориального механизма формирования заработной платы, который на Дальнем Востоке следует рассматривать как сочетание

с одной стороны традиционных территориальных выплат и льгот для лиц, работающих и проживающих в Дальневосточном федеральном округе (их требуется сохранить как элемент заработной платы в узком смысле),

с другой стороны, мер экономической и социальной поддержки населения Дальнего Востока (в форме увеличения доступности и качества предоставления образовательных, медицинских, транспортных, жилищно-коммунальных и др. услуг), в том числе на поддержку высококвалифицированных кадров (включая оплату расходов на переезд на Дальний Восток и обустройство в этих районах работника и членов его семьи и др.). Требуется систематизация и стоимостная оценка этих мер как элемента заработной платы в широком смысле.

Список литературы:

1. Аганбегян А. Г., Майер В. Ф. Заработная плата в СССР. М.: Госпланиздат, 1959. С. 240.
2. Волгин Н. А., Широкова Л. Н., Мосина Л. Л. Актуальные вопросы развития российского севера: компенсационные и стимулирующие системы, направленные на привлечение и закрепление населения в северных и арктических регионах //

¹³ Трудовой Кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/2daf98fda536fce2a991a111c7dded9267900baf/)

Уровень жизни населения регионов России. № 2, 2018. С. 34–46.

3. Грицко М. А. Тенденции на рынке труда в условиях сокращения человеческого потенциала и роста демографической нагрузки (на примере субъектов Дальнего Востока // Власть и управление на Востоке России. № 3. 2016. С. 68–75.

4. Сажин С. Х., Семичасная И. А. Материальное стимулирование эффективности производства на Севере. Сыктывкар,

1969. С. 95.

6. Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда. – М.: Наука, 1982. С. 471.

7. Шоломицкая Л.А. Воспроизводство рабочей силы и заработная плата при социализме. – Минск: Наука и техника, 1982. С. 104.

8. Энгельс Ф. Письмо А. Бабелю // К. Маркс, Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 1–8.

Библиографическое описание статьи

Поливаева О. Г. Территориальные особенности формирования заработной платы: дальневосточный аспект // Власть и управление на Востоке России. 2018. № 4 (85). С. 120–126. DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-120-126

Olga G. Polivaeva – Deputy director, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPa (33, Str. Muravyev-Amurskiy, Khabarovsk, 680000, Russian Federation). E-mail: polivaeva@list.ru

Territorial features of salary forming: the Far-Eastern aspect

In this article the role of salary as an instrument of attracting and fixing of population in the Far East in the retrospective aspect is given. The mechanism of salary differentiation in the Soviet period is shown. The accent is made on that the economic nature of salary differentiation on the territorial sign is caused with the need of ensuring the equal conditions of reproduction of labor and also attracting and fixing of workers in the Far East. Developed order of salary forming doesn't have significant effect on the overcoming the negative demographic processes in the FEFD. On the basis of using the historically developed classic approaches to the salary as an instrument of reproduction of labor the conclusion is made about the need of combination of traditional payments as a part of the salary and privileges for the persons working and living in the FEFD with the measures of economic and social support of population of the Far East.

Keywords: salary, privileges, the Far East, the Far North, salary differentiation.

References:

1. Aganbegyan A. G., Mayer V. F. Salary in the USSR. M.: Gosplanizdat, 1959, p. 240.

2. Volgin N. A., Shirokova L. N., Mosina L. L. Actual issues of the development of the Russian north: compensatory and stimulating systems aimed at attracting and fixing the population in the northern and arctic regions *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [The standard of living of the population of the regions of Russia] no. 2, 2018. pp. 34 – 46.

3. Gritsko MA. Tendencies in the labor market in the face of a reduction in human

potential and an increase in demographic load (by the example of subjects of the Far East *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in Eastern Russia], no. 3, 2016, p. 68–75.

4. Sazhin S. Kh., Semichasnaya I. A. Material Incentives for Production Efficiency in the North. Syktyvkar, 1969. p. 95.

6. Strumilin S. G. Problems of labor economics. M.: Science, 1982, p. 471.

7. Sholomitskaya L.A. Reproduction of labor and wages under socialism. - Minsk: Science and technology, 1982, p. 104.

8. Engels F. Letter to A. Babel K. Marx, Engels F. Op. 2nd ed. Vol. 19, pp. 1–8.

Reference to the article

Polivaeva O. G. Territorial features of salary forming: the Far-Eastern aspect // Power and Administration in the East of Russia. 2018. No. 4 (85). Pp. 120–126. DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-120-126

DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-127-136
УДК 330.59:330.12

С. С. Халикова

Оценка уровня бедности населения Хабаровского края

В статье представлен анализ бедности населения и уровня ее проявления на примере Хабаровского края. Методологической основой анализа является абсолютная концепция бедности, согласно которой автором проанализированы показатели, характеризующие ее уровень и дифференциацию доходов населения региона. Отмечается, что несмотря на то, что статистические данные в целом демонстрируют снижение уровня бедности, как социальная проблема она сохраняет свою актуальность в Хабаровском крае. Результатом проведенного анализа являются предложения по снижению уровня бедности и дифференциации доходов населения через расширение активных форм его поддержки и через поддержку самостоятельных действий в сфере занятости – развитие малого и среднего бизнеса, самозанятости и др.

Ключевые слова: бедность, Хабаровский край, сокращение уровня бедности, уровень бедности, уровень жизни, борьба с бедностью, абсолютный подход.

Бедность является актуальной проблемой во всем мире, в любом обществе, но масштаб, причины, проявление, последствия отличаются в зависимости от условий его развития. Показатель уровня бедности является важнейшим индикатором уровня жизни населения. Бедность ограничивает население в получении качественных услуг здравоохранения и образования, в полноценной реализации своих потребностей, в возможности успешной социализации детей и молодежи и т. д. Самый высокий уровень бедности в России был зарегистрирован в начале 90-х гг. – к категории бедных относилось более 30% населения. Однако уже в начале 2000-х гг. данный показатель начал снижаться и, согласно отчету Министерства экономического развития Российской Федерации, в 2017 г. доля бедных составила 13,2%.¹

За последние десятилетия бедность в нашей стране приобрела массовый характер. Эксперты отмечают: «В России существует колоссальное, вопиющее не-

равенство во многих сегментах материальной жизни, особенно это касается домохозяйств... И это имеет очень значимый моральный и психологический эффект: в современном российском обществе неравенство является огромным деморализующим фактором. Да, в самом деле, есть классическая либеральная тема: неравенство заставляет лучше трудиться. Но это верно, лишь когда различие не очень велико, когда оно – в пределах досягаемости. Когда ты понимаешь, что можешь достичь его...» [Чеховский, 2012].

В настоящее время существует множество определений бедности. Самое распространённое основывается на том, что бедность – это такое состояние, положение человека либо определённой социальной группы, при котором данные лица не могут удовлетворить круг минимальных потребностей, необходимых для поддержания собственной жизни, жизни семьи, продолжения рода, сохранения трудоспособности и так далее².

Определение понятия бедности в

¹ Снижение уровня бедности – первая цель социальной политики. URL.: <http://economy.gov.ru/mines/about/structure/depsoc/2017210416>; официальный интернет-портал Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. URL.: <http://www.gks.ru/> (дата обращения 14.10.2018).

² Бедность. URL.: <http://economic-definition.com>

Светлана Сергеевна Халикова – канд. социол. наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления и служебного права, Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС (680000, Россия, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, д. 33). E-mail: halikovas@yandex.ru

границах отдельной страны зависит от уровня ее социально-экономического развития, а также от целей проводимой в стране социальной политики и бюджетных возможностей государства. Одним из главных приоритетов политики страны является повышение качества жизни населения, которое будет выражаться и через сокращение масштабов бедности.

Для определения эффективных мер и выработки механизмов снижения уровня бедности населения необходимо иметь четкое представление о масштабах ее распространения и ее основных характеристиках. В настоящее время сложилось множество подходов к измерению бедности, среди которых наиболее распространены являются: абсолютный, относительный, субъективный, качественный, интегральный. Основное отличие между подходами состоит в способе определения черты бедности. Государственное регулирование и формирование мер социальной политики, направленных на снижение уровня бедности населения в регионе, чаще опираются на оценку, полученную с помощью использования абсолютного подхода. Среди основных преимуществ данного подхода выделяют относительную простоту расчетов, обоснование полученных результатов официальными статистическими данными, возможность проводить ретроспективный анализ и мониторинг благодаря постоянному наличию современной официальной информации.

Впервые данный подход был сформулирован С. Раунтри, который определял абсолютную линию бедности как стоимость минимального набора продуктов питания, одежды и жилья [Рэвельон, 2000]. Позже М. Рэвельон предложил определять стоимость товаров в соответствии со структурой фактического потребления беднейшей децильной группы населения [Рэвельон, 2000]. В последствии в структуру расходов населения добавляется и непродовольственная часть потребительской корзины. В настоящее время понятие абсолютной бедности основывается на существовании прожиточного минимума, то есть

определении основных условий, которые должны быть выполнены, чтобы обеспечить физически нормальное существование человека (достаточное питание, одежда, место жительства и т. д.). Люди, проживающие за чертой установленных стандартов, имеющие доходы ниже официально установленного прожиточного минимума в данном регионе, относятся к категории бедных.

Однако установить единый стандарт на такой большой и разнообразной по климатическим, социально-экономическим условиям проживания территории как Россия не всегда представляется возможным. Поэтому размер прожиточного минимума варьирует на территории страны значительно. Так, в целом по России в 2017 г. прожиточный минимум для всего населения составил 10088 руб., а в отдельно взятых субъектах РФ его размер различался более чем в два раза (например, 8157 руб. в республике Мордовия и 20791 руб. в Ненецком автономной округе)³. Расчет величины прожиточного минимума производится ежеквартально Федеральной службой государственной статистики.

Система показателей, используемых в абсолютной концепции оценки бедности, включает: долю населения с доходами ниже величины прожиточного минимума; показатели доходов и расходов населения – среднемесячные денежные доходы, среднемесячную номинальную начисленную заработную плату, средний размер назначенных месячных пенсий, доля расходов на товары первой необходимости; индексы глубины, остроты бедности.

Для определения численности бедного населения в Хабаровском крае необходимо сопоставить доходы населения с установленным прожиточным минимумом. На протяжении последних лет в Хабаровском крае наблюдается тенденция снижения численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума со 192,0 тыс. чел. в 2012 г. до 166,6 тыс. чел. в 2017 г. Если в 2012 г. за чертой бедности проживало 14,3% населения края, то в 2017 г. этот показатель равнялся

³ Официальный интернет-портал Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. URL.: <http://www.gks.ru/> (дата обращения 14.10.2018).

12,5% (табл. 1)⁴.

Размер прожиточного минимума за анализируемый период увеличился, но, так как это увеличение обосновывалось увеличением стоимости потребительской корзины, оно никак не повлияло на снижение количества бедного населения края (табл. 2). Эксперты отмечают, что сам размер прожиточного минимума далек от реальности, потому что не включает важные статьи расходов, например, такие как стоимость аренды жилья или ипотечные платежи, то есть стандартные постоянные расходы.⁵

Проанализируем соотношение пенсии и прожиточного минимума в Хабаровском крае. Если пенсия ниже регионального прожиточного минимума пенсионера, превышающего прожиточный минимум пенсионера в целом по Российской Федерации, то устанавливается региональная

социальная доплата. Право на социальную доплату к пенсии имеют только неработающие пенсионеры, если сумма их материального обеспечения ниже прожиточного минимума пенсионера, установленного в регионе по месту их жительства. Соотношение пенсии и прожиточного минимума показывает, что средняя пенсия по Хабаровскому краю в полтора раза превышает прожиточный минимум (табл. 3). Рассмотрим среднедушевые доходы населения Хабаровского края за период 2013 – 2017 гг. (рис. 1).

Анализ показывает рост среднедушевых доходов населения за последние 5 лет. Средний уровень дохода составил 34435 руб. Прирост среднедушевых доходов до 2017 г. постоянно увеличивался. Наибольший прирост был зафиксирован в 2015 г. и составил 4570 руб., наименьший – в 2017 г. и составил 334 руб.

Таблица 1

Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума по Хабаровскому краю (2012 – 2017 гг.)⁴

Показатель	Годы					
	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, тыс. чел.	192,0	167,8	176,5	183,4	167,1	166,1
в % от общей численности населения	14,3	12,5	13,2	13,7	12,7	12,5

Таблица 2

Динамика величины прожиточного минимума в Хабаровском крае⁵

Год	Все население руб./мес.	в том числе по социально-демографическим группам населения, руб./мес.		
		трудоспособное население	пенсионеры	дети
2013	9939	10536	7985	10176
2014	11137	11809	8937	11630
2015	13417	14266	10792	13905
2016	13018	13860	10517	13500
2017	12956	13799	10498	13422
Темп роста 2012 – 2017 гг., %	130,4	130,97	131,47	131,9

⁴ Официальный интернет-портал Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю. URL.: <http://habstat.gks.ru/> (дата обращения 17.10.2018).

⁵ Почему повышение МРОТ не решение проблемы бедности в России. URL.: <http://nabat.news/2018/03/13/pochemu-povyshenie-mrot-ne-reshenie-problemy-bednosti-v-rossii/>

Таблица 3

Соотношение пенсии и прожиточного минимума

Год	Прожиточный минимум пенсионеры, руб.	Средний размер пенсии, руб.	Соотношение, руб./руб.
2013	7985	12714,4	1,6
2014	8937	14125,1	1,6
2015	10792	14473,6	1,3
2016	10517	14525,8	1,4
2017	10498	15445,6	1,5

Источник: составлено автором на основе статистических данных. URL.: <http://habstat.gks.ru/> (дата обращения 17.10.2018).

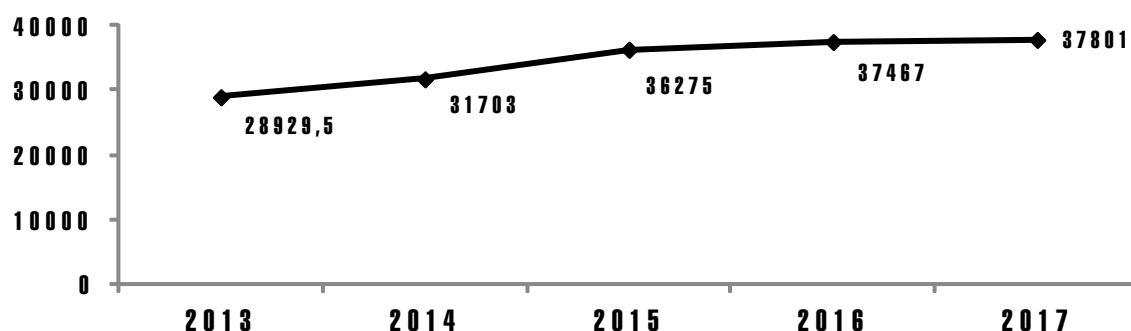

Рис. 1. Среднедушевые доходы населения Хабаровского края за период 2013 – 2017 гг.

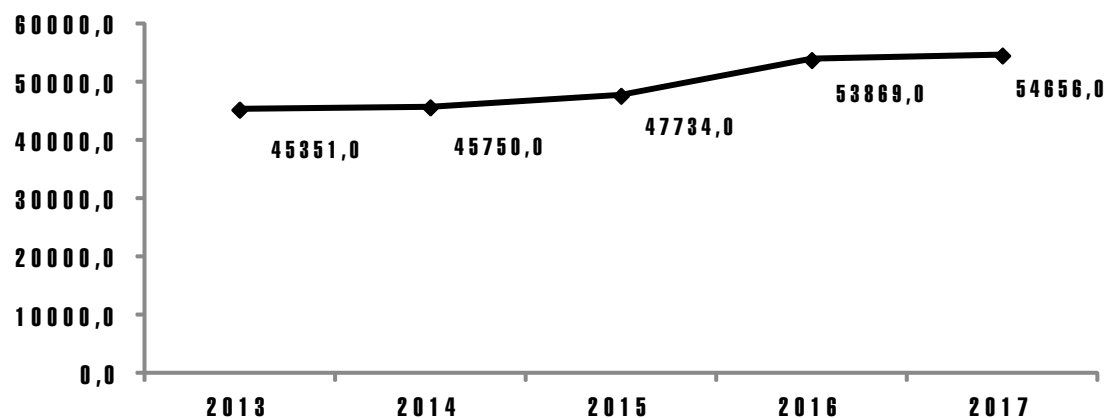

Рис. 2. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работающих в экономике Хабаровского края за период 2013 – 2017 гг.

Показатель «среднемесячная номинальная начисленная заработная плата» также имеет положительную тенденцию (рис. 2).

Однако соотношение данного показателя с реальными денежными доходами демонстрирует снижение уровня располагаемых денежных доходов населения за счет роста потребительских цен. В

настоящее время Хабаровский край попадает в первую десятку самых дорогих регионов страны по стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг.

В таблице представлена динамика номинальных и реальных денежных доходов населения Хабаровского края за 2012 – 2017 гг.

Таким образом, наблюдается повышение среднедушевых денежных доходов в 2017 г. по сравнению с 2013 г. на 8871,5 руб. / мес., что соответствует темпу роста 130,7%. При этом мы наблюдаем снижение реальных располагаемых денежных доходов населения в 2017 г по сравнению с 2012 г. на 7,7%.

Анализ покупательной способности среднедушевых денежных доходов населения Хабаровского края по основным продуктам питания в 2016 – 2017 гг. показал, что по ряду продовольственных товаров (подсолнечное масло, сахар-песок, капуста свежая белокочанная, морковь, крупы, картофель) потенциальная возможность их приобретения у населения увеличилась. Снижение потенциальной возможности приобретения товара произошло по таким позициям, как масло сливочное, чай черный байховый, рыба мороженая, молоко питьевое цельное стерилизованное, хлеб ржаной и ржано-пшеничный⁴.

Стоимость услуг жилищно-коммунальной и энергетической сферы для жителей Хабаровского края превышает стоимость, сложившуюся на аналогичные услуги в соседних регионах южной зоны Дальнего Востока (Приморском крае, Амурской области и Еврейской автономной области): по тарифу на оплату электроэнергии в квартирах без электроплит в 01.01.2018 г. Хабаровский край (427 руб. за 100 кВтч) опережает не только При-

морский край (337 руб.), но и Сахалинскую область (396 руб.), Амурскую область (352 руб.), ЕАО (376 руб.); по стоимости тарифа на холодную воду в 2017 г. Хабаровский край опередил не только южных соседей, но и Магаданскую область; по средней стоимости тарифа на оплату отопления Хабаровский край занимает одну из лидирующих позиций, выше стоимость только в Магаданской области.

Сложившуюся разницу в тарифах объясняют различиями в уровне издержек отдельных отраслей, предоставляющих услуги населению, и разными возможностями региональных бюджетов по дотированию потребительских услуг, регулируемых органами исполнительной власти.

Немаловажным показателем при оценке уровня бедности населения является и структура денежных доходов населения Хабаровского края (рис. 3).

Наибольшим удельным весом в доходах населения обладает оплата труда, и роль этого источника доходов возрастает. Также значимая доля принадлежит социальным выплатам, объем которых ежегодно увеличивается. Менее значимыми являются доходы от предпринимательской деятельности, а также доходы от собственности и др.

Для оценки уровня бедности населения используются различные индексы, позволяющие получить более дифференцированный анализ. Наиболее часто ис-

Таблица 4

**Динамика номинальных и реальных денежных доходов населения
Хабаровского края**

Показатель	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	Темп роста 2017/2013, %
Среднедушевые денежные доходы, руб./мес.	28929,5	31703,4	36275	37467	37801	130,7
Реальные денежные доходы, в процентном отношении к предыдущему году, %	107,5	100,5	99,0	94,8		92,3
Реальные располагаемые денежные доходы населения, в процентном отношении к предыдущему году, %	107,5	100,3	101,1	94,9		94,2

Источник: составлено автором на основе статистических данных. URL.: <http://habstat.gks.ru/> (дата обращения 17.10.2018).

пользуемыми являются коэффициенты глубины и остроты бедности населения. Глубина бедности представляет собой расстояние, на котором находится бедное население до черты бедности. Чем больше данное «расстояние», тем большее значение имеет коэффициент глубины бедности. Коэффициент остроты бедности характеризует максимальную глубину бедности, неравенство среди бедного населения, т. е. насколько беден самый бедный человек.

Проанализируем динамику уровня бедности населения Хабаровского края, используя индекс глубины и остроты бедности населения Хабаровского края (табл. 5).

В 2017 г. по сравнению с 2013 г. коэффициент глубины бедности сократил-

ся на 1,4 п.п. и достиг наименьшего значения за анализируемый период – 3,6%. Коэффициент остроты бедности также снижается, что свидетельствует о постепенном сокращении неравенства среди бедного населения.

Для выработки мероприятий региональной политики по сокращению бедности в Хабаровском крае необходимо установить степень влияния на уровень бедности населения различных факторов, среди которых: распространённость на территории края, малообеспеченность населения, степень расслоения по доходам. Первый значимый фактор, влияющий на уровень бедности, – заработная плата. Неоднократно в различных программах, посвященных проблеме бедности и повышению уровня жизни насе-

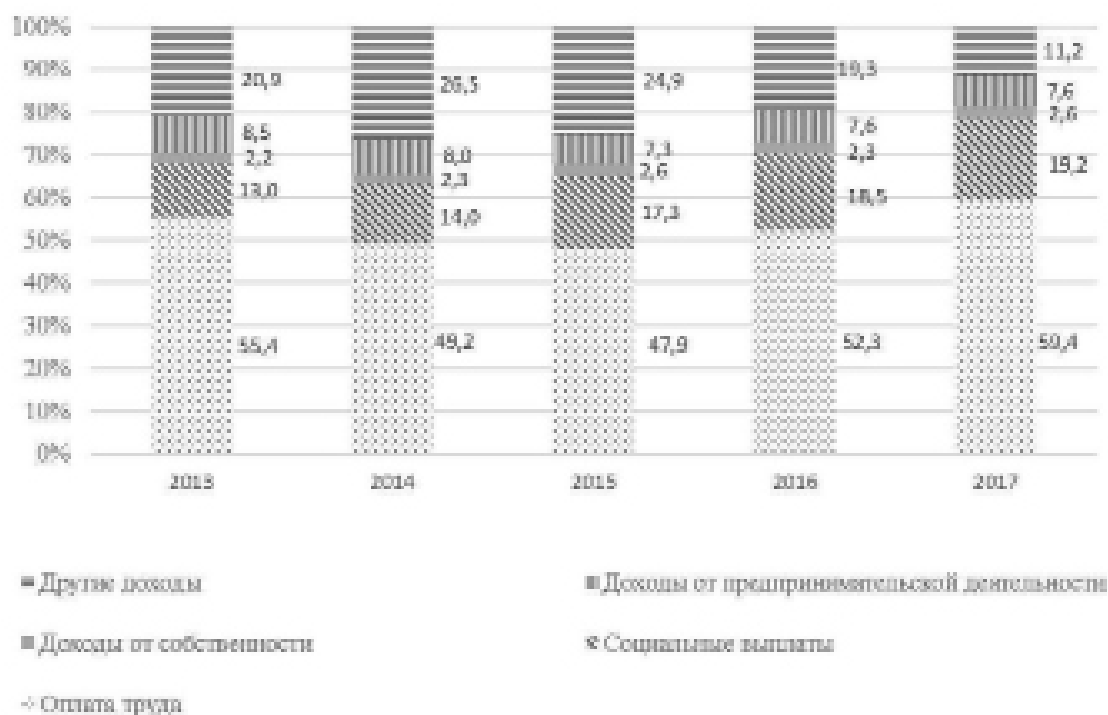

Рис. 3. Структура денежных доходов населения Хабаровского края

Таблица 5

**Коэффициенты глубины и остроты бедности населения
Хабаровского края (в %)**

Показатель	Годы				
	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Коэффициент глубины бедности	5,2	4,5	4,6	4,0	3,8
Коэффициент остроты бедности	2,2	1,8	1,8	1,6	1,5

Источник: составлено автором на основе статистических данных. URL.: <http://habstat.gks.ru/> (дата обращения 17.10.2018).

ления, отмечалось, что рост заработной платы – первоочередной источник сокращения бедности. В Хабаровском крае за анализируемый период наблюдалась тенденция роста средней заработной платы по Хабаровскому краю, за 5 лет этот показатель вырос на 8637 руб. (табл. 6).

Вторым фактором является безработица. Отметим, что уровень безработицы в Хабаровском крае в течение нескольких лет остается ниже среднероссийского показателя, в 2017 г. он составил 4,9%.⁴

Третьим фактором является социальная политика, т. е. совокупность мероприятий, направленных на повышение уровня благосостояния малоимущих слоев населения. Во многом её целесообразность и эффективность зависят от финансовой составляющей, от расходов на данные мероприятия в совокупном объеме валового регионального продукта, а также в общем объеме расходов региона.

Проведенный анализ уровня бедности населения с использованием абсолютно-го подхода оценки показывает в целом снижение уровня бедности в Хабаровском крае. Однако количество населения, находящегося за чертой бедности остается значительным. Проблема сокращения уровня бедности в крае остается актуальной и требует разработки новых мер и подходов к решению данного вопроса.

Среди основных векторов региональной политики, направленных на сокращение уровня бедности населения Хабаровского края, могут быть следующие мероприятия. Во-первых, стимулирование развития экономики для создания новых рабочих мест посредством привлечения инвесторов, развития малого и среднего бизнеса, самозанятости населения. Причем, если говорить о сельском

населении, то речь надо вести не только о малом и среднем бизнесе, но и о промыслах, ремесленничестве, индивидуальной трудовой деятельности, то есть о самозанятости как форме экономической деятельности, когда человек сам находит для себя работу, организует процесс труда, результаты которого обеспечивают его достойное существование. Особую значимость имеет расширение возможности трудоустройства в малых населенных пунктах. Можно предложить разработку программы по поддержке развития сельского туризма (родовых усадеб, гостевых подворий, экотуров и пр.), или включить это мероприятие в существующую государственную программу Хабаровского края «Развитие внутреннего и въездного туризма в Хабаровском крае (2013 – 2020 гг.)». Основным мероприятием в этом направлении является обучение жителей навыкам предоставления такого рода услуг и организация грантовой поддержки таких начинаний. Необходимо усилить эту работу на районном и поселенческом уровнях. Также разработать мероприятия по повышению занятости в поселениях, проработать вопросы создания залогового фонда из муниципального имущества для предоставления гарантий начинающим предпринимателям при получении кредитов в банках. Требуется определить приоритетные (нужные для жителей именно этого населенного пункта) виды деятельности для организации новых бизнесов, оказывать содействие предпринимателям (выделение помещений на льготных условиях, ускоренное оформление разрешительных документов и т. д.).

Во-вторых, оказание поддержки безработным гражданам. Меры пассивной поддержки безработных граждан сводятся к гарантированным на федеральном уровне денежным выплатам (пособия по

Таблица 6

Средняя заработная плата в Хабаровском крае, 2013 – 2017 гг. (руб.)

	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	Темп роста 2017/2013,%
Уровень средней заработной платы	34130	36450	37030	41136	42767	125,3

Источник: составлено автором на основе статистических данных. URL.: <http://habstat.gks.ru/> (дата обращения 17.10.2018).

безработице, стипендии в период профессионального обучения, переподготовки, повышения квалификации по направлению службы занятости, предоставление материальной помощи, досрочное назначение пенсии по предложению органов службы занятости). К используемым активным формам поддержки относятся: в сфере образования – профориентация, профессиональное обучение по профессиям (специальностям), видам деятельности, пользующимся спросом на рынке труда; обучение основам самозанятости и ведения бизнеса; в сфере содействия самозанятости – механизм предоставления субсидий на открытие собственного дела; в сфере обеспечения занятости – содействие в поиске работы и трудоустройстве, организация временных и общественных работ, подбор работы в другой местности с оказанием адресной финансовой поддержки при переезде в другую местность; в сфере развития нестандартных форм занятости (надомничество, совместительство) – гибкость использования рабочего времени, возможность работать людям с ограниченными возможностями.

Подобная политика активации безработных оказывается слабоэффективной в районах, где мало качественных рабочих мест. Существует и проблема «мертвого груза»: то есть участники, кому удается найти работу, часто вынуждены соглашаться на низкооплачиваемую занятость, с ограниченными возможностями карьерного роста, имеют высокий риск покинуть эту работу и повторно обратиться за пособием. Меры временной занятости больше сохраняют навыки активного, общественно-полезного труда, но не являются инструментом преодоления бедности. Основная государственная мера, которой могут воспользоваться начинающие предприниматели, – это субсидии на открытие собственного дела от центра занятости.

В Хабаровском крае на развитие фермерских хозяйств и личных подсобных хозяйств оказывается прямая финансовая поддержка в виде предоставления

грантов и субсидий (более 5 видов)⁶. Кроме этого, выделяются пахотные земельные участки с установлением льготной ставки арендной платы для выращивания картофеля и овощей, под сенокосы и пастбища. Инфраструктурный блок поддержки сельхозпроизводителей развивается фрагментарно и связан с формированием каналов сбыта (проведение ярмарок выходного дня, предоставление в районах торговых мест для реализации продукции); оказанием консультативной помощи по вопросам развития сельского хозяйства; поддержкой местных инициатив (путем предоставления грантов сельским поселениям в форме субсидий из краевого бюджета на реализацию проектов); финансовой помощью садоводческим товариществам по ремонту грунтовых дорог, линий электропередач, водопольных систем; покрытием части затрат на проведение ремонтных работ объектов сельскохозяйственного назначения и др.

Следующей мерой является поддержка малообеспеченных семей. В настоящее время в крае доминируют меры пассивной поддержки малоимущих граждан и семей: для региона характерна развитая система денежной компенсации (реализуется более 10 видов социальных выплат, льгот и компенсаций различного характера), оказание социальной помощи в натуральной форме (около 7 видов продуктовой, вещевой, лекарственной помощи). Однако объемы денежной адресной помощи недостаточны для изменения суммарного дефицита денежных доходов и выхода из состояния бедности.

Для повышения эффективности мероприятий по сокращению бедности необходимо расширить активные формы поддержки, стимулирующие самостоятельные действия по преодолению бедности, к которым можно отнести: компенсацию расходов за обучение в учреждениях образования всех уровней (для малоимущих инвалидов); развитие бесплатной юридической помощи для малообеспеченных слоев; внедрение

⁶ О распределении в 2015 г. субсидий субъектам Федерации на развитие фермерских хозяйств: распоряжения от 13 марта 2015 г. №417-р, от 14 марта 2015 г. №435-р, №436-р. URL.: <http://government.ru/> (дата обращения 23.09.2018).

механизма социального контракта, который в настоящее время недостаточно реализовал свой стимулирующий потенциал.

Меры поддержки пожилых граждан носят преимущественно пассивный характер (в крае предоставляется более 8 видов денежных выплат и льгот и 8 видов натуральной помощи). Основной мерой поддержания доходов пожилых граждан является региональная доплата к пенсии для неработающих пенсионеров, если сумма их совокупного дохода не достигает величины прожиточного минимума. Данный вид поддержки охватывает беднейшие слои пенсионеров, позволяет выйти из состояния глубокой бедности, но не выводит граждан на качественно новый уровень материального обеспечения. Лицам, имеющим особые заслуги перед Российской Федерацией и Хабаровским краем, ежемесячно выплачивается персональная надбавка к пенсии – 700 руб. Однако из-за невысокого размера выплаты и ограниченного круга получателей эту меру нельзя отнести к мерам, способствующим преодолению бедности⁷. Специальных программ для пенсионеров, предполагающих возможность переобучения, трудоустройства, создания дополнительного источника дохода, кроме пенсии, действующим законодательством региона практически не предусмотрено. Образовательная политика в отношении пожилых людей ограничена обучением компьютерной грамотности.

Для пенсионеров, которые получают минимальную пенсию, но по здоровью могут и хотят работать, можно разработать проект по созданию специальных рабочих мест, которые бы (места) могли удовлетворять некоторым из условий: невысокая квалификация; невредные условия труда; режим неполного рабочего времени в производственных условиях; использование надомного труда.

Таким образом, в Хабаровском крае основной акцент сделан на использова-

нии пассивных мер поддержки. Однако в крае отсутствует система комплексной поддержки бедных для вывода их из состояния бедности. Реализуемые меры (например, адресная помощь в виде социального контракта предоставляется многодетным семьям) носят краткосрочный характер и ориентированы на социально уязвимые категории граждан, не способные заниматься трудовой деятельностью. Предоставляемые размеры помощи не позволяют преодолеть черту бедности, то есть эффективность мер поддержки с точки зрения воздействия на уровень бедности является низкой. Поэтому необходимо наряду с пассивными мерами развивать активные меры поддержки. К решению задач по снижению уровня бедности необходимо привлечь бизнес, научно-исследовательские, неправительственные и религиозные организации и средства массовой информации. Важно развивать промышленность и сеть транспортных дорог, предоставлять льготы и помогать предприятиям в состоянии застоя для обеспечения людей новыми рабочими местами. Необходима также активизация населения на местном уровне и развитие местной инициативы.

Список литературы:

1. Чеховский Н. Богатые и очень бедные // Свободная пресса. 2012. 15 окт.– URL.: svpressa.ru/economy/article/59649.
2. Рэвельон М. Сравнительные оценки бедности. Всемирный банк. Вашингтон, 2000. С. 131.
3. Симонян Р. Х. Есть ли особый «русский путь»? (полемиические заметки) // Социс. 2013. № 7. С. 137–148.
4. Бондаренко Н. А., Сюпова М. С. Влияние уровня экономического развития регионов на дифференциацию доходов населения // Вестник ТОГУ. 2018. №1 (48). С. 89–98.

Библиографическое описание статьи

Халикова С. С. Оценка уровня бедности населения Хабаровского края // Власть и управление на Востоке России. 2018. № 4 (85). С. 127–136. DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-127-136

⁷ О персональной надбавке к пенсии лицам, имеющим особые заслуги перед Российской Федерацией, Хабаровским краем. URL.: <https://kguhb.mszn27.ru/node/33778>

Svetlana S. Khalikova – Candidate of Sociology, Associate Professor of the state and municipal management and service law chair, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA (33, Str. Muravyev-Amurskiy, Khabarovsk, 680000, Russian Federation). E-mail: halikovas@yandex.ru

Assessment of the poverty level of the Khabarovsk territory population

The article presents an analysis of poverty and the level of its manifestation in the Khabarovsk territory using the absolute concept of poverty assessment. Analyzed the dynamics of the indicators characterizing the level of poverty and income differentiation of the population of the Khabarovsk territory, such as the proportion of the population with the incomes below the subsistence level, average income per capita, the average wage of the population, income structure, indices of depth and severity of poverty. The author notes that despite the fact that the statistical data and the considered coefficients generally demonstrate a reduction in poverty in the Khabarovsk territory, the problem of poverty remains relevant. The result of the analysis are proposals to reduce poverty and income differentiation in the Khabarovsk territory through the expansion of active forms of support, stimulating independent actions to overcome poverty, such as: the development of small and medium-sized businesses, in order to create new jobs, self-employment; assistance and support to various segments of the population and others.

Keywords: poverty, the Khabarovsk territory, poverty reduction, poverty level, standard of living, fight against poverty, absolute approach.

References:

1. Chekhov N. The rich and the very poor. *Svobodnaya pressa* [Free press]. October 15, 2012. URL.: svpressa.ru/economy/59649. (In Russian).
2. Ravellon M. Comparative estimates of poverty. The World Bank. Washington, 2000. 131 p. (In Russian).
3. Simonyan R. Kh. Is there a special “Russian way”? (polemical notes). *Sotsis* [Sociology]. 2013, no. 7, pp. 137–148. (In Russian).
4. Bondarenko N. A., Syupova M. S. Influence of the level of economic development of the regions on the differentiation of incomes of the population. *Vestnik TOGU*. [Bulletin of PNU], 2018, no.1 (48), pp. 89–98. (In Russian).

Reference to the article

Khalikova S. S. Assessment of the poverty level of the Khabarovsk territory population // Power and Administration in the East of Russia. 2018. No. 4 (85). Pp. 127–136. DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-127-136

ПРЕДСТАВЛЯЮ К ЗАЩИТЕ

DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-137-143

УДК 614.39(571.6)

Ю. А. Кулагина

Развитие программного обеспечения управления профилактикой здоровья населения г. Хабаровска

В статье рассматриваются возможности муниципальной программы по реализации комплекса профилактических мероприятий, связанных с сохранением и укреплением здоровья населения Хабаровска, в ситуации изменения законодательства в области здравоохранения и изменения полномочий муниципальных органов управления по оказанию медицинской помощи населению. Предлагается анализ эффективности использования программно-целевого подхода в решении профилактических задач сохранения и укрепления здоровья. Определяются и анализируются приоритеты профилактики здоровья – популяризация физической активности, здорового питания, формирование антитабачных и антиалкогольных предпочтений, профилактика социально-значимых заболеваний. Представлены статистические данные выполнения мероприятий муниципальной программы сохранения и укрепления здоровья населения, а также показатели оценки ее эффективности, в том числе с использованием общественного мнения и общественной экспертизы. Выявлены недостатки в управлении социальной программой, определены и обоснованы перспективные направления развития всех видов профилактики здоровья. Предложены варианты совершенствования управления программой при активном взаимодействии администрации города с государственными органами власти всех уровней, а также развитии межсекторального взаимодействия, при объединении усилий органов законодательной и исполнительной власти, предприятий и учреждений различных ведомств, общественных и религиозных организаций и объединений.

Ключевые слова: охрана здоровья населения, программы сохранения и укрепления здоровья, показатели здоровья населения, показатели эффективности программ, управление программами, виды профилактической деятельности.

Перспективные направления социального развития г. Хабаровска связаны с созданием современных условий для улучшения здоровья граждан. Актуальность и значимость проблемы здоровья обосновывают факторы и тенденции, сложившиеся в настоящее время в Хабаровске и Хабаровском крае. К ним относятся низкие показатели рождаемости, решение задач, связанных с повышением продолжительности жизни и увеличением пенсионного возраста.

Поднятие городской отрасли здравоохранения до уровня полномасштаб-

ной реализации поставленных задач осуществляется через развитие следующих приоритетных направлений: повышение качества и доступности медицинской помощи, совершенствование лекарственного обеспечения, развитие медицинской науки, подготовка современных медицинских кадров, формирование ценностей здорового образа жизни. Также особенностью данного периода является переход современного здравоохранения от парадигмы лечения больного к парадигме сохранения его здоровья.¹

¹ Об утверждении муниципальной программы «Сохранение и укрепление здоровья» на 2015 – 2020 годы Постановление администрации г. Хабаровска от 13 ноября 2013 г. № 4315 (в ред. постановления администрации г. Хабаровска от 03.04.2017 № 1032).

Юлия Алексеевна Кулагина – аспирант, Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС (680000, Россия, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33). E-mail: kulagina-yuliana@mail.ru

Смена полномочий в области здравоохранения осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 21.11.2011 г., № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». В настоящее время муниципальные органы управления оказались в ситуации, когда с изменением законодательства в здравоохранении изменились и их полномочия по организации и предоставлению медицинской помощи, которая полностью передана на государственный уровень. С другой стороны, у органов муниципального управления появились возможности реализации мероприятий по профилактике заболеваний и формированию здорового образа жизни населения, при условии, что эти полномочия будут определены и конкретизированы законами субъекта Российской Федерации. В Хабаровском крае такой закон принят 22.03.2013 г. № 273 «Об осуществлении органами местного самоуправления городских округов и муниципальных районов Хабаровского края отдельных полномочий по охране здоровья».²

В 2013 г. в рамках новых полномочий в Хабаровске принята Концепция формирования здорового образа жизни и профилактики заболеваний на 2013 – 2018 гг., а также целевая муниципальная программа «Сохранение и укрепление здоровья» (на период до 2020 г.), утверждено положение об управлении здравоохранением администрацией города Хабаровска.³

Целевые показатели муниципальной программы «Сохранение и укрепление здоровья» на 2015 – 2020 гг. включены в Стратегию социально-экономического развития городского округа «Город Хабаровск» на период до 2030 г. Содержательно и методически программно-целевые положения опираются на рекомендации Всемирной организации здравоохранения, связанные с тремя основными стратегиями снижения смертности и повышения продолжительности жизни, к ним относятся: популяционная (всеобщая)

стратегия профилактики, профилактическая стратегия выявления лиц высокого риска и коррекции у них факторов риска, вторичная профилактика, которая включает лечебные мероприятия в период обострения заболеваний и предлагает меры по их предупреждению.

Следует отметить, что в данной ситуации программно-целевой метод был использован как наиболее эффективный в обеспечении целенаправленного воздействия на проблемы охраны здоровья жителей города, не находившие своего решения в условиях инерционного развития общественной системы. Социальная программа «Сохранение и укрепление здоровья» обеспечила воздействие на проблему путем реализации комплекса мер, взаимосвязанных по срокам, направлениям, исполнителям, ресурсному обеспечению, межтерриториальному характеру программно-целевого финансирования и прочее.

Важным обстоятельством является то, что программа разрабатывалась с учетом показателей здоровья населения Хабаровска, а также основных тенденций развития здоровьесберегающей среды и ресурсных возможностей.

Основными задачами реализации программы являются: популяризация физической активности среди населения, организация здорового питания, формирование антитабачного и антиалкогольного поведения, профилактика социально-значимых заболеваний, формирование ценностей здорового образа жизни, особенно в целевой группе «дети и подростки».

Программные мероприятия осуществляются во взаимодействии со структурными подразделениями администрации города, организациями и учреждениями различных форм собственности. С начала 2018 г. проведено 3742 мероприятия с охватом 801807 участников, из них управлением здравоохранения – 1516 мероприятия (84371 участников). В 2018 г. на 32% увеличилось число участ-

² Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ.

³ Концепция формирования здорового образа жизни и профилактики заболеваний в городе Хабаровске на 2013 – 2018 годы: Постановление администрации города Хабаровска от 31.05.2013 № 1872.

ников акции «Шаги здоровья», на 21% – акции «Зарядка для всех». Во всех районах города организовано проведение ежегодных акций «День здоровья и спорта», «Всемирный день ходьбы», «Зарядка для всех» с охватом более 7 тыс. чел.

В целях повышения эффективности профилактической работы с населением помимо информационной пропаганды через средства массовой информации и сайты в рамках реализации программы используются разные формы работы, в том числе с массовым участием населения: акции, мастер-классы, ярмарки, конкурсы, школы здоровья, конференции, круглые столы и др. В работе по вопросам здорового образа жизни широко используются ресурсы и возможности различных структур, ведомств, общественности города. К исполнителям программы присоединяются целые коллективы, которые объявляют свои организации «свободными от курения», «территорией здорового образа жизни», «мы за здоровый образ жизни» и т. д.

Приоритетами программно-целевого обеспечения были выбраны следующие позиции, которые и определили проблемное поле программирования: демографическая ситуация, связанная с численностью населения, его половозрастным составом; динамика показателей смертности и рождаемости, социально-значимые виды заболеваний, а так же развитие профилактической базы. Выполнение программы уже дает

положительные результаты.

В настоящее время всерьез можно говорить о тенденции увеличения численности населения Хабаровска. Так, с 2016 г. по данным Хабаровскстата население увеличилось на 12500 чел. (рис. 1).

Темпы роста населения Хабаровска опережают другие города Дальнего Востока и даже являются выше общероссийских. Но увеличение происходит на 80% за счет миграционных потоков, и только на 20% за счет роста показателей рождаемости и снижения смертности.

Коэффициент рождаемости также вырос с 11,0 в 2016 г. до 13,4 на конец 2017 г. и перекрывает показатель смертности. В структуре смертности (рис. 2) первое место среди причин занимают сердечно-сосудистые заболевания, второе место – новообразования, третье место – травмы и отравления.

В настоящее время в Хабаровске фиксируется естественный прирост населения. Коэффициент естественного прироста в 2017 г. составил 2,4 промилле. Но с учетом потери населения этого показателя недостаточно. Вместе с тем достигнутые результаты являются поводом для реального роста численности населения Хабаровска с учетом накопленного опыта.

Проблемой демографического развития для Хабаровска в области профилактики здоровья населения так же является разбалансированность возрастной

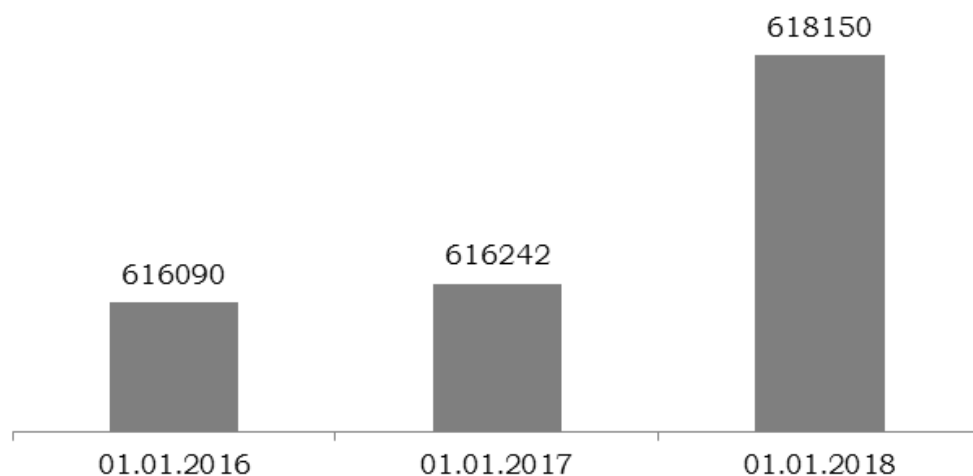

Рис. 1. Динамика увеличения численности Хабаровского края с 01.01.2016 по 01.01.2018 в кол./чел.

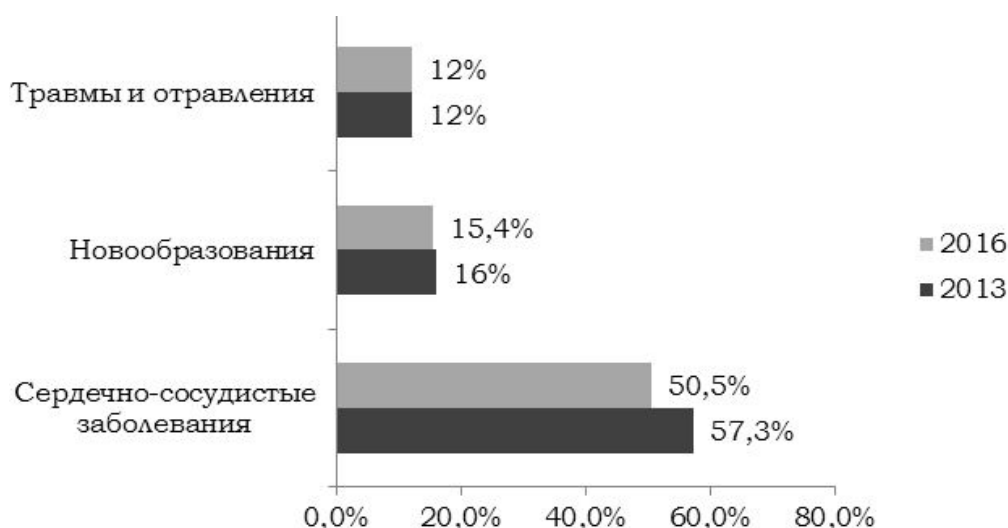

Рис. 2. Соотношение основных причин смертности населения г. Хабаровска за 2013 г., 2016 г. (в %)

структуры жителей города, связанная с увеличением нагрузки на трудоспособное население из-за роста численности пожилого населения. Если в 2015 г. численность пенсионеров составляла 148,8 тыс., то в настоящее время она увеличилась до 170,8 тыс. чел.

В этой связи руководством программы уделяется внимание такому виду деятельности как диспансеризация трудоспособного населения и молодежи. Из числа лиц, прошедших обследование в 2017 г., 58,3% составляют женщины и 41,7% – мужчины. Лица от 21 до 36 лет составили 35,3%, до 60 лет – 39,2%, старше 60 лет – 25,5%. Вместе с тем отмечается низкая активность в прохождении диспансеризации молодежи и лиц среднего возраста, когда при обследовании можно выявить факторы риска и предотвратить развитие заболеваний. Недостаточный уровень диспансеризации приводит к отсутствию полномасштабной статистической информации и качественной организации профилактической работы.

С 2015 г. администрация Хабаровска работает во взаимодействии с Ассоциацией «Здоровые города, районы и поселки». Ежегодно опыт работы Хабаровска транслируется на международных, общероссийских конференциях и форумах, которые проводились в г. Хабаровске, Москве, Санкт-Петербурге, Пскове, Вологде и др. Проект программы «Эстафета здоровья» по повышению физической ак-

тивности в 2016 г. был удостоен диплома на смотре-конкурсе городских практик городов СНГ и ЕАЭС «Город, где хочется жить». Эффективность работы администрации города по вопросам здорового образа жизни высоко отмечена на международном форуме в феврале 2017 г. в г. Москве. В общероссийских конкурсах по здоровому образу жизни активно участвуют партнеры администрации: Дальневосточный государственный медицинский университет, Тихоокеанский государственный университет, учреждения дополнительного образования и другие организации, работающие с населением. Особо нужно отметить улучшение информационного обеспечения пропаганды здорового образа жизни, а так же увеличение количества муниципальных предприятий и учреждений, которые ведут активную профилактическую работу [Журавлева, Скорик, Балабкин, Аристова, 2015. С. 18–22].

По всем целевым показателям оценки эффективности (их в программе 10) происходят позитивные изменения. Это подтверждает ежегодная оценка выполнения программы. Увеличивается доля лиц с умеренной и высокой физической активностью, а так же охват населения профилактическими мероприятиями, направленными на здоровый образ жизни (табл. 1). Улучшения, хоть и незначительные, фиксируются и по всем остальным показателям.

Таблица 1

Целевые показатели и индикаторы программы «Сохранение и укрепление здоровья» на 2015 – 2020 гг. в г. Хабаровске

№ п/п	Целевые показатели	Ед. изме- рения	2013 факт	2014	2015	2016	2017	Плановый период (год)		
								2018	2019	2020
1	Доля лиц с умеренной и высокой физической активностью среди взрослого населения	%	35	35,5	36	36,5	37,2	37,5	38	38,5
2	Увеличение охвата населения профилактическими мероприятиями, направленными на здоровый образ жизни	тыс. чел.	90,3	92,3	94,2	96,1	98	99,9	101,8	103,8
3	Увеличение числа мероприятий по повышению физической активности населения	ед.	132	256	261	266	271	276	281	286

Источник: составлено автором на основе данных Муниципальной программы «Сохранение и укрепление здоровья» на 2015 – 2020 гг.

Следует также отметить, что оценка эффективности целевых показателей программы измеряется не только статистически, но и методами социологических опросов населения [Байков, 2017. С. 85–87].

Проведенный анализ разработки и реализации муниципальной программы «Сохранение и укрепление здоровья на 2015 – 2020 гг. в г. Хабаровске», позволил выявить ряд недостатков и трудностей.

Отмечается недостаточный охват профилактической работой по продвижению здорового образа жизни в высших и средних образовательных учреждениях, низкий уровень просвещенности молодежи в вопросах планирования здоровой семьи, подготовки к рождению здорового ребенка, по сохранению репродуктивного здоровья, традиционных семейных ценностей.

Распространенность алкоголизма, табакокурения, наркомании среди молодежи все же остается достаточно высокой. Долгие годы население подвергалось негативному влиянию пропаганды о полезном и модном увлечении курением, алкоголем. В погоне за доходами население

убеждали в том, что пиво – это безалкогольный или слабоалкогольный напиток, в результате получили пивной алкоголизм и расстройство репродуктивной функции у молодежи, что в совокупности с другими негативными факторами создает угрозу демографической ситуации.

В структуре основных причин смертности населения сохраняется высокая доля сердечно-сосудистых заболеваний (более 50%). Причинами этого являются: недостаточная физическая активность, нерациональное питание, отсутствие контроля и коррекции параметров здоровья, несвоевременное прохождение диспансеризации, отсутствие профилактического лечения и др.

Дальнейшая реализация профилактики также направлена на использование тех программных мероприятий, где особое внимание уделяется реализации мер, связанных с мотивацией к повышению рождаемости и сохранению традиционных семейных ценностей в рамках проекта «Школа молодой семьи». В городском округе будут реализовываться ежегодные образовательные программы организаторов здорового образа жизни (ЗОЖ) для

высших, средних учебных заведений и общеобразовательных учреждений.

2018 г. в Российской Федерации объявлен годом борьбы с онкозаболеваниями. Это связано с тем, что в России каждый год диагностируют такие заболевания примерно у 500 тыс. чел. Результаты лечения онкозаболеваний у жителей Хабаровска имеют как социальное, так и демографическое значение. Необходимо в 2018 г. организовать комплексную работу по информированию населения о профилактике и своевременном выявлении онкозаболеваний на ранних стадиях (акции, круглые столы, конференции, выступления в СМИ, подготовка информационных материалов и др.).

Также существует необходимость в обеспечении координации действий лечебных учреждений города, комитетов администрации по управлению районами, предприятий и учреждений всех форм собственности по профилактике заболеваний, выполнению объемов флюорографии, диспансеризации работающего населения, вакцинации по эпидемическим показаниям.

Сегодня популяционные программы профилактики, посвященные борьбе с низкой физической активностью, реализуются в 72 странах, по отказу от курения – в 41 стране, формированию правильных привычек в питании – более чем в 20 странах.

Муниципальное образование располагает достаточными административными

ресурсами для организации и проведения популяционной профилактики, прежде всего, пропаганды полезных поведенческих привычек, препятствующих развитию сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний и способствующих увеличению продолжительности жизни.

Таким образом, дальнейшая реализация мероприятий программы «Сохранение и укрепление здоровья на 2015 – 2020 гг. в Хабаровске» возможна при активном взаимодействии с государственными органами власти всех уровней, а так же при развитии межсекторального взаимодействия, предполагающего объединение усилий органов законодательной и исполнительной власти, различных ведомств, общественных и религиозных организаций и объединений.

Список литературы:

1. Байков Н. М., Березутский Ю. В., Скорик Т. М., Журавлева Ю. С., Майтама М. В. Приверженность хабаровчан к здоровому образу жизни: социологический мониторинг // Власть и управление на Востоке России. 2017. № 1 (78). С. 85–90.
2. Журавлева, Ю. С., Скорик Т. М., Балабкин, И. В., Аристова Г. А. Опыт организации массовых профилактических акций, направленных на популяризацию физической активности на муниципальном уровне (на примере города Хабаровска) // Здравоохранение Дальнего Востока. 2015. № 4 (66). С. 18–22.

Библиографическое описание статьи

Кулагина Ю. А. Развитие программного обеспечения управления профилактикой здоровья населения г. Хабаровска // Власть и управление на Востоке России. 2018. № 4 (85). С. 137–143. DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-137-143

Yuliya A. Kulagina – graduate student, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPa (33, Muravyev-Amurskiy Str., Khabarovsk, 680000, Russian Federation). E-mail: kulagina-yuliana@mail.ru

Development of the software of prevention management of health of the population of Khabarovsk

In this article the possibilities of the municipal program for realization of a complex of preventive actions connected with preservation and promotion of health of the population of Khabarovsk in a situation of change of the legislation in the field of health care and change of the powers of municipal governing bodies on health care to the population are considered. The analysis of efficiency of use of the program and target approach in the solution of preventive problems of preservation and promotion of health is offered. Priorities of prevention

of health which are concentrated on promoting of physical activity, healthy food, forming of antismoking and anti-alcoholic preferences, prevention of the socially important diseases are determined and analyzed. Statistical data of performance of actions of the program of preservation and promotion of health of the population, and also indicators of assessment of its efficiency, including with the use of public opinion and public examination are provided. Shortcomings of management of the social program are revealed, the perspective directions of development of all types of prevention of health are determined and proved. Options of improvement of management of the program are offered in the active interaction of the city administration with the public authorities of the power of all levels and also development of inter-sector interaction, at combination of efforts of the bodies of legislative and executive power, the enterprises and institutions of different departments, public and religious organizations and associations.

Keywords: monitoring, vacancy, contract service, contract manager, labor, procurement, procurement activities.

References:

1. Baikov N. M., Berezutsky Yu. V., Skorik T. M., Zhuravleva Yu. S., Maytama M. V. Adherence to Khabarovsk for a healthy lifestyle: sociological monitoring. *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and Control in the East of Russia], 2017, no. 1 (78), pp. 85–90. (In Russian).
2. Zhuravleva, Yu. S., Skorik T. M., Balabkin, I. V., Aristova G. A. Experience in organizing mass preventive actions aimed at promoting physical activity at the municipal level (using the example of the city of Khabarovsk). *Zdravookhraneniye Dal'nego Vostoka* [Healthcare Far East], 2015, no. 4 (66), pp. 18–22. (In Russian).

Reference to the article

Kulagina Yu. A. Development of the software of prevention management of health of the population of Khabarovsk // Power and Administration in the East of Russia. 2018. No. 4 (85). Pp. 137–143. DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-137-143

DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-144-150

УДК 351+352

И. А. Андроняк**Муниципальная услуга и ее сущностные характеристики:
нормативно-правовые аспекты**

Исследование правовой природы и сущности оказания государственных и муниципальных услуг позволяет своевременно выявлять направления совершенствования данной сферы и, как следствие, более эффективно реализовывать права гражданина. Цель: представление результатов исследования в области деятельности органов местного самоуправления в сфере предоставления муниципальных услуг. Методология исследования – анализ современного состояния оказания государственных и муниципальных услуг посредством изучения нормативных правовых и доктринальных источников по рассматриваемой теме. В результате предложен авторский подход к изучению нормативного содержания понятия «муниципальная услуга», рассмотрены его структурные элементы, предлагается трактовка самого термина с учетом сделанных выводов. Автором также предпринята попытка подробно регламентировать каждый из существующих элементов нормативного содержания понятия «муниципальная услуга», к которым отнесены услуга (как средство достижения результата), функция органа местного самоуправления (цель реализации которой и есть необходимый результат), заявитель (как субъект, обладающий правом на муниципальную услугу), орган местного самоуправления (как субъект, наделенный обязанностью по исполнению муниципальной услуги), правовая основа (которая состоит из норм федеральных законов, а также положений уставов муниципальных образований).

Ключевые слова: муниципальная услуга, муниципальные органы, услуга, местное самоуправление, государственная услуга, заявитель, административный регламент, многофункциональный центр.

Деятельность любого государства направлена на обеспечение надлежащего уровня жизни, безопасности и эффективной реализации прав и свобод своих граждан. Не является исключением и Российская Федерация, в Конституции которой указано, что её многонациональный народ выступает носителем суверенитета и единственным источником власти в государстве, его права и свободы – высшая ценность, а цель государства – обеспечить их, создав необходимые условия для этого на всех уровнях государственного управления – от федерального до муниципального.

В рамках данной статьи автором будет предпринята попытка рассмотреть нормативное содержание одного из воз-

можных средств реализации гражданином своих прав на местном уровне путем использования муниципальных услуг.

Реализация полномочий органов местной власти регулируется, помимо Конституции России, Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹, а также рядом других правовых актов [Селихова, 2016. С. 123–134; Соловьев, 2017. С. 33–38; Кожевников, 2017. С. 61–67]. Если вести речь про оказание населению муниципальных услуг, то в данном случае интерес представляет Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципаль-

¹ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ : по сост. на 16 декабря 2017 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 40, ст. 3822.

Иван Александрович Андроняк – аспирант, Нижегородский институт управления – филиал РАНХиГС (603950, Россия, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, д. 46). E-mail: 'bait039@hotmail.com'

ных услуг»² (далее – Закон), который целиком и полностью регулирует отношения, возникающие в связи с предоставлением государственных и муниципальных услуг уполномоченными на то органами власти и местного самоуправления.

Значимость данного правового акта заключается в формировании конкретного алгоритма оказания различного вида гос- и муниципальных услуг, полномочий и прав субъектов и объектов указанных правоотношений.

Стоит отметить, что предмет изучения в рамках настоящей статьи раскрыт в ст. 2 Закона, где дается достаточно подробное определение термина «муниципальная услуга», под которым понимается «деятельность по реализации функций органа местного самоуправления, которая осуществляется по запросам заявителей в пределах полномочий органа, предоставляющего муниципальные услуги, по решению вопросов местного значения, установленных в соответствии с Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и уставами муниципальных образований».

Рассмотрим нормативное содержание данного понятия, исходя из ключевых его элементов, к которым относятся:

- услуга, как средство достижения результата;
- функция органа местного самоуправления, цель реализации которой и есть необходимый результат;
- заявитель, как субъект, обладающий правом на муниципальную услугу;
- орган местного самоуправления, как субъект, наделенный обязанностью по исполнению муниципальной услуги;
- правовая основа, которая состоит из норм федеральных законов от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» и от 6 октября 2003 г.

№ 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», а также положений уставов муниципальных образований.

Первый элемент – «услуга» имеет греческие корни [Слово произошло..., 1964] и в настоящее время упоминается в нескольких нормативных актах разного уровня правового регулирования.

Например, в ныне утратившем юридическую силу Федеральном законе от 13 октября 1995 г. № 157-ФЗ «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности»³ под услугой понималась предпринимательская деятельность, направленная на удовлетворение потребностей других лиц, за исключением деятельности, осуществляемой на основе трудовых правоотношений.

В аналогичном действующем законе такой термин уже не употребляется, но зато он предусмотрен приказом Росстата от 29 сентября 2017 г. № 643 «Об утверждении официальной статистической методологии формирования официальной статистической информации об объеме платных услуг населению в разрезе видов услуг»⁴: «услуги – это результат производственной деятельности, осуществляемой по заказу в соответствии со спросом потребителя с целью изменения состояния потребляющих единиц (либо физического или интеллектуального состояния самого потребителя, либо принадлежащих ему предметов) или содействия обмену продуктами или финансовыми активами».

Существуют и иные трактовки термина «услуга» с различными правовыми окрасками, как, например, «консультационные услуги», под которыми понимаются услуги по предоставлению разъяснений, рекомендаций и иных форм консультаций, включая определение и (или) оценку проблем и (или) возможностей лица, по управленческим, экономическим, финансовым (в том числе налоговым и бухгалтерским) вопросам, а также по вопросам планирования,

² Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: федер. закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ : по сост. на 5 декабря 2017 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 31, ст. 4179.

³ О государственном регулировании внешнеторговой деятельности : федер. закон от 13 октября 1995 г. № 157-ФЗ : утратил силу 18 июня 2004 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 42, ст. 3923.

⁴ Об утверждении официальной статистической методологии формирования официальной статистической информации об объеме платных услуг населению в разрезе видов услуг : приказ Росстата от 29 сентября 2017 г. № 643 // Документ опубликован не был.

организации и осуществления предпринимательской деятельности, управления персоналом⁵; «услуги, предоставляемые населению библиотеками»⁶ и др.

В некоторых муниципальных правовых актах также была предпринята попытка дать определение понятия «услуги». В частности, Решением Совета депутатов Чеховского муниципального района предусматривалось определение понятия «услуги муниципальных организаций» через осуществление предпринимательской и иной приносящей доход деятельности⁷.

В юридической литературе также можно найти попытки дать определение искомому понятию. Это связано с тем, что ученые не всегда поддерживают законодателя в обязательном наделении того или иного явления определением [Зенин, 2014. С. 27–31]. В этой связи возникает множество иных трактовок и подходов к терминологической определенности тех или иных понятий. Не стала исключением и «услуга». Так, ряд ученых нераздельно связывают данный термин с иным, схожим по сущности, но более объемного содержания термином «работа» [Сокол, 2009; Полотовская 2012]. Интересен тот факт, что данные термины разграничивает Налоговый кодекс РФ, в котором четко сказано, что работа и услуга выражены деятельностью, только в первом случае она имеет материальное выражение и может быть реализована для удовлетворения потребностей организации и (или)

физических лиц, а во втором – не имеет материального выражения, реализуется и потребляется в процессе осуществления этой деятельности⁸. И как верно отмечает С. А. Васильев: «...суть услуги, ее цель составляет непосредственно сама деятельность по реализации этой услуги, возможный материальный результат здесь есть сопутствующий элемент в отличие от работы, где соответствующий результат как раз имеет определяющее значение (это, например, строительство помещения по договору строительного подряда)» [Васильев, Грачева, Дорошенко, и др., 2016].

Таким образом, сама по себе услуга означает результат, полученный посредством взаимодействия между двумя субъектами, когда первый совершает действие (действия) по запросу (просьбе) второго субъекта.

Говоря про функции органа местного самоуправления (второй элемент нормативного содержания понятия «муниципальная услуга»), следует учитывать, что органы местного самоуправления осуществляют полномочия только по вопросам, входящим в предмет муниципальной деятельности [Васильев, Грачева, Дорошенко, и др., 2016], т. е. тем, которые относятся к непосредственному обеспечению жизнедеятельности населения на территории соответствующего муниципального образования. Например, муниципальные услуги могут оказываться в сферах строительства, архитектуры

⁵ Договор о Евразийском экономическом союзе : подписан в г. Астане 29 мая 2014 г. : по сост. на 08 мая 2015 г. : вступил в силу 12 августа 2017 г.

⁶ Социально значимые услуги, предоставляемые населению на бесплатной основе (за счет бюджетного финансирования) и на платной основе (за счет средств потребителей) в соответствии с Федеральным законом «О библиотечном деле», Общероссийским классификатором видов экономической деятельности, продукции и услуг, утвержденным Постановлением Госстандарта РФ от 06.08.1993 № 17, видами библиотек, их организационно-правовыми формами и формами собственности, носящие интегрированный характер и связанные с обеспечением пользователей необходимой информацией (в т.ч. в электронном виде), организацией и проведением различных по форме и тематике культурно-массовых мероприятий (лекций, обсуждений, «круглых столов», праздников, представлений, конкурсов и т.п.), обеспечением научно-просветительской и образовательной деятельности: Приказ Минкультуры России от 01 сентября 2011 г. № 906 «О нормативах штатной численности работников государственных и муниципальных учреждений культурно-досугового типа и библиотек» (вместе с «Методическими рекомендациями по применению нормативов штатной численности работников государственных и муниципальных учреждений культурно-досугового типа и центральных библиотек субъектов Российской Федерации»): документ опубликован не был.

⁷ Решение Совета депутатов Чеховского муниципального района МО от 21 августа 2009 г. № 72/7 «Об утверждении Порядка установления тарифов на услуги муниципальных предприятий и муниципальных учреждений в Чеховском муниципальном районе» : утратил силу.

⁸ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) : федер. закон от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31, ст. 3824.

и жилищно-коммунального хозяйства⁹, распоряжения муниципальным имуществом¹⁰, земельных отношений¹¹ и культуры¹². Перечисленное не является исчерпывающим перечнем всех возможных муниципальных услуг, при этом необходимо отметить, что для каждого муниципального образования такой перечень будет индивидуальным.

Стоит добавить, что порядок оказания муниципальной услуги, а также стандарты ее предоставления регламентируются соответствующим административным регламентом, который утверждается в форме нормативного правового акта федерального органа исполнительной власти, исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации или органа местного самоуправления¹³.

Заказ таких услуг осуществляет заявитель, под которым понимается физическое или юридическое лицо, либо уполномоченный представитель, которое обратилось с запросом (устно, письменно или посредством интернет-приемной¹⁴) о предоставлении ему муниципальной услуги в орган, уполномоченный на это, либо в соответствующие организации (например, многофункциональные центры предоставления государственных и муниципальных услуг). Важно отметить,

что заявителем не может быть государственный орган и его территориальные подразделения, другие органы местного самоуправления.

Соответственно, говоря про субъект, имеющий право осуществлять муниципальные услуги, мы подразумеваем сам орган местного самоуправления. В соответствии с Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», под органом местного самоуправления понимается избираемый непосредственно населением и (или) образуемый представительным органом муниципального образования орган, наделенный собственными полномочиями по решению вопросов местного значения.

Правовая основа оказания муниципальных услуг, как уже было сказано, состоит из норм федеральных законов от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» и от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», а также положений уставов муниципальных образований. В первом из перечисленных правовых актов об этом указано прямо¹⁵,

⁹ Например, выдача разрешений на строительство, согласование перепланировки жилого помещения, предоставление информации о порядке предоставления жилищно-коммунальных услуг и др.

¹⁰ Например, заключение договоров социального найма, постановка на соответствующие учеты, при приватизации, аренде и пр.

¹¹ Например, согласование проектов границ земельных участков и др.

¹² Например, предоставление информации об объектах культурного наследия регионального или местного значения, о культурных мероприятиях и пр.

¹³ Например: Об утверждении административного регламента по предоставлению муниципальной услуги «Передача муниципального имущества в аренду, безвозмездное пользование, изменение условий действующих договоров без проведения торгов : постановление администрации муниципального образования Всеволожский муниципальный район Ленинградской области от 29 сентября 2011 г. № 2148 // Документ опубликован не был; Об утверждении Административного регламента предоставления муниципальной услуги «Организация в границах поселения электро-, газо-, тепло-, водоснабжения, водоотведения и снабжения населения топливом на территории МО «Городское поселение г. Осташков» : постановление администрации МО «Городское поселение г. Осташков» от 19 августа 2013 г. № 567 // Документ опубликован не был; и др.

¹⁴ В данном случае имеется в виду электронная форма обращения, которая может осуществляться не только через интернет-приемную муниципалитета, но и посредством портала «Госуслуги» (перенаправление с другого органа власти в соответствии с компетенцией и т.п.) (прим. автора).

¹⁵ Ст. 3 ФЗ от 27.07.2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» : «Нормативно-правовое регулирование отношений, возникающих в связи с предоставлением государственных и муниципальных услуг, осуществляется в соответствии с настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами, принимаемыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами РФ . законами и иными нормативными правовыми актами субъектов РФ, муниципальными правовыми актами» // Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг : федеральный закон от 27.07.2010 г. № 210-ФЗ : по сост.на 5.12.2017 г. // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31,ст.4179.

во втором определены общие правовые, территориальные, организационные и экономические принципы организации местного самоуправления в Российской Федерации, а значит дана основа для оказания муниципальных услуг с установлением пределов и границ их предоставления. В положениях уставов муниципальных образований прописывается, как правило, возможность оказания муниципальных услуг, а также даются полномочия представительным органам муниципальных образований по утверждению их перечня.

По мнению автора, не стоит ограничиваться только лишь этими правовыми актами. В первую очередь, любую основу общественных отношений в Российской Федерации формирует совокупность конституционных положений [Козлова, 2006], в изучаемом случае совокупность положений, которые определяют обязанности органов публичной власти в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации, которые обусловлены конституционными задачами, функциями и обязанностями государства в данной сфере [Крусс, 2005]. К таковым стоит отнести статьи 2, 17, 18 и ряд других, в которых так или иначе затрагиваются права и свободы человека, а также обязанность государства по их реализации и защите.

Помимо федеральных законов от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» и от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», к правовой основе оказания муниципальных услуг целесообразно отнести Постановление Правительства РФ от 24 октября 2011 г. № 861,

которым утверждены:

- Положение о федеральной государственной информационной системе «Федеральный реестр государственных и муниципальных услуг (функций)»;

- Правила ведения федеральной государственной информационной системы «Федеральный реестр государственных и муниципальных услуг (функций)»;

- Положение о федеральной государственной информационной системе «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)»;

- Требования к региональным порталам государственных и муниципальных услуг (функций).

Кроме того, в этой сфере важными являются распоряжения Правительства Российской Федерации, которыми утверждены перечни услуг, регламентированы правила организации деятельности МФЦ, утверждены правила разработки и утверждения административных регламентов исполнения государственных функций¹⁶.

Существуют и иные подзаконные правовые акты, ведомственного уровня, определяющие конкретные вопросы реализации муниципальных услуг [Наумов, Гегедюш, Мокеев, Подсумкова, 2012]. Например, приказом Федеральной службы государственной статистики от 13 сентября 2013 г. № 365 утвержден статистический инструментарий для организации федерального статистического наблюдения за предоставлением государственных услуг.

Перечень правовых актов в данной сфере нельзя считать исчерпывающим.

В результате мы имеем следующее нормативное содержание понятия муниципальная услуга: «результат реализации запроса, касающегося муниципальной

¹⁶ Распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 апреля 2011 г. утвержден Перечень услуг, оказываемых государственными и муниципальными учреждениями и другими организациями, в которых размещается государственное задание (заказ) или муниципальное задание (заказ), подлежащих включению в реестры государственных или муниципальных услуг и предоставляемых в электронной форме; Постановлением Правительства Российской Федерации от 22 декабря 2012 г. № 1376 регламентированы правила организации деятельности многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг; Постановлением Правительства Российской Федерации от 8 сентября 2010 г. № 697 предписано создание единой системы межведомственного электронного взаимодействия; Постановлением Правительства Российской Федерации от 16 мая 2011 г. № 373 утверждены правила разработки и утверждения административных регламентов исполнения государственных функций; разработки и утверждения административных регламентов предоставления государственных услуг; проведения экспертизы проектов административных регламентов предоставления государственных услуг.

деятельности, поступившего от физического (юридического) лица к органу местного самоуправления в соответствии с положениями федеральных законов от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» и от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», а также положений уставов муниципальных образований».

Указанное авторское нормативное содержание термина «муниципальная услуга» носит дискуссионный характер и не является предложением к изменению действующего законодательства.

Таким образом, следует признать необходимость дальнейшего исследования данной проблематики, особенностей содержательного построения термина «муниципальная услуга», а также возможного совершенствования рассматриваемой сферы.

Список литературы:

1. Васильев С. А., Грачева Е. Ю., Дорошенко Е. Н. Институт государственных и муниципальных услуг в современном праве Российской Федерации: монография. М.: НОРМА, ИНФРА-М. 2016. 202 с.
2. Зенин С. С. Административные регламенты в механизме нормативного правового регулирования государственных и муниципальных услуг // Административное право и процесс. 2014. № 12. С. 2731.
3. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Кон-

ституционное право России. Учебник. М., 2006. 585 с.

4. Кожевников О. А. Некоторые тенденции нормативно-правового регулирования отдельных аспектов местного самоуправления // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2017. № 3. С. 61–67.
5. Кресс В. И. Конституционное правопользование как основная форма реализации права // Меняясь сам, изменяя мир к лучшему: матер. науч. конф., посв. памяти Г. В. Барабашева. Москва, 17 ноября 2004 г. / Под ред. С.А. Авакьяна. М., 2005. 752 с.
7. Наумов С. Ю., Гегедюш Н. С., Мокеев М. М., Подсумкова А. А. Государственное и муниципальное управление. 2012. 366 с.

8. Полотовская Е. Ю. Проблема определения государственной (муниципальной) услуги, работы, функции // Административное и муниципальное право. 2012. № 1. С. 78–80.
10. Селихова О. Г. Особенности правового статуса органов местного самоуправления // Российский юридический журнал. 2016. № 5. С. 123–134.

11. Сокол П. В. Проблема понятия, правового регулирования и классификации гражданско-правовых услуг // Журнал российского права. 2009. № 8. С. 49–60.
12. Соловьев С. Г. Развитие правовых форм регулярной публичной самоорганизации жителей муниципалитетов: в поисках утраченных идеалов // Государственная власть и местное самоуправление. 2017. № 9. С. 33–38.

Библиографическое описание статьи

Андроняк И. А. Муниципальная услуга и ее сущностные характеристики: нормативно-правовые аспекты // Власть и управление на Востоке России. 2018. № 4 (85). С. 144–150. DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-144-150

Ivan A. Andronyak – graduate student, the Nizhny Novgorod Institute of management – branch of RANEPA (46, Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod, 603950, Russia). Email: 'bait039@hotmail.com'

Municipal services and its intrinsic characteristics: standart and legal aspects

The research of the legal nature and essence of rendering the public and municipal services allows to reveal in due time the directions of improvement of this sphere and, as a result, more effectively to exercise the rights of the citizen. Purpose: representation of results of a research in sphere of activity of local government bodies in the sphere of providing municipal services. Research methodology – the analysis of the current state of

rendering the public and municipal services by means of studying of standard legal and doctrinal sources on the considered subject. Author's approach to studying of normative content of the concept «municipal service» is as a result offered, its structural elements are considered, the interpretation of the term taking into account the drawn conclusions is offered. The author also made an attempt in detail to regulate each of existing an element of normative content of the concept «municipal service» to which are carried service (as means of achievement of result), function of local government body (which purpose of realization is necessary result), the applicant (as the subject, by the having rights for municipal service), local government body (as the subject allocated with an obligation for execution of municipal service), a legal basis (which consists of standards of federal laws and also provisions of charters of municipal units).

Keywords: municipal service, municipal bodies, service, local government, public service, applicant, administrative regulations, MFCs

References:

1. Vasilyev S. A., Gracheva E. Yu., Doroshenko E. N. The Institute of State and Municipal Services in the Modern Law of the Russian Federation: a monograph. M.: NORMA, INFRA-M, 2016, p. 202. (In Russian).
2. Zenin S. S. Administrative regulations in the mechanism of normative legal regulation of state and municipal services. *Administrativnoye pravo i protsess* [Administrative law and process], 2014, no. 12, pp. 27–31. (In Russian).
3. Kozlova E. I., Kutafin O. E. Constitutional law of Russia. Textbook. M., 2006, p. 585. (In Russian).
4. Kozhevnikov O. A. Some trends in the regulatory framework of certain aspects of local self-government. *Elektronnoye prilozheniye k «Rossiyskomu yuridicheskому zhurnalu»* [Electronic Supplement to the Russian Legal Journal], 2017, no. 3, pp. 61–67. (In Russian).
5. Kruss V. I. Constitutional use of rights as the main form of realization of the law // Changing myself, changed the world for the better: Mater. scientific conf. in memory of G. V. Barabashev. Moscow, November 17, 2004 / Ed. S. A. Avakyan. M., 2005, p. 752. (In Russian).
7. Naumov S. Yu., Gegedyush N. S., Mokeyev M. M., Podsumkova A. A. *Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye*. State and Municipal Management, 2012, p. 366. (In Russian).
8. Polotovskaya E. Yu. The problem of determining the state (municipal) services, work, functions. *Administrativnoye i munitsipal'noye pravo* [Administrative and municipal law], 2012, no. 1, pp. 78–80. (In Russian).
10. Selikhova O. G. Features of the legal status of local governments. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal* [Russian legal journal], 2016, no. 5, pp. 123–134. (In Russian).
11. Sokol P. V. The Problem of the Concept, Legal Regulation and Classification of Civil-Legal Services *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2009, no. 8, pp. 49–60. (In Russian).
12. Soloviev S. G. Development of legal forms of regular public self-organization of residents of municipalities: in search of lost ideals. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoye samoupravleniye* [State power and local self-government], 2017, no. 9, pp. 33–38.

Reference to the article

Andronyak I. A. Improvement of practice of regulation of municipal services // Power and Administration in the East of Russia. 2018. No. 4 (85). Pp. 144–150. DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-144-150

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-151-156
УДК 338(571.6)

Е. Н. Галичанин

Закрепление населения на Дальнем Востоке – ключевая задача Национальной программы развития региона

В представленном обзоре отражен ряд материалов научной дискуссии, проходившей в течение 2014 – 2018 гг. на площадке дискуссионного клуба «Как жить и хозяйствовать на Дальнем Востоке России?», центральная тема которой – поиск путей опережающего социально-экономического развития и закрепления населения на Дальнем Востоке России. Отмечено, что на четвертом Восточном экономическом форуме, прошедшем в сентябре 2018 г., Президентом Российской Федерации было дано поручение Правительству Российской Федерации о разработке Национальной программы развития Дальнего Востока. При этом были обозначены две ключевые задачи: обеспечить рост экономики и достигнуть демографического роста населения, приблизившись к показателям советского периода. Важнейшей составной частью решения этих задач является закрепление населения в связи с продолжающейся тенденцией его оттока из региона. Настораживающим фактором является то, что среди субъектов Федерации в этом процессе присутствуют регионы, занимающие близкое приграничное положение с сопредельными странами дальнего зарубежья. Наряду с этим, значительную часть в убывающем населении составляют лица трудоспособного возраста, имеющие высокий уровень профессиональной подготовки. Основной причиной такого положения является низкая, по сравнению со среднероссийской, социальная обеспеченность населения. Предпринимаемые с середины 90-х гг. меры не привели к существенным сдвигам в положительную сторону этого процесса. Требуются новые подходы и меры, направленные на решение этой задачи. Одной из таких мер, по мнению автора, может стать разработка и принятие специального Федерального закона «О развитии Дальнего Востока».

Ключевые слова: Дальний Восток, Национальная программа, отток населения из Дальнего Востока, Азиатско-Тихоокеанский регион, государственная политика, национальная безопасность.

В одном из важнейших документов, принятых Правительством Российской Федерации относительно Дальнего Востока России – Стратегии социально-экономического развития Дальнего

Востока и Байкальского региона на период до 2025 г. (далее – Стратегия) поставлена задача закрепления населения путем формирования комфортной среды обитания и оптимизации системы

Евгений Николаевич Галичанин – д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры экономики и финансового права, Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ (680000, Россия, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33). E-mail: gen1947@mail.ru

расселения»¹.

Указанная задача появилась в тот период не случайно. На декабрь 2009 г., года принятия Распоряжения Правительства Российской Федерации, утвердившего Стратегию, население Дальнего Востока и Забайкалья, по сравнению с 1990 г., т. е. за 10 лет, сократилось более чем на 2 млн чел. или почти на 23%. При этом, основная доля сокращения пришлась на южные районы макрорегиона, граничащие с сопредельными странами, где плотность населения в десятки раз превосходит этот показатель, создавая потенциальную угрозу не только национальной безопасности, но и экономической экспансии освоения национальных природных ресурсов.

С целью решения этой задачи, на

различных уровнях государственной власти был принят пакет документов, среди которых:

- Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике» п. 2, раздел Д);²

- Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 308 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона»;³

- Перечень поручений Президента Российской Федерации по итогам встречи с Председателем Счётной Палаты РФ Голиковой Т.А. 16.09.2014 г. в г. Ново-Огарёво⁴;

- Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию

Таблица 1

Динамика изменения численности по субъектам Российской Федерации на Дальнем Востоке (тыс. чел.)

Территория	2010 (год переписи)	2016 (на 01.01.2016 г.)	2017 (на 01.01.2017 г.)	Изменение численности 2017 к 2010 г.	Изменение численности 2017 к 2016 г.
Приморский край	1956,5	1929,0	1923,1	- 33,4	- 5,9
Хабаровский край	1343,9	1334,6	1333,3	- 10,6	- 1,3
Амурская область	830,1	805,7	801,7	- 28,4	- 4,0
Еврейская автономная область	176,6	166,1	164,2	- 12,4	- 1,9
Всего	4307,1	4235,4	4222,3	- 84,8	- 13,1

Источник: рассчитано по данным Федеральной службы государственной статистики. URL.: www.gks/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.12.2009 № 2094-Р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года». URL.: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96571/

² Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике» п. 2, раздел Д). URL.: contact@consultant.ru/

³ Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 308 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона». URL.: contact@consultant.ru/

⁴ Перечень поручений Президента Российской Федерации по итогам встречи с Председателем Счётной Палаты Российской Федерации Т. А. Голиковой 16.09.2014 г. в г. Ново-Огарёво. URL.: kremlin.ru/events/president/news

Российской Федерации от 3 декабря 2015 г.⁵

Принят ряд других нормативных актов, в том числе на местном и региональных уровнях, что в итоге позволило замедлить процесс оттока населения по сравнению с начальным периодом 90-х годов. Между тем, кардинального перелома отрицательной тенденции достигнуть пока не удалось.

На 01.01.2017 г. в Дальневосточном федеральном округе зарегистрировано 6182,6 тыс. чел. Сокращение числа жителей с момента последней переписи населения, составило 110,7 тыс. чел. Эта тенденция отмечается во всех субъектах Дальнего Востока за исключением Республики Саха (Якутия), где наряду с национальными особенностями, разработана и внедрена система мер по поддержке и закреплению населения.

При этом указанная тенденция отмечается в южных регионах, относительно плотно населённых и граничащих со странами дальнего зарубежья: Приморский край, Хабаровский край, Еврейская автономная область, Амурская область.

Основная доля в сокращении населения в макрорегионе приходится на миграционный отток в другие регионы страны и за рубеж достигая 90% [Заусаев, 2017].

В последние годы на Дальнем Востоке отмечается процесс замещения коренного населения мигрантами из стран СНГ. Если с 2006 по 2010 гг. население сократилось на 126,6 тыс. человек, то в 2011 – 2015-х – на 99,4 тыс. На этом фоне увеличивается количество покидающих округ коренных жителей: соответственно — 154,3 и 156,2 тыс. чел. [Галичанин, Заусаев, Шишмаков, 2018].

Другой негативной тенденцией является то, что миграция на Дальнем Востоке усугубляет риски потери населения экономически активного возраста, высококвалифицированных кадров – лиц

с высшим и средним профессиональным образованием. В миграционной убыли отмечается, что каждый пятый (21,5%) в 2002 г. и более чем каждый четвертый (26,7%) – в 2013 г. имели высшее образование. В потоке выбывших за пределы Дальнего Востока в 2013 г. было 77,4% лиц в трудоспособном возрасте и 13,5% – лиц в возрасте младше трудоспособного, тех, кто в перспективе должен замещать выбывающие из народного хозяйства ресурсы труда. [Байков, Шиян, Мотрич, 2015. С. 11 – 30].

Перечисленные негативные явления стали следствием того, что в макрорегионе происходит снижения уровня жизни населения, трансформация социально-экономической среды, непосредственно влияющей на качество развития социальной сферы, изменение приоритетов в ценностных ориентациях.

Прожиточный минимум на Дальнем Востоке отстаёт от среднероссийского и, например, соотношение стоимости фиксированного набора товаров и услуг составляет от среднероссийского 79%, а по некоторым субъектам Российской Федерации (Камчатский край) составляет 58%. «Северные надбавки» не решают эту проблему, например, «... в Хабаровском крае, номинальная заработная плата, несмотря на дальневосточные и стажевые надбавки, меньше оплаты труда в Москве и Московской области, соответственно, в 1,7 и 1,1 раза, а в реальном исчислении в 1,5 и 1,2 раза». [Заусаев, 2017]

Существует значительная дифференциация в оплате труда различных категорий граждан. Например, работники бюджетных учреждений и государственных компаний получают компенсационные выплаты из средств бюджетной системы, а частные предприятия и фирмы, на которых занято на Дальнем Востоке по экспертным оценкам до 70% граждан, не всегда

⁵ Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации от 3 декабря 2015 г. URL.: kremlin.ru/events/president/news...

имеют возможность их выплачивать по причине высокой себестоимости выполняемых работ и услуг. По расчётам ФАНУ «Востокгосплан» Минвостокразвития РФ эта сумма в год достигает 40 млрд руб. [Заусаев, 2017. С. 8 – 20].

С тем, чтобы изменить негативную тенденцию в демографии, 20 июня 2017 г. Правительством Российской Федерации была утверждена «Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года».

Всего же в 2025 г. по отношению к 2015 г. на Дальнем Востоке планируется создать около 100 тыс. рабочих мест. Однако, возникает вопрос, если сохранится сегодняшняя тенденция в демографии и миграции в другие регионы, – будут ли они заняты, и кем?

С целью решения указанных проблем, Правительством Российской Федерации была утверждена Государственная программа «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона». Между тем, как отмечалось в заключении об исполнении федерального бюджета за 2015 г. в Государственной Думе РФ, выполнение её мероприятий не достигло и половины, при выделении средств в объёме 95,4%. Ежегодное невыполнение мероприятий программы послужило причиной того, что Министерство финансов РФ предложило сократить финансирование программы на 17 млрд руб. в год, направив их в другие регионы России. В результате за три года объёмы финансирования программы были сокращены на 51 млрд руб.

Таким образом, приходится констатировать, что на Дальнем Востоке складывается сложная ситуация как в экономической, так и в социальной сферах.

Сложившаяся ситуация не осталась без внимания руководства страны, что и стало причиной, побудившей Президента Российской Федерации В.В. Путина дать конкретное поручение Правительству РФ о разработке национального проекта – Национальной программы развития Дальнего Востока. При этом

им поставлены две ключевых задачи: обеспечить рост экономики Дальнего Востока выше не только общероссийских, но и показателей экономик стран АТР, и достигнуть демографического роста населения Дальневосточного федерального округа, приблизившись к показателям советского периода [Горский, 2018].

По мнению автора, достижение этих показателей возможно добиться на основе разработки и осуществления плана поэтапных мероприятий. Первый этап должен быть посвящён решению главной проблемы существующей в настоящее время (и которой и посвящена статья) – закреплению населения, проживающего в Дальневосточном макрорегионе.

При разработке Национальной программы развития Дальнего Востока основой Национальной программы развития Дальнего Востока должен стать федеральный закон об особом статусе Дальнего Востока, в котором должна быть обозначена и закреплена его геополитическая роль для страны. Он и должен сыграть координирующую функцию для всех разрабатываемых и действующих документов государственного уровня по развитию Дальнего Востока.

Список литературы:

1. Заусаев В. К. Парадоксы или закономерности? // Российская газета. dv.rg.ru. 14 сентября 2017г. № 206(7372).
2. Галичанин Е. Н., Заусаев, В. К., Шишмаков, В. Т. Не потерять бы содержание за формой. // Российская газета. URL.: dv.rg.ru. 13 сентября 2018 г. № 203(7666).
3. Мотрич Е. А. Социальное качество населения Дальнего Востока // Власть и управление на Востоке России. 2015. № 1. (70). С. 11–30.
4. Заусаев В. К. Парадоксы или закономерности? // Российская газета. dv.rg.ru. 14 сентября 2017г. № 206(7372).

5. Заусаев В. К. Дальний Восток: новые стратегии и модели развития // Власть и управление на Востоке России. 2017. № 1. (78.) С. 13. DOI 10.22394/1818-4049-2017-78-1-8-20

6. Горский С. М. У Дальнего Востока появится отдельная национальная программа развития. 2018 URL.: <https://www.hab.kp.ru/daily/26883/3927294/>

Библиографическое описание статьи

Галичанин Е. Н. Закрепление населения на Дальнем Востоке – ключевая задача Национальной программы развития региона // Власть и управление на Востоке России. 2018. № 4 (85). С. 151–156. DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-151-156

Evgeniy N. Galichanin – Doctor of Economics, professor, professor of the management and the entrepreneurial right chair, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA (33, Muravyev-Amurskiy Str., Khabarovsk, 680000, Russian Federation). E-mail: gen1947@mail.ru

Fixing of the population in the Far East – the key task of the National program of development of the region

On the fourth Eastern Economic Forum, past in September of 2018, the President of the Russian Federation voiced commission to the Government of the Russian Federation on the elaboration of a National programmer for the development of the Far East. He gave two key problems: to securing the economic growth and achieve population growth of the population, close to that of the Soviet period. The most important part of these tasks is fastening the population in connection with the continuing trend of its outflow from the region. The guarding factor is that among the territorial subjects of the federation at this process there are the regions holding a close border position with the adjacent foreign countries. Along with it, a considerable part as a part of decreasing population is constituted by the working-age persons having high professional training. Low, in comparison with the average Russian, social security of the population is the basic reason of such provision. Measures undertaken from the middle of the 90th didn't lead to essential shifts in a positive side of these processes. Acceptance of the new approaches and measures directed to the solution of this task is necessary. The removal of tariff restrictions in the energy industry and on transport, preparation and adoption of the special Federal law "About Development of the Far East" can become those of measures, according to the author.

Keywords: *National programmer, the Far East, tariff in the energy industry and on transport, outflow of the population from the Far East, Pacific Rim, public policy, globalization, national security.*

References:

1. Zausayev V.K. Paradoxes or patterns? *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper]. URL.: dv.rg.ru. September 14, 2017, no. 206 (7372).
2. Galichanin E. N., Zausayev V. K., Shishmakov V. T. Not to lose the content after the form. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper]. URL.: dv.rg.ru. September 13, 2018, No. 203 (7666).
3. Baikov N. M., Shiyan V. N., Motrich

E. L. Social quality of the population of the Far East // Power and administration in the East of Russia. 2015. № 1. (70). P. 11–30.

4. Zausayev V. K. Paradoxes or patterns? *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper]. URL.: dv.rg.ru. September 14, 2017, no. 206 (7372).

5. Zausayev V. K. Far East: New Strategies and Development Models. *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii*

-
- [Power and Administration in the East of Russia], 2017, no. 1 (78), pp. 8–20. DOI 10.22394 / 1818-4049-2017-78-1-8-20
6. Gorsky S. M. A separate national development program will appear in the Far East. 2018. URL .: <https://www.hab.kp.ru/daily/26883/3927294/proaches>: kollektivnaja monografija. M.: Justicinform, 2016.
-

Reference to the article

Galichanin E. N. Fixing of the population in the Far East – the key task of the National program of development of the region // Power and Administration in the East of Russia. 2018. No. 4 (85). Pp. 151–156. DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-151-156

DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-157-160
УДК 304.4+327.7

В. В. Вальковская
С. Е. Туркулец

Создаем будущее сегодня: приоритеты научно-просветительской деятельности XXI в.

(по материалам I Международного научно-просветительского форума «Природа. Человек. Культура», 3 – 5 октября 2018 г., г. Кисловодск¹)

В статье дается обзор работы и проблематики Первого международного научно-просветительского форума «Природа. Человек. Культура». Форум проведен по инициативе дальневосточных ученых. В качестве главной задачи участники масштабного научно-просветительского мероприятия манифестировали объединение усилий представителей разных поколений и сфер профессиональной деятельности в обсуждении и разработке решения проблем сохранения и развития культурного, природного, национального наследия России. В работе форума приняли участие ученые-обществоведы, естествоиспытатели, представители технического знания, педагоги и др. География конкурса весьма широка: российские регионы от Ставрополя и Северного Кавказа до Дальнего Востока, Китай, Венгрия, Алжир, Турция. Обзор включает указание основной проблематики исследований участников и оригинальных идей, прозвучавших в ходе работы Форума и составивших его дискуссионное поле.

Ключевые слова: форум, участники форума, круглый стол, экологическое просвещение, экологическое воспитание, культурное просвещение, здоровый образ жизни, пространство города.

В октябре 2018 г. в городе-курорте Кисловодске по инициативе дальневосточных ученых состоялся Первый Международный научно-просветительский форум «Природа. Человек. Культура». Открытию Форума предшествовала большая организационная работа, деятельное участие в которой приняли представители университетского корпуса г. Хабаровска: Дальневосточного государственного университета путей сообщения, Дальневосточного института управления – фи-

лиала РАНХиГС, Тихоокеанского государственного университета. Зарубежная наука в оргкомитете Форума была представлена профессорами из Турции, Венгрии, Италии. География участников Форума весьма широка – это исследователи из Китая, Алжира, Венгрии, Украины, ведущих научных центров различных регионов России. Форум состоялся благодаря поддержке НКАО «Интеллектуальный Кисловодск», Финансового университета при Правительстве РФ, ФГБОУ ВО «Даль-

¹ Подробно с материалами форума можно ознакомиться: Природа. Человек. Культура: Материалы первого международного научно-просветительского форума, г. Кисловодск, 3 – 5 октября 2018 г. / Под ред С. Е. Туркулец, Е. В. Листопадовой. М. : Научный консультант, 2018. 414 с.

In detail with the materials of the forum can be found: Nature. Person. Culture: Materials of the first international scientific and educational forum, Kislovodsk, October 3 – 5, 2018 / Edited by S. E. Turkulets, E. V. Listopadova. M.: Scientific Consultant, 2018. 414 p.

Виктория Викторовна Вальковская – д-р филос. наук, профессор кафедры философии, истории, государства и права, Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ (680000, Россия, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33). E-mail: walkovskaya@gmail.com

Светлана Евгеньевна Туркулец – д-р филос. наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (680021, Россия, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47). E-mail: turswet@mail.ru

невосточный государственный университет путей сообщения», ОО ВО «Кисловодский гуманитарно-технический институт», Администрации ФГБУ «Национальный парк «Кисловодский». В инициативном порядке работу форума активно поддерживали Донская научная библиотека (г. Ростов-на-Дону), городская станция юннатов (г.-к. Кисловодск).

Столь широкий и разнообразный состав участников позволил решить основную задачу Форума: объединить усилия представителей разных поколений и профессий в обсуждении и выработке решения проблем сохранения и плодотворного развития общего обширного наследия: природы, достижений культуры, национальных традиций. Решение вышеназванных проблем происходит в различных сферах: образовательной, научной, природопользования и природоохранной деятельности и др. И каждая определяется оригинальными, зачастую уникальными чертами. Соответственно, особенностью форума явилось то, что его работа была организована по целому спектру направлений. При этом обязательной составляющей вынесенных на обсуждение Форума проблем являлась пропаганда научных знаний, необходимости и возможности синтеза культурно-образовательной и просветительской деятельности. Программа форума включала международную конференцию, «круглые столы», проходившие на различных площадках, фотовыставку Отдела редких книг Донской научной библиотеки, мастер-классы по экологическому производству и экологическому воспитанию, поэтический конкурс, научно-познавательные экскурсии.

Приведем направления и темы некоторых выступлений, чтобы обозначить масштабность и разнообразие проблематики Форума. Проблемы философии культуры и культурологии были весьма рельефно поставлены и раскрыты Н. В. Горовой («О человечности в цифровую эпоху», Хабаровск), Ю. Г. Завьяловой («Концептосфера языковой картины мира Северного Кавказа», Кисловодск), Я. В. Погребной («Принципы буддистской эстетики в природных хайку Мацуо Басе», Ставрополь), О. Ю. Яценко («Уникальность культурно-исторических кодов как ин-

струмента развития общества», Москва), Е. Н. Спасским («Средства массовой информации: региональный аспект», Хабаровск), К. С. Мочаловым («Знак и время: процессы временных трансформаций в знаковой деятельности», Уфа).

Широкое освещение получили правовые аспекты социокультурных, природопользовательных и природоохранных отношений, проанализированные Н. С. Барей («О выявлении и пресечении контрабанды объектов фауны и флоры в процессе деятельности таможенных органов», Хабаровск), С. В. Лагдиновой («Современное состояние законодательства о праве собственности на землю в РФ», Хабаровск), Е. В. Листопадовой, Н. А. Мерецкой («Правовая культура как индикатор социально-правового состояния общества», Хабаровск), А. М. Рощиной («Противодействие криминальным проявлениям ксенофобии», Кисловодск), Феллага Шебра Мохамеда эль-Амина («К вопросу совершенствования механизма борьбы с коррупцией на рынке земли», Алжир).

В первую очередь внимание участников Форума было привлечено к проблеме экологического, культурного просвещения и воспитания, которая рассматривалась в различных сегментах общественных отношений: научном, образовательном, политико-правовом.

Актуальная тема взаимодействия человека, общества и природы получила в ходе обсуждения весьма оригинальные и глубокие трактовки, сопрягающие экологические, эстетические, политологические, педагогические и прочие смыслы. Обсуждение многообразного спектра проблем социоприродных отношений происходило в рамках круглого стола «Бесценные дары природы» (научный руководитель – д.ф.н., профессор Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС В. В. Вальковская). Тон обсуждению задали выступления хабаровских философов, профессоров Л. Е. Бляхера, В. В. Вальковской, А. В. Туркульца. Неоднозначность концептуальных моделей природы, противоречивость отражения природопользовательных отношений в общественном сознании, причудливые метаморфозы экологических смыслов в политических лозунгах, интересах и

движениях – вот тот философский фундамент, на котором выстраивался анализ конкретных видов охраны природы (на примере национального парка «Кисловодский» – самого молодого в России; лесного дела в Саратовской губернии до революционной России; охраны парковых и лесных насаждений в современной Москве), конкретных видов природопользовательной и природовосстановительной деятельности (в лесохимической промышленности, в городском озеленении). Особый интерес вызвали выступления молодых ученых из г. Тольятти Л. Ю. Лепешкиной и А. А. Иванова, работающих по гранту Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых МК-3253.2017.6 в рамках проекта «Эколого-правовая культура Поволжья: прошлое и настоящее». В рамках работы круглого стола выступили сотрудники Межрайонной территориальной станции юных натуралистов г.-к. Кисловодска В. А. Тельпов, Т. В. Герасименко, Д. П. Юфев. Они рассказали об истории, основных направлениях работы и достижениях Кисловодской СЮН – станции юннатов (отметим, что 2018 г. – год столетия юннатского движения). Серебряная медаль ВДНХ, Грамоты ЮНЕСКО, Всероссийского общества охраны природы и др. внесение в Национальный реестр «Лучшие образовательные учреждения России» и многие другие регалии – свидетельство реальных заслуг Кисловодской СЮН перед обществом и страной в деле эколого-культурного образования и просвещения, воспитания подрастающего поколения в духе патриотизма и экологической обеспокоенности. Участники круглого стола выразили желание подробно ознакомиться с работой СЮН. Оно было поддержано всеми участниками форума и реализовано.

На площадке парка также была организована работа круглого стола «Здоровый образ жизни – гармония человека и природы» (научный руководитель – д.пс.н., профессор Российского университета транспорта (МИИТ) М. В. Сокольская). Особую обеспокоенность участников круглого стола вызвала проблема формирования здорового образа жизни российских студентов. Думается, проявленный интерес неслучаен: большинство участ-

ников Форума – представители университетской науки и заняты педагогической деятельностью. О. С. Алейникова обратила внимание на то, что стандарты оценки физического состояния студентов были разработаны еще в 1924 г., а в 1963 г. на базе Первого медицинского института им. М. И. Сеченова начала работать лаборатория по изучению проблем университетской гигиены. Заложенные в советский период традиции заботы о здоровье учащейся вузовской молодежи активно возрождаются и модернизируются в настоящее время. В выступлениях М. В. Сокольской, И. А. Гареевой, докладе И. М. Донкан и Ю. В. Степанова красной нитью была проведена идея образа жизни как фактора укрепления здоровья обучающейся молодёжи и специалистов всех уровней, необходимости трансформаций регламента и режима труда студентов, а также работников различных отраслей в связи с задачами реализации национального проекта «Здоровье».

Работа вышеназванных круглых столов получила своеобразное продолжение в научной экскурсии по национальному парку «Кисловодский», проведенной сотрудниками Парка.

Круглый стол «Городская среда города-курорта» (научный руководитель – д.и.н., профессор Южного федерального университета Л. А. Штомпель) проходил на площадке городской станции юннатов г.-к. Кисловодска. В ярком, вызвавшем оживленную дискуссию докладе Л. А. Штомпель «Аудиовизуальная среда города-курорта», была выстроена своего рода ценностная пространственная иерархия современного города в его бытовом, бытовом восприятии (и творении) самими горожанами. Доклад В. А. Гриценко дал участникам возможность ознакомиться с пространственно-историко-культурными моделями Донбасса на примере г. Святогорска. Оригинальное развитие тема круглого стола получила в выступлении О. А. Кравченко и А. И. Иванникова «Город-курорт как пространство любви в русской литературе: эволюция роли и смысла». Участники круглого стола обратили особое внимание на роль структуризации культурного пространства города в эстетическом и патриотическом воспитании молодежи.

В ходе работы Форума прозвучало немало конструктивных предложений по воспитанию подрастающего поколения, работе с молодежью по формированию бережного отношения к природе, приверженности здоровому образу жизни; повышению интереса к культуре, изучению и возрождению национальных традиций. На итоговом заседании участники Форума отметили его плодотворность для дальнейшей творческой исследовательской работы, расширения

профессиональных контактов. В заключительном слове председатель оргкомитета Первого Международного научно-просветительского форума «Природа. Человек. Культура» С. Е. Туркулец выразила общее мнение участников о необходимости развивать начатую работу и научные контакты в дальнейшем, чтобы ко второму Форуму прийти с уже проработанными программами решения поставленных проблем, новыми идеями и расширенным составом участников.

Библиографическое описание статьи

Вальковская В. В., Туркулец С. Е. Создаем будущее сегодня: приоритеты научно-просветительской деятельности XXI в. // Власть и управление на Востоке России. 2018. № 4 (85). С. 157–160. DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-157-160

Viktoriya V. Valkovskaya – Doctor of Philosophy, Professor of the chair of philosophy, history, state and right, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA (33, Muravyev-Amurskiy Str., Khabarovsk, 680000, Russian Federation). *E-mail: walkovskaya@gmail.com*

Svetlana E. Turkulets – Doctor of Philosophy, Professor of the chair of criminal disciplines, the Far-Eastern federal university of means of communication (680021, Russia, Khabarovsk, Seryshev St., 47). *E-mail: turswet@mail.ru*

We create the future today: priorities of scientific and educational activity of the 21st century

(on the materials of the I International scientific and educational forum «Nature. Person. Culture», October 3-5, 2018, Kislovodsk)

In this article the review of work and perspective of the First international scientific and educational forum “Nature. Person. Culture” is given. The forum is held at the initiative of the Far-Eastern scientists. As the main task participants of the large-scale educational action demonstrated combination of the efforts of representatives of different generations and spheres of professional activity in the discussion and development of the solution of problems of preservation and development of cultural, natural, national heritage of Russia. Social scientists, scientists, representatives of technical knowledge, teachers, etc. took part in the work of forum. Geography of competition is very wide: Russian regions from the Stavropol territory and the North Caucasus to the Far East, foreign scientists from China, Hungary, Algeria, Turkey. The review includes the indication of main perspective of researches of the participants and the original ideas which sounded during the work of the Forum and made its debatable field.

Keywords: National programmer, the Far East, tariff in the energy industry and on transport, outflow of the population from the Far East, Pacific Rim, public policy, globalization, national security.

Reference to the article

Valkovskaya V. V., Turkulets S. E. We create the future today: priorities of scientific and educational activity of the 21st century // Power and Administration in the East of Russia. 2018. No. 4 (85). Pp. 157–160. DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-157-160

DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-161-168
УДК 339.1

Д. А. Попов

Генезис российской торговли: от «Русской правды» до «Соборного уложения»

Статья представляет ретроспективный обзор возникновения и становления российской торговли в X – XVII вв., ее начальных форм, ассортимента товаров, торговых путей, правовых основ. Исследование далекого прошлого представляет собой не только академический интерес, но и содержит элементы исторического опыта, поскольку настоящее всегда уходит своими корнями в прошлое. Извлечение и усвоение исторического опыта – это не только фактор безопасности, но и рациональный элемент организации хозяйственной жизни. В статье раскрывается роль торговли в формировании единого национального рынка посредством установления устойчивых связей между региональными рынками, в развитии новых торговых путей, в обособлении торговли от ремесленного и крестьянского производства в самостоятельную сферу предпринимательства, в позитивное воздействие на зарождение в XVI – XVII вв. важных производств.

Ключевые слова: торговля, государственность, «Русская Правда», «Соборное Уложение», купцы, рынок, князья, Киев, Новгород, Москва.

Первое упоминание о русской земле, датированное 862 г., когда русы приплыли в Царьград (ныне – Стамбул, прим. автора), содержится в самом древнем письменном источнике «Повесть временных лет» Нестора. Вероятно, тогда и зародилась торговля, хотя достоверных исторических сведений об этом нет. А первые сведения о зачатках торговой деятельности относятся к X в., к периоду княжения Олега (879 – 911 гг.), Игоря (912 – 945 гг.) и Ольги (945 – 960 гг.). В то далёкое время в Царьграде проживало множество русских купцов, которые там продавали воск, мед, меха, а покупали и переправляли в Киев, Новгород, Смоленск пурпурную краску, одежду, сукно, ткани, перец, вино, фрукты, иконы, ювелирные и стеклянные изделия. Торговые отношения Руси и Византии подлежали договорному регулированию.

XI – XII вв. – время интенсивного развития и расцвета древнерусских городов – Киева, Новгорода, Смоленска, Владимира, Рязани, Курска, Минска, Витебска и др. Согласно Летописи в конце X в. на Руси насчитывалось 25 городов, в

XI в. – 89, а в конце XII в. – 224 города [Бадак, Войнич, Волчок, Воротникова и др., 1996]. Города становятся центрами ремесленного дела, торговли, власти. Зародившись в X в., единая русская государственность существенно укрепилась в XI в. Ярославом Мудрым (978 – 1054 гг.) – сыном Владимира (основоположника русской государственности) – и поддерживалась военными и дипломатическими мерами, развитым ремеслом, торговлей и общерусским законодательством «Русская Правда», которое было первым письменным законом на славянском языке, регулирующим гражданские, государственные, хозяйственные отношения и, в первую очередь, ремесло и торговлю.

В «Русской Правде» семь статей (с 21 по 27) содержат нормы регулирования торговой деятельности: о займе; о чести и вере купцов; о компенсации ущерба купцам, потерпевшим потоп, воровство, пожар; об ответственности господ за своих холопов, торгующих их товарами; о сохранности товаров; о денежном и товарном кредите.

Центрами общественной жизни в го-

Дмитрий Алексеевич Попов – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры экономики и управления на предприятиях торговли, Хабаровский государственный университет экономики и права (680038, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 134).
Email: eupt.stud@mail.ru

родах становятся церкви, вокруг которых размещались рынки – «торжки» и «торжища». Так, в древнем Киеве насчитывалось 400 церквей и 8 рынков [Карамзин, 1997. С. 175]. Торговля обогащала русских купцов, и ради выгоды они, невзирая на опасности и тяжелейший труд, ходили на судах не только в Болгарию, Грецию, Хазарию, но даже в далекие по тем временам Сирию, Данию, Скандинавию. Внешняя торговля была более развитой, чем внутренняя, которая сдерживалась условиями натурального хозяйства, господствующего на Руси в то далекое время.

Русская товарная группа на вывоз состояла из мехов, мёда, воска, сала, рыбы, зерна, которые шли в обмен на иностранные товары – железные изделия, посуду, вино, фрукты, пряности, предметы роскоши (ювелирные изделия, украшения, хрусталь). Русские ремесленники и купцы с целью безопасности и защиты своих интересов создавали свои профессиональные объединения: «Ивановские сто», «Городники и Плотники» – в Новгороде; «Гречники» – в Киеве. Развитие ремесла и торговли обусловило рост русских городов в XI – XII вв. и прежде всего столичных: Новгород имел 20 – 30 тыс. жителей, а Киев был населен десятками тысяч и изумлял иностранцев своими масштабами и богатством. Особую группу населения городов составляли купцы, высший слой которых именовался «Гости – купцы». Они торговали с иностранными государствами или городами Руси, а богатейшие из них составляли городскую власть.

Покровительство государства ремеслам, торговле, выращиванию зерна и скота для обмена обеспечили нашему праотчеству X – XI вв. могущество, процветание и первенство в Европе. В этот период Россия развивает торговые связи с югом и севером Европы. Новгород торгует с Ганзейским Союзом (г. Любек, Германия). Киев наводнен купцами – норманами, славянами, венграми, генуэзцами, византийцами, немцами, арабами, евреями, которые наполняют город своими лавками, ярмарками со всевозможными продуктами и изделиями ремесла. Устанавливаются меры веса и длины; чеканятся монеты и строятся дворцы; городские площади, улицы украшаются

греческими и римскими статуями. Из Византии приглашаются монахи, священники, ученые; из Италии и Германии – архитекторы, ремесленники, купцы [Валишевский, 1993].

Как отмечал выдающийся русский историк Н. М. Карамзин: «В XI веке государство Российское могло, как бодрый, пылкий юноша обещать себе долголетие и славную длительность... Россия не только была обширным, но, в сравнении с другими, и самым образованным государством. К несчастью она в сей бодрой юности не предохранила себя от государственной общей язвы тогдашнего времени, которую народы германские сообщили Европе: говорю о системе удельной... Россия разделилась» [Карамзин, 1997. С. 492].

Более чем 300-летнее правление Киевской Руси (X – XII вв.) славянскими княжествами, с точки зрения развития торговли, было не столь печальным, как политические результаты. За этот период сформировались достаточно устойчивые внешнеторговые отношения и торговые связи между русскими городами-княжествами, сложились крупнейшие региональные рынки: Северо – Западный с центром Новгородом Великим; Северо-Восточный с центром Ростовом Великим; Юго – Восточный с центром Владимиром Великим; Южный, центром которого являлся Киев. Были заложены основы единого национального рынка.

В XIII – XV вв. слава общего русского отечества, его развитость и европейство подверглись жестокому внутреннему испытанию – разрушению государственности, основанной на великокняжеском единовластии, и установлению разноразличия удельных князей. Мир и спокойствие сменились ожесточенной междоусобицей, в ходе которой княжеские дружины резали друг друга, уничтожая род противника до последнего младенца. Величие и процветание России сменилось упадком и презрением ее со стороны Европы. В XIII в. Россию постигло еще одно не менее губительное несчастье – нашествие монголов и ордынская зависимость почти до конца XV века, в результате чего установилось внешнее государственное управление раздробленными российскими княжествами.

Монгольское течение оставило на сла-

вянской земле все, что оно имело в себе порочного: характер правления, нравы и наклонности, но не оставило никакой культуры. Государство и общество под опекой монголов хоть понемногу и со-организовывалось, но оставалось азиатским и варварским. Азиатчина и варварство в течение двух веков привили несвойственные русским такие пороки, как: хитрость, обман, лень, корыстолюбие, бесчувственность, наущничество, угодничество. В этот сложный для государства и общества период Россия существенно отстала от западных держав в государственном, гражданском и культурном развитии.

В этих тяжелейших условиях центр хозяйственной жизни Руси перемещается в Новгород Великий как наиболее удаленный от монгольского разбоя и как наиболее организованный в плане инструментов государственного и народного управления. Через Новгород Русь была связана торговыми отношениями с Европой. Этому во многом сопутствовала деятельность особого общественного класса – купцов, которые сыграли выдающуюся роль в установлении торговых связей с Европой через Ганзейский союз.

Новгородские купцы имели свои самоуправляющиеся общины, общинные капиталы, состоящие из вкладов самых купцов. Центром Новгородской торговли служила часть города на правом берегу Волхова и называлась Торговая сторона. Здесь проходили собрания Новгородского веча, располагались главный рынок, гостиные дворы, торговые склады. В церкви Святого Ивана хранились торговые книги и договоры, устроены склады для хранения товаров и помещения для кассы, хранились весы и меры.

Новгородцы имели устойчивые торговые связи со Шведским городом Висби, расположенном на острове Готланде в Балтийском море. Активно развивалась торговля с немецкими городами, входившими в Ганзейский Союз. Немцы, как и готские купцы, имели свой торговый дом в Новгороде.

Ганзейские купцы имели свой устав, который предоставлял им широкую автономию в организации торговли, судебной защите немецких купцов, они имели право на независимый немецкий двор.

Такое привилегированное положение ганзейских купцов позволило им установить контроль над ввозной и вывозной торговлей в Новгороде. Предметом ввоза в Новгород были сукна, полотна, металлические и стеклянные изделия, соль, сельдь, вина. Новгородцы сбывали ганзейским купцам меха, кожи, лен, пеньку, смолу, строевой лес, мед, воск.

Ганзейская монополия на оптовую ввозную и вывозную (внешнюю) торговлю, покровительство им со стороны Новгородских властей, с одной стороны, раздражало русских купцов и приводило к острым конфликтам, а с другой стороны, стимулировало их к развитию свободной и выгодной внутренней торговли с русскими городами, что, в свою очередь, способствовало процветанию Новгорода и укреплению его экономического и политического могущества. Власти городов устанавливали низкие законные пошлины с купцов, торгующих внутри российских городов и между городами, что отражалось в торговых грамотах: купцам торговать без «рубежа» и без «зацепок», т. е. свободно.

Новгородская независимость от других русских княжеств дала не только образцы политического и экономического устройства, богатства и процветания, но и породила специфическую форму перерождения власти демократической, во власть боярско-купеческой олигархии, с одной стороны, и полное бесправие народа, его нищету – с другой. Такое состояние Новгородского общества при стремительном усилении московских княжеств привели к тому, что в 1478 г. Иван III положил конец Новгородской вольнице. После более чем 200-летнего процветания и автономности государственного управления Новгородская земля была подвергнута страшному опустошению: 7000 зажиточных семейств были переселены в Московские города, 49 ганзейских купцов посажены в тюрьму, а их товары конфискованы, немецкий двор закрыт. Торговля, а за ней ремесло и промыслы постепенно затухали в Новгороде [Золотая летопись..., 2008. С. 100].

В царствовании Ивана III (1462 – 1505 гг.) вокруг Москвы сложилось территориальное ядро единого государства путем присоединения Ярославля (1463 г.), Новгорода (1478 г.), Твери

(1485 г.) и свержения ордынской зависимости (1480 г.), что было закреплено в принятом в 1497 г. князем и боярской думой Судебнике – своде законодательных актов государства. В Судебнике закреплялась главная роль органов государственного управления.

Русские города западного направления – Смоленск и Псков – имели достаточно активные торговые связи с Византией, Литвой, Ригой. Особенно выделялся Псков – «младший брат» Новгорода, повторивший во многом судьбу своего «старшего брата». Находясь на исключительно важном торговом и военно-стратегическом направлении и обладая широкой торговой и политической автономией, Псков в XIII в. превратился в мощный военный форпост и центр российской торговли на ее Западных границах.

Однако, как и Новгород, Псков в 1510 г. был подчинен Василием III (1479 – 1533 гг.) Москве. Видные купцы были переселены в Москву, автономия ликвидирована, свобода торговли стеснена. Пальма первенства как политическому, военному, хозяйственному центру и центру русской государственности постепенно, в течение 500 лет от Киева, Новгорода, перешла к Москве, ставшей столицей централизованного русского государства. В 1514 г. по указу Василия III ганзейцы опять получили право торговать в Новгороде и Пскове, а также право беспоплатного проезда в другие русские города [Золотая летопись..., 2008. С. 107].

Торговля, внешняя и внутренняя, во времена Василия III находилась в состоянии процветания, а ее успехи умножали доходы государства. Из Европы в Россию ввозились серебро (в слитках), сукна, сученое золото, медь, зеркала, ножи, иглы, вина; из Азии – шелковые ткани, парча, ковры, жемчуг, драгоценные камни. Российский экспорт распределялся таким образом: в немецкую землю – меха, кожа, воск; в Литву и Турцию – мех, моржовые клыки; в Татарию – седла, узды, холсты, сукно, одежда, кожа. С товаров, ввозимых и вывозимых, взималась в казну пошлина в пределах 7 копеек с рубля. В России ходили серебряные и медные деньги (московские, псковские, новго-

родские). В ходу (ограниченно) были и золотые деньги, принадлежащие иностранцам. Государь не запрещал вывозить монету из России.

Рынок потребительских товаров иностранного происхождения дополнялся отечественными товарами: мебелью, солью, простейшими товарами домашнего обихода – кухонной утварью, телегами, санными, сручей, дугами. Первейшее значение на внутреннем рынке имели продукты крестьянских и помещичьих хозяйств: зерно, скот, мясо, сало, плоды, птица, мед, воск, кожа, рыба.

Существенного развития российская торговля достигла во времена правления Ивана IV, который был венчан на царство в 1547 г. в семнадцатилетнем возрасте. Это был блестяще образованный правитель, глубоко знающий русскую историю, начиная с Киевской Руси, и историю европейских стран. Он обладал острым природным умом, выдающимся красноречием и талантом тонкого волевого политика, искушенного дипломата и организатора военного дела. Но его выдающиеся качества государственным образом омрачались его деспотической натурой – нервозность, резкость, вспыльчивость, подозрительность, переходящие в крайнюю, неоправданную жестокость. Тем не менее правление Ивана IV ознаменовалось существенным укреплением русской государственности за счет:

- покорения Казанского, Астраханского и Сибирского ханств;
- увеличения территории государства с 2,8 до 5,4 млн км²;
- усиления централизованного государственного управления не только образованием новых органов – Посольского, Челобитного, Поместного, Земского приказов, но и принятием Судебника 1550 г. – первого в России единого юридического документа всего централизованного государства;
- провозглашения Ивана IV первым русским царем и признания божественного происхождения его власти. С этого времени в хлебосольном и набожном сознании русского народа земля и царская власть отождествляются с богом: земля – творение божье, а царь – помазанник божий;

- осмысления Иваном IV роли и места России в современном ему мире, безрезультатных попыток добиться для России равноправия в европейских делах – торговле, политике, культуре, гражданском устройстве. Европа Россию не понимает и не принимает. Это он уяснил по опыту Ливонской войны (1558 – 1583 гг.) за выход России к Балтийскому морю, когда «просвященные» европейцы – немцы, шведы, поляки, литовцы – военной силой перекрыли России путь в Европу.

В царство Ивана IV Россия добилась выдающихся успехов в торговле, ремесле, сельском хозяйстве, имела хорошо выученную армию, строила каменные храмы и царские покои, развивала культуру народа.

С точки зрения будущего хозяйственного развития и, прежде всего, торговли ключевой являлась проблема надежности, безопасности торговых путей и средств сообщения. Для России при ее больших территориях дороги имели исключительное значение. Речные и сухопутные торговые пути предшествующих эпох (Балтийско-Черноморский, Донско-Азовский, Волго-Каспийский) в силу военных конфликтов оказались отрезанными в устьях российских рек от Черного, Азовского и Балтийского морей. Без морских путей торговое пространство России оказалось не просто ограниченным, а враждебным по его периферии. Русские купцы обратили свои взоры на Север – Белое море и на Восток через Урал в Сибирь.

Беломорский морской торговый путь оказался для российских купцов счастливым подарком. И, как часто бывает, помог счастливый случай. Дело в том, что предприимчивые англичане активно искали новый торговый путь в Индию помимо того, что проложили португальцы и испанцы в Юго-Восточную Азию вокруг Африки. Огромные, почти дармовые богатства, вывезенные Португалией и Испанией из Индии настолько возбудили англичан, что у них возникла мысль пробиться в далекую страну не южным, а северным путем, на котором находилась природнобогатая Россия. Весной 1553 г. под эгидой специально организованной торговой компании «Мистерия» англича-

не направили экспедицию из трех судов Северным Ледовитым океаном в Индию.

Корабли попали в шторм. Два корабля отнесло к северной кромке льдов, экипажи погибли от голода и стужи, а третий корабль прибило в устье Северной Двины. Капитан корабля Ченслер отправился в ближайший населенный пункт – Холмогоры, был принят воеводой Фофаном Макаровым, который тотчас направил донесение в Москву – царскому двору. Царь Иван Грозный, искренне намеревавшийся установить торговые связи с Англией, с радостью встретил английского капитана. Англичанин вручил русскому царю грамоту от своего короля. Иван Грозный, восхищаясь величием и гением англичан, изъявил полное согласие на установление торговых отношений с Англией, отписав грамоту английскому королю.

Англичане, не мешкая, немедленно образовали «Русскую торговую компанию», которой королевской властью были предоставлены широкие привилегии английским купцам. В свою очередь, по прибытию Ченслера в Россию, осенью 1555 г., Иван Грозный вручил ему грамоту «на повольный торг всякими товарами». Англичане получили право беспошлинно продавать и покупать товары по всей России, иметь своих торговых агентов, заводить мастерские, торговые склады, гостинные дворы. Эти привилегии означали, по существу, установление административной торговой монополии для англичан, с которыми за русский рынок конкурировали голландцы, ганзейский союз и даже французы. Торговая монополия в 1574 г. была частично отменена. Но англичане в накладе не остались. Русские товары – строевой лес, пенька, смола, кожи, рыбий жир, соленая и вяленая рыба – обеспечивали процветание английским купцам.

Благодаря торговле с англичанами, а затем с голландцами, немцами, на Беломорье в 1584 г. был заложен Архангельск – единственный на то время в России морской торговый порт. Русские купцы из Москвы и других городов строили в городе гостинные ряды, гостинные дворы, склады. Ежегодно в Архангельске швартовалось от 30 до 40 иностранных судов.

Оценивая состояние России в конце XVI в. Н. М. Карамзин отмечает: «Никогда внешние обстоятельства Московской державы, основанной, изготовленной к величию Иваном III, не казались столь благоприятными для ее целостности и безопасности, как в сии времена... Россия, спокойная извне и тихая внутри, имела войско многочисленное в Европе и еще непрестанно умножая его» [Карамзин, 1997, 152].

На рубеже XVI – XVII вв. внутренняя и внешняя торговля существенно снизили свою динамику. Наступило так называемое «смутное время». Его преодоление было связано с избранием на Российский престол Михаила Федоровича Романова в феврале 1613 г. – первого царя из династии Романовых. Его царство ознаменовалось: упрочением централизованной власти на всей территории России, включая Сибирь и частично Дальний Восток; преодолением тяжелейших последствий «смутного времени», восстановлением хозяйства и торговли; основанием железоделательного завода под Тулой (1632 г.); учреждением Сибирского приказа (1637 г.) – органа государственного управления Сибирью.

В торговом деле в этот период укorenилось засилье иностранных купцов, которые, пользуясь слабостью российских властей, осуществляли форменный грабеж не только казны через цены, пошлины, подкуп чиновников, но и лишали развития русское купечество. В 1646 г. русские купцы направили «Челобитную русских торговых людей царю Алексею Михайловичу» о притеснениях иноземцев, живущих в городах по торговым делам. Челобитную поддержали 170 торговых людей.

Царь Алексей Михайлович (годы правления 1645 – 1676), являясь одним из высokonравственных и просвещенных монархов Европы, своеобразным образом отреагировал на присланную челобитную. В 1649 г. Земским Собором было принято «Соборное Уложение» – первый свод законов Русского государства, который действовал почти 200 лет, до 1832 г. В Уложении зафиксировано исключительное право российских торговых людей и потомственного дворянства на владение землей. Уложение также установило

различия между вотчиной и поместьем. Вотчина объявлялась наследственным владением, а поместье даровалось за службу. После кончины дворянина поместье не переходило к его наследнику. Документ установил право дворян менять поместье на вотчину и наоборот. Впоследствии различия между вотчинами и поместьями исчезали, пока не была установлена единая форма дворянского землевладения – поместье.

В октябре 1653 г. царь Алексей Михайлович подписал Именной указ с боярским приговором «О взимании таможенной пошлины с товаров в Москве и в городах с показанием по сколько взято и с каких товаров». Указ заменял прежние многочисленные сборы единой рублевой пошлиной. Указ устанавливал равное для всех таможенное обложение торговых сделок единой таможенной пошлиной. Частично были упразднены проезжие сборы. В основу расчета пошлины была положена продажная цена товара – фактически государство забирало часть прибыли торговца, и тот должен был переложить убыток на покупателя. Сумма пошлины составляла 5% от цены товара.

В Указе нашла отражение политика, проводимая государством по отношению к иностранным купцам. Правительство, разрешая иноземную торговлю, стремилось не допускать утечку богатств за рубеж на невыгодных для государства условиях. Для иностранцев устанавливалась 6%-ная пошлина и подорожные подати при перемещении товаров в городах России.

Вводились единые хлебные меры. Особые пошлины устанавливались на соль, пушнину и некоторые другие товары. На соль утверждалась 10%-ная таможенная пошлина. С соболей, пушнины и рыбы также была рублевая пошлина с цены товара. Упорядочивались и пошлины за хранение товаров. Рублевая пошлина стала единственной. Это положение Указа действительно максимально упрощало и упорядочивало уплату торговых пошлин. Определялось, что единственной пошлиной, которая уплачивается с товара, является рублевая.

Таким образом, российская торговля за 700-летний период своего развития от «Русской правды» до «Соборного Уложе-

ния» прошла путь от процветания до преодоления многовековой ушибы между русскими княжествами, освобождения от трехсотлетнего монголо-татарского ига, объединения русских земель под покровительством Москвы, установления единой централизованной государственности, что к концу VII в. создало качественно новые условия хозяйственного развития России, где торговля (внутренняя и внешняя) играла ключевую роль в следующих областях:

- в формировании единого национального рынка посредством установления устойчивых связей между региональными рынками Юго-Западным, Южным, Северо-Западным, Северо-Восточным и развития Центрального, Юго-Восточного и Сибирского рынков;

- в развитии старых меридианных (Днепровский, Донской, Волжский) и широтных (Черноморо-Каспийский) торговых путей и в прокладке новых – Балтийского, Североморского, Уральского и Сибирского торговых путей;

- в обособлении торговли от ремесленного и крестьянского производства в самостоятельную сферу предпринимательства, формировании и развитии класса посредников между производством и потребителем – купечества, аккумуляции купеческого капитала – основы промышленного капитала;

- в становлении стационарных форм торговли в городах – гостиных дворов (оптовые операции), гостиных рядов (розничные операции). В Москве, к примеру, действовало большое число гостиных рядов – лоскутный, ветошный, рыбный, охотный;

- в установлении централизованной денежной системы и монополии на эмиссию денежных знаков в форме монет, преимущественно, серебряных и медных. Здесь необходимо заметить, что царское правительство не располагало необходимыми запасами такого денежного материала, как серебро. Поэтому

взоры государя были обращены к дешевому денежному материалу – меди. Сравнительная дешевизна чеканки медных денег создавала иллюзию быстрого обогащения. Жажда обогащения на медной монете вызывала ажиотаж её изготовления фальшивомонетчиками. Наводнение торговли медными монетами вызвало глубокий инфляционный шок, вошедший в историю как «Медный бунт».

Ключевое значение торговли не исчерпывается изложенными выводами. Развитие торговли на всех этапах генерировало и поддерживало экономическую жизнь России и, прежде всего, оказало самое позитивное воздействие на зарождение в XVI – XVII вв. важных производств: обрабатывающей промышленности – железоделательной (металлообработка, оружейное дело, производство инструментов, скобяных изделий в городе Туле); текстильной и кожевенной промышленности (Ярославль, Вологда, Казань); на становление казенный мануфактуры (Пушечный двор, Оружейная палата, Денежный и Ювелирный дворы); мануфактур создаваемых частными лицами – русскими и иностранными купцами и промышленниками.

Список литературы:

1. Бадак А. Н., Войнич И. Е., Волчок Н. М., Воротникова О. А. и др. Всемирная История в 24 т. Минск : Литература, 1996. Т. 8. Крестоносцы и монголы. С. 234.
2. Валишевский К. Петр Великий. СПб.: Квадрат, 1993. С. 15–17.
3. Золотая летопись России. СПб. : Россия 2008. С. 100, 107.
4. Карамзин Н. М. История государства Российского: в 4-х книгах. М.: Ригон классик, 1997. Кн. 1, (Т. I–III). С. 175, 152.
5. Карамзин Н. М. История государства Российского: в 4-х книгах. М. : «Ригон классик», 1997. Кн. 4. (X–XII). С. 492.

Библиографическое описание статьи

Попов Д. А. Генезис российской торговли: от «Русской правды» до «Соборного уложения» // Власть и управление на Востоке России. 2018. № 4 (85). С. 161–168. DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-161-168

Dmitriy A. Popov – Doctor of History, Professor of the chair of economics and management at the trade enterprises, the Khabarovsk State University of Economics and Law (134, Str. Tikhookeanskaya, Khabarovsk, 680042, Russian Federation). E-mail: eupt.stud@mail.ru

Genesis of Russian trade: from the “Russian Truth” to the “Cathedral Code”

The author has studied emergence and formation of the Russian trade in the 10-17th centuries, her initial forms, the range of goods, trade ways, legal bases. Formation of the Russian trade represents not only the academic interest, but also contains elements of historical experience as the present always consigns the roots to the past. Extraction and assimilation of historical experience is a factor of safety and a rational element of the organization of economic life. Russia is rich with natural resources. Therefore Russia always exchanged the natural resources for final goods. Natural wealth are intensively operated and exhausted. In modern conditions resource richness of Russia turns into a social and economic damnation.

Keywords: trade, statehood, “Russkaya Pravda”, “Cathedral Code”, merchants, market. Princes, Kiev, Novgorod, Moscow..

References:

1. Badak A.N., Voynich I.E., Volchok N.M., Vorotnikova O.A. and others. World History in 24 t. Minsk: Literature, 1996. T. 8. Crusaders and Mongols. P. 234.
2. Valishevsky K. Peter the Great. SPb.: Square, 1993. pp. 15–17.
3. Golden Chronicle of Russia. SPb.: Russia 2008. P. 100, 107.
4. Karamzin N. M. The history of the Russian state: in 4 books. M.: Rigon classic, 1997. Book. 1, (T. I – III), pp. 175, 152.
5. Karamzin N. M. The history of the Russian state: in 4 books. M.: “Rigon Classic”, 1997, book. 4, (X – XII), p. 492.

Reference to the article

Popov D. A. Genesis of Russian trade: from the “Russian Truth” to the “Cathedral Code” // Power and Administration in the East of Russia. 2018. No. 4 (85). Pp. 161–168. DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-161-168

К сведению авторов

Журнал «Власть и управление на Востоке России» печатает ранее не публиковавшиеся проблемные, обзорные, дискуссионные статьи и оригинальные исследования по вопросам власти и управления с акцентом на такие разделы научного знания, как экономика, социология и юриспруденция, а также рецензии, хронику научной жизни и т. п. В числе приоритетных – материалы о Востоке России.

Статьи должны быть не узкоспециальными – доступными ученому любого научного направления, желающему получить представление о сущности и результатах исследований в других областях науки, возможностях их приложения на практике.

Редакция просит авторов при оформлении статей руководствоваться следующими правилами:

1. Размещение в журнале научных статей осуществляется в соответствии со стандартами издательской этики, принятыми международным сообществом, общественными организациями российских научных издательств. Все предоставленные материалы проходят процедуру рецензирования. При рецензировании поступивших рукописей редколлегия, внешние рецензенты и редакция руководствуется следующими критериями:

- Постановка научной проблемы, актуальность освещаемой в статье темы с точки зрения решения научных задач, которые относятся к проблематике и профилю журнала.
- Оригинальность, самостоятельность, новизна, интересные и/или дискуссионные подходы.
- Теоретическое обоснование по избранной теме.
- Соблюдение методологической и методической культуры (описание объекта и предмета, целей и задач исследования, гипотез, выборки, время проведения, инициаторов исследования и т.п.).
- Достоверность и убедительность данных.
- Уровень литературной редакции текста, точность выражения, лаконичность, стройность и логичность аргументации, а также соответствие редакционным требованиям (построение статьи, ссылки, корректность цитирования, аккуратность оформления, в т.ч. графиков и таблиц).

2. Передавая в редакцию рукопись, автор обязуется не публиковать ее ни полностью, ни частично ни в каком ином издании без согласия редакции. Публикации

журнала не могут быть воспроизведены в любой форме без письменного разрешения редакции.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений. Автор обязан указать источники всех приводимых в статье цитат, цифр и иной информации. Аббревиатуры поясняются.

3. Текст набирается в программе Word любой версии, представляется на CD или другом носителе либо по электронной почте с приложением распечатки (на одной стороне листа), кегль 14, через 1 интервал. Рукопись должна быть пронумерована, подписана всеми авторами. Статья должна иметь рекомендацию к печати научного руководителя, если научный руководитель является соавтором, то рецензентом может быть человек, равный ему по научному статусу, специалист в той области науки, которую затрагивает тема статьи. Также необходимо предоставить справку о результатах проверки статьи в системе анализа текстов на наличие заимствований «Антиплагиат». Научная статья должна иметь не менее 80 % оригинальности текста. Обязательно наличие у статьи Международного классификационного индекса (УДК).

Предельный объем статьи – до 10 страниц, включая список литературы, таблицы и рисунки с подписанными подписями.

Порядок оформления статьи:

Название статьи должно быть информативным, лаконичным, раскрывать содержание статьи и не превышать 10 – 12 слов. В заглавии нежелательно использовать аббревиатуру.

Сведения об авторе(ах): фамилия, имя и отчество автора(ов), ученая степень, должность, учреждение (полное название, без сокращений и аббревиатуры), почтовый и электронный адреса, контактный телефон.

Ключевые слова – основные понятия или термины, расположенные в строку через запятую. Рекомендованное количество ключевых слов – 5 – 7, количество слов внутри ключевой фразы – не более трёх.

Аннотация должна быть объемом не менее 100 – 150 слов, располагается перед текстом статьи. Аннотация включает характеристику основной темы, проблемы объекта, цели исследования, основные методы, результаты исследования и главные выводы. Так же необходимо указать, что нового несет в себе научная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению. Аббревиатуры

и сокращения в аннотации должны быть раскрыты.

Библиография (References) оформляется в соответствии с требованиями библиографических стилей, принятых в МНБД, например:

Книги:

Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009.

Bourdieu P. An Invitation to Reflexive Sociology. Chicago: University of Chicago Press, 1992.

Статьи в журналах:

Мещеркина Е.Ю. Социологическая концептуализация маскулинности // Социологические исследования. 2002. №11. С. 15-25.

Yanitsky O. From Nature Protection to Politics: The Russian Environmental Movement 1960-2010 // Environmental Politics. 2012. 21 (6): 922-940.

Статьи в сборниках:

Мареева С.В. Идея справедливости в портрете общества, о котором мечтают россияне // О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2013.

Yurchak A. Gagarin and the rave kids: Transforming power, identity and aesthetics in post-Soviet nightlife // Consuming Russia: Popular Culture, Sex and Society Since Gorbachev/ Edited by A.M.Barker. Durham and London: Duke University Press, 1999.

Монографии и сборники под редакцией:

Мансуров В.А. (ред.) Социальная динамика и трансформация профессиональных групп в современном обществе. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2007.

Rootes C. (ed.) Environmental Movements: Local, National and Global. London and Portland, Oregon: Frank Cass, 1999.

Если присутствует в статье ссылка на источник в электронном виде, оформлять по требованиям указанным выше. Авторам необходимо знать, что нет необходимости ссылаться на электронный документ, в случае существования его печатного аналога. В трудах академического характера более приемлемым является приведение ссылок на печатные издания. При оформлении электронной ссылки в списке литературы желательно указывать авторство (если оно есть), название документа (статьи и т.п.), перед самой ссылкой ставить значок «URL». Электронный адрес

и дату обращения к документу приводят всегда. Дата обращения к документу – та дата, когда человек, составляющий ссылку, данный документ открывал, и этот документ был доступен. Оформляется в скобках. Например:

Заключение Общественной комиссии по расследованию причин и последствий природных пожаров в России в 2010 году. URL: http://www.yabloko.ru/mneniya_i_publicatsii/2010/09/14 (дата обращения: 15.12.2010).

При ссылке на источник в тексте указывается порядковый номер в квадратных скобках (например, [7, с. 27]). Список использованной литературы составляется в алфавитном порядке.

Ссылки на законодательство, статистическую информацию, публицистическую литературу, а также уточнения следует оформлять постранично (в виде сносок) с помощью автоматической звездочки (*) или нумерации.

Число формул должно быть минимальным. Формулы вносятся в текст. Таблицы должны быть озаглавлены, не допускается наличия в них пустых граф. К таблице указывается источник. Также просим предоставлять исходные данные для графиков, диаграмм и таблиц по запросу редактора после принятия рукописи к публикации (в отдельных файлах MS Excel). Условные сокращения и символы следует пояснять в примечании.

Статья (название, сведения о авторе(ах), аннотация, ключевые понятия, текст статьи, библиография) полностью переводится на английский язык.

4. Полнотекстовые версии статей выставляются в свободном доступе на <http://vlastdviu.ru/>

5. Все рукописи направляются по адресу: 680000, Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Дальневосточный институт – филиал, редакционно-издательский отдел (телефон редакции: (4212) 305-306, e-mail: rio@dviu.ranepa.ru).

Примечания. 1. Заказные и ценные письма и бандероли редакция не получает. 2. Рукописи по почте не возвращаются. 3. Авторский экземпляр журнала можно положить в редакции.

Материалы, опубликованные в журнале «Власть и управление на Востоке России» в 2018 году

№ 1

Ма Юцзюнь
Суслов Д. В.
Бардаль А. Б.	Туристическое сотрудничество провинции Хэйлунцзян с Россией в приграничных районах
Система пунктов пропуска через государственную границу: российский Дальний Восток
Новокрещёнов А. В.
Шуляева А. В.	От местных советов к местному самоуправлению и обратно
Количественные и качественные показатели предоставления мер социальной поддержки многодетным семьям в Хабаровском крае
Аверина О. Р.	Протестанизм на Дальнем Востоке России: история, современное состояние и проблемы (часть 2)
Зинятова М. Н.
Клеймёнов Е. А.
Чепиков Е. В.
Байков Н. М.	Состояние профессиональной служебной и физической подготовки в общественном мнении сотрудников правоохранительных органов: региональный аспект
Доверие как основополагающий базис гражданского общества
Березутский Ю. В.	Роль государственной молодежной политики в развитии социальной активности молодёжи
Сидорова Н. П.	Общественные организации как форма реализации гражданской активности населения региона
Мельницкая Ю. А.	Государственно-общественное партнерство в сфере межнациональных отношений
Клеймёнов Е. А.	Выборы и политические партии как инструменты демократии в Хабаровском крае
Шабурова Д. П.	Методологические и организационные подходы оптимизации предоставления статистической информации органам исполнительной власти региона
Завьялова О. В.	Развитие информационной системы архивных учреждений как фактор повышения качества услуг населению
Адаменко И. И.	Зарубежный опыт ретроспективной оценки регулирующего воздействия (на примере Организации экономического сотрудничества и развития)
Рябкова Е. А.	Социокультурная адаптация международных студентов: теоретические аспекты исследования

№ 2

Сяогуан Бай	Анализ текущей ситуации и перспектив китайско-российского сотрудничества в сфере культурных индустрий в рамках проекта «Один пояс, один путь»
Крючков В. Г.	Оценка состояния инвестиционного климата в субъектах Дальневосточного федерального округа
Шлык Н. А.
Титова С. Ю.	Система поддержки экспорта малого бизнеса (российский и зарубежный опыт)

Рыбко Ю. Ю. Вакулюк Е. А.	Взаимодействие с экспертным сообществом в рамках института оценки регулирующего воздействия в Хабаровском крае
Шуляева А. В. Калугина Н. Б.	Организация работы с обращениями граждан на муниципальном уровне управления
Покида А. Н. Зыбуновская Н. В. Сидорова Н. П.	Влияние средств массовой коммуникации на формирование правовой культуры граждан Бедность населения как социальная реальность современного общества: основные подходы к оценке
Каменева Т. Н. Кунилова К. Д. Лихачева Е. В.	Учебный процесс как механизм адаптации иностранных студентов к условиям российского общества Физическая культура и спорт в системе объективных и субъективных факторов региона
Литвинцева С. А.	Выбор профессии врача в системе детерминирующих факторов
Кузьмичев Е. В.	Факторы финансового поведения населения Дальнего Востока
Лаврентьев И. А.	Методы оценки уровня диверсифицированности экономики в современных региональных исследованиях
Ранаквургина Е. А. Мендель А. В.	Спрос на кредитные ресурсы и экономический рост Всероссийские проверочные работы как инструмент независимой оценки и управления качеством образования: социологический аспект
Грицюта Т. М.	Концептуальные подходы к определению понятия «качество социального управления организацией»: теоретический анализ

№ 3

Бардаль А. Б. Грицко М. А. Халикова С. С. Хван И. С.	Измерение доступности транспортных услуг на Дальнем Востоке
Найден С. Н. Дёмина О. В.	Спрос населения на услуги энергоснабжения в южной зоне Дальнего Востока
Антонова Н. Е. Бардаль А. Б.	Взаимовлияние лесного и транспортного комплексов Дальнего Востока: история вопроса, современные проблемы и возможности развития
Цветова Г. В. Стемковская Е. С. Медведева Н. В.	Страховой рынок Дальневосточного федерального округа: состояние и тенденции развития Практика применения метода дорожного картирования в развитии государственной гражданской службы
Домрачев А. А. Байков Н. М.	Инвестиционный климат в региональном измерении Самоопределение студентов техникумов и колледжей региона в социологическом измерении
Березутский Ю. В.	Профессиональное самоопределение молодежи в оценках учащихся и их родителей

Сидорова Н. П.	Перспективы трудоустройства выпускников системы среднего профессионального образования в оценках работодателей
Клейменов Е. А.	Институциональные ожидания курсантов и слушателей в образовательной организации
Лескова И. В. Степашов Н. С. Конищева Е. В.	Жизненные затруднения преподавателей высшей школы: поведенческие рефлексии
Мотрич Е. А. Ярославцева Т. А.	Современные проблемы в сфере сохранения и пополнения дальневосточного социума
Кривоносова Л. А. Ус М. А.	Особенности этнической идентичности мигрантов на Дальнем Востоке России
Винокурцева Е. А.	Мониторинг обеспеченности специалистами в сфере закупок как инструмент эффективности контрактной системы (по материалам исследований в Забайкальском крае)
Андроняк И. А.	Совершенствование практики регламентации муниципальных услуг
Смирнов Ф. Ф.	Совершенствование антикоррупционного обучения должностных лиц

№ 4

Белоусова А. В. Грицко М. А. Найден С. Н.	Демографические перспективы развития Дальнего Востока и Хабаровского края: возможности достижения
Лада А. С.	Проблемы привлечения трудовых ресурсов в субъектах Дальнего Востока
Грицко М. А.	Особенности формирования человеческого капитала в крупных центрах концентрации населения Дальнего Востока России
Ефременко В. Ф. Габунов В. В.	Воспроизводственная структура Дальневосточного макрорегиона России - проблемы сбалансированности и развития
Иванченко О. Г., Иванченко Е. С., Титкова А. Ю.	Развитие инструментов промышленной политики: дальневосточный вектор
Блинова Т. Н.	Совершенствование управления территориальной доступностью
Рензин О. М.	Тенденции структурных сдвигов в валютном инструментарии взаимодействия стран Северо-Восточной Азии
Зикунова И. В. Грейзик С. В.	Транспортно-логистический потенциал Хабаровского края в контексте развития внешнеторгового потока через северный морской путь
Резанов В. К. Резанов К. В. Зверева Ю. В. Тай Юйлян	Трансграничные зонтичные структуры как основа приграничного международного кластера
Мазанкова Т. В.	Трансформация рынка общественного питания в пореформенный период российского общества

Буланова М. А.	Оценка реализации демографической политики в Хабаровском крае
Поливаева О. Г.	Территориальные особенности формирования заработной платы: дальневосточный аспект
Халикова С. С.	Оценка уровня бедности населения Хабаровского края
Кулагина Ю. А.	Развитие программного обеспечения управления профилактикой здоровья населения г. Хабаровска
Андроняк И. А.	Нормативное содержание понятия муниципальная услуга и его сущностные характеристики
Галичанин Е. Н.	Закрепление населения на Дальнем Востоке – ключевая задача Национальной программы развития региона
Вальковская В. В. Туркулец С. Е.	Создаем будущее сегодня: приоритеты научно-просветительской деятельности XXI в.
Попов Д. А.	Генезис российской торговли: от «Русской правды» до «Соборного уложения»

Власть и управление на Востоке России

Научный журнал

2018 г. № 4 (85)

Корректор: С. В. Очкасова

Технический редактор: Ю. А. Шишватова

Компьютерная верстка: Ю. А. Шишватова

Дата выхода в свет – 29.12.2018 г.

Формат бумаги 60х84 1/8 А-4

Усл. печ. л. – 11,0

Учетн.-изд. л. – 13,2

Тираж – 500 экз.

Заказ № 53

Свободная цена

Адрес издателя и типографии: 680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33
Дальневосточный институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Тел.: 30-53-06, 30-65-49; факс: (4212) 30-53-06 E-mail: rio@dviu.ranepa.ru

Web-сайт: <http://vlastdviu.ru/index.html>